

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ – 1978

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Рукописи не возвращаются

Корректоры Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова

Сдано в набор 19/VII-1978 г. Подписано к печати 17/XI-1978 г. ФГ 06374.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 4296. Тираж 3215. Цена 1 руб.

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.
Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

В. М. НАСИЛОВ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКАХ¹

В процессе лингвистической работы над текстами тюркских памятников разных исторических периодов довольно часто приходится наблюдать двойственность значений отдельных аффиксов словообразования, которая может быть объяснена спецификой развития и становления их значений. В данной статье подобные явления рассматриваются в системе глагольных форм. Некоторые из глагольных морфем не укладываются в систему грамматической квалификации, заданную традиционной грамматической терминологией. За термином обычно кроется научная абстракция, стабилизирующая и фиксирующая определенность грамматического понятия, и это является своего рода штампом для понимания конкретной грамматической категории именно в заданных семантических пределах.

В большинстве грамматик тюркских языков глагольная форма, состоящая из глагольной основы и сложного аффикса *-ғалы, -гәли*, интерпретируется как «деепричастие цели»: *алғалы* 'чтобы взять', *кәлгәли* 'чтобы прийти' и т. д.

В словосочетаниях эту форму семантически и функционально можно приравнять в одних тюркских языках к так называемому «инфинитиву» типа *аларға, кәлэргә*, в других — к глагольному имени в дательном падеже типа *алышқа, кәлишкә*, а в третьих — к подобному имени типа *алуға, кәлуғә*. По аналогии в формах на *-ғалы/-гәли* сложный аффикс *ға+лы, гә+ли* рассматривается аналитически, причем *-лы/-ли* выделяется как аффикс отыменного назначения. С помощью этого аффикса от именных основ образуются атрибутивные имена, выражающие относительные признаки, или же субстантивные имена с аналогичной семантикой; например: *атлы* 'обладающий лошадей' или 'владелец лошади', но также 'конный', 'всадник' (см. *атлы эскэрлэр* 'кавалерия'). Можно предположить поэтому, что форма глагола с аффиксом *-ға/-гә* некогда также имела именное значение. В древней фазе развития тюркских языков была заметна диффузия смысла между глагольными и именными основами, что в современном тюркском языкознании часто трактовалось как омонимия различных лексем, причем такое явление рассматривалось

¹ Настоящая статья публикуется в связи с 85-летием со дня рождения профессора В. М. Насилова. Статью в архиве ученого обнаружила его вдова Н. Д. Насилова. Судя по первоначальному состоянию статьи, имеющей подзаголовок «Этюд 1-й», и отсутствию библиографии к ней, данная работа не была окончательно завершена и подготовлена автором к печати. Однако, учитывая неслабевающий интерес тюркологов к проблематике, затронутой В. М. Насиловым, и высокий научный авторитет ныне покойного автора, редакция сочла целесообразным опубликовать эту статью. Редактирование статьи и подготовка ее к печати были осуществлены по просьбе редакции Г. Ф. Благовой. В тексте сохранена авторская транскрипция. (Примеч. ред.).

в плане обогащения словаря того или иного языка. Между тем, диффузию глагольных и именных морфем можно наблюдать на уровне не только чисто грамматическом, но и лексемно-корневом. Ср. *буз* 'разрушать', 'портить' и *буз* 'разрушение, порча, распад'; *уз* 'рвать, разрывать' и *уз* 'разрыв, разъединение частей' и т. д.

В связи с такой глагольно-именной диффузией аффикс *-га/-гэ* в древности мог быть оморфичным. Видимо, в этой оморфии не было случайного совпадения двух различных *-га/-гэ*; на самом деле это был один и тот же аффиксальный элемент, хранивший некую единую семантическую направленность, а впоследствии — по мере становления именных и глагольных частей речи — соответственно дифференцировавший свои значения. Это дало возможность известным словообразовательным элементам стать разными морфемами с различными значениями.

Большинство грамматистов, рассматривая так называемое «деепричастие цели», выявляет его адвербиальную сущность. Однако возникает вопрос, действительно ли эта форма так же адвербиальна, как и деепричастия — слитное, соединительное и другие, или же она сохраняет следы номинативности, как и формы на *-арга/-эргэ*, *-ышқа/-ишкэ*, *-увга/-увгэ*.

При выяснении сущности формы *-галы/-гэли* у носителей уйгурского и узбекского языков оказалось, что непосредственное назначение этой формы в предложении — не обстоятельство при сказуемом, а объект, выявляющий цель совершения основного действия. Такая функциональная нагрузка форм на *-галы/-гэли* засвидетельствована и в средневековых тюркских памятниках. Например: *өзүң сақланурсэн ажун тиргэли/өлүм сақланур ол сэни тутқалы* (КБВ)² 'Ты сам [жадно] стремишься собрать воедино вселенную [то есть блага мира], / А смерть устремлена тебя схватить'. Точнее было бы перевести: 'Ты сам блюдешь [себя] для цели собирания благ мира, / А смерть устремлена [букв.: хранит себя] для цели захвата тебя'. *Биз кэдүк буларны һәләк қылғалы, сәни қутқарғалы* (Рбг.) 'Мы пришли с целью погубления их и избавления тебя'. *Каабага барурда Абу Хашимни көргэли* (ТЭ) 'Когда я направился в Каабу с намерением увидеть Абу Хашима'. *Бушар айтты: Мэгэр тэмаша қылғалы барурсэн* (ТЭ) 'Бушар сказал: Разве ты идешь развлекаться' (то есть к цели развлечения).

Еще более рельефно значение и функция формы на *-галы/-гэли* зафиксированы в орхоно-енисейских рунических памятниках. Например, в памятнике в честь Тоньюкука: *Иупка эриклик топлағалы учуз эрмиш/йинчгэ эриклик үзгэли учуз* (Тон.) 'Мягкое быстро собрать легко, / Тонкое быстро оборвать легко', иначе говоря: 'Быстрое собирание мягкого — легко, / Быстрое обрывание тонкого — легко'.

В этом примере следует обратить внимание на предикативное сочетание *эриклик топлағалы* — *учуз*: грамматический субъект *топлағалы* согласуется здесь с именным компонентом сказуемого *учуз*, а это может указывать на именную сущность грамматического субъекта *топлағалы*. Точно так же можно трактовать словосочетание *үзгэли учуз*. Доказательным аргументом в пользу номинативной сущности формы на *-галы/-гэли* нам представляется сама возможность употребления предикативного словосочетания, при котором грамматическим субъектом выступает эта форма. Такая возможность подтверждается другими древними примерами: *учқалы, батғалы болурлар* 'существуют стремящиеся летать и нырять'; *адрылғалы, йирилгэли эрү-эру кич болты* 'уже было давно [букв.:

² Приняты следующие сокращения: КБВ — «Кутадгу билиг», венская рукопись; АХ — «Атэбэту-ль-хэкаик»; ТЭ — «Тэзкэрэ-и эвлийэ»; Рбг. — Рабгузи «Кыссас-уль-энбийэ»; Тон. — «Памятник в честь Тоньюкука».

поздно, после], когда были стремящиеся разлучиться и отделиться», *киргэли тур* 'готовый войти'.

Все эти примеры позволяют думать, что морфологический элемент *-га/-гэ* мог быть оморфичен аффиксу дательного падежа, но имел не его значение, специфичное для именных категорий, а выражал целенаправленность, связанную с семантикой глагольных основ. Морфемосочетание *-га/-гэ* + *-лы/-ли* должно быть отнесено к субстантивно-адекативной категории. По своему грамматическому значению форма с названным морфемосочетанием никак не является «деепричастием цели», как это чаще всего принято думать, исходя, в основном, из перевода на другой язык.

Обратимся теперь к другим грамматическим формам, где выступает аффикс *-га/-гэ* (*-а/-э* в южнотюркских языках) — прежде всего к так называемой форме *optativ'a*. См. примеры: *Бу күн кэндү сүжүк бу тирмэк саңа* / *Ачыг болға йарын қодуқун* (АХ) 'В этот самый день тебе сладостно это собирать, / [однако] завтра оно станет горьким, [и] ты совершенно отбрасываешь [его]'; *Бэргэлэр өзүн аның көзіңе* (КБВ) 'Они должны отдать себя под его наблюдение'.

Мы усматриваем непосредственную смысловую и грамматическую связь аффикса *-га/-гэ* в этих формах с формантом *-галы/-гэли*. В том и другом случаях аффикс *-га/-гэ* присоединяется к основе глагола. Диффузные семантические колебания самой глагольной основы в тот древний период, когда происходило становление грамматических форм, могли способствовать варьированию семантики морфемы *-га/-гэ*, основным значением которой было направление в пространстве и времени. Видимо, в ходе морфологического развития глагола и имени это первичное значение *-га/-гэ* конкретизировалось в зависимости от того, при котором из них эта морфема выступала: при глаголе или при имени, и с какими другими словообразующими аффиксами сочеталась; тем самым достигалась известная трансформация грамматических форм, которые впоследствии стали дифференцировать глагольные и именные образования. Таким путем из первичного значения целенаправленности действия или явления, выражавшегося в аффиксе *-га/-гэ*, могла развиться семантика оптативности, то есть долженствования, необходимости, желательности, волюнтаривности, а также будущего времени. При аффиксе *-га/-гэ* в этих случаях возникал элемент *-й* (*-га/-гэ* + *-й* = *-гай/-гэй*), который А. ф. Габэн считает эмфатическим элементом³. В процессе исторической эволюции словообразования и словоизменения этот *-й* стал еще в глубокой древности аффиксом волюнтарива, желательного наклонения или модальности в таких глагольных формах, как *алай* 'возьму-ка я; давай я возьму', *алайлы*, *алайлық*, *алайық* 'возьмем-ка мы; давай возьмем; пожалуй, возьмем'. Гипотеза о том, что эти формы образовались из форм типа *алғай*, где *ғ/г* редуцировались, остается не доказанной.

Интересно проследить семантику формы на *-га/-гэ*, *-гай/-гэй*, *-қай/-кэй* в грамматических работах, где ей уделено большое внимание⁴. Авторы «Алтайской грамматики» (Н. И. Ильминский, В. И. Вербицкий и другие) полагали, что формы на *-қай/-кэй* в алтайском языке выражают склонность или способность к действию: *йылақай* 'плаксивый', *иштэткэй* 'трудолюбивый', *чалчыкай* 'прилежный'. В других языках алтайской группы названная форма выражает много модальных оттенков

³ См.: «Philologiae Turcicae fundamenta». Bd. I. Wiesbaden, 1959, стр. 39.

⁴ См., например: Н. Ф. Катанов. Опыт исследования грамматики урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903; Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.

значения (в том числе и указанные нами выше). В тувинском языке форма на *-жай* отнесена к «согласительному наклонению», например: *баргай мэн* 'ладно, пойду'⁵.

Допустимо предположить также, что отглагольные имена, образованные аффиксом *-фа/-гэ/-жаж/-кэк*, могут быть связаны с той же эволюцией грамматической семантики. Этот аффикс мы рассматриваем как морфемосочетание: *-фа/-гэ* + словообразовательный аффикс *-ж/-к* (*-ф/-г*), имеющий очень широкие возможности в образовании имен (также непосредственно и от глагольной основы). Аффикс *-фа/-гэ* придает подобным образованиям семантику целенаправленности, предназначенности независимо от того, обозначают ли они орудия действия или же определенную функцию. Примеры на первый случай: *орфаж* 'серп' (орудие для срезывания хлебных злаков, от *ор* 'жать, сжинать'): *кысжаж* 'тиски' (*кыс* 'сжать, сжимать, сдавливать'); *бычфаж* 'нож' (*быч* 'резать, делить'); *ичкэк* 'вампир, кровопийца' (*ич* 'пить'). Примеры семантического взаимодействия между корневой и аффиксальной морфемами в случае, когда отглагольное имя на *-фаж/-гэк* выражает привычную функцию, устойчивое действие или постоянное свойство, определившееся в результате познания направленного действия: *батжаж* 'болото, трясина' (то есть место погружения); *тозфаж* 'пыль' (главным образом, мучная), 'хрупкий, ломкий' (то есть имеющий тенденцию рассыпаться); *кырфаж* 'край, полá, обрез'; *тэккэк* 'стремящийся лягаться' (ср.: *атның эң йаманы* — *тэккэк* 'самая плохая лошадь, которая лягается'); *кум сачжаж* 'песок — сыпучий'.

При столь широком грамматико-семантическом диапазоне аффикса *-фа/-гэ* можно предположить, что и глагольное имя на *-ган/-гэн* имеет непосредственную связь с названными явлениями словообразования. При этом элемент *-фа/-гэ* здесь не приходится считать только оморфичным в рассмотренных выше словообразовательных формах. Дело в том, что аффиксальный элемент *-н*, агглютинирующий с морфемой *-фа/-гэ*, также можно обнаружить в словообразовании как имен, так и глаголов. В соединении как с именными, так и с глагольными основами *-н* образует формы, выражающие имманентные свойства, самодовлеющие внутренние качества того или иного явления. Ср. качественные прилагательные типа *узун*, *үстин*, *йажын*, *йашурун*, *бутүн* и т. д., с одной стороны, а с другой — медиально-возвратные глаголы, где налицо непреходящее, самодовлеющее проявление действия, например: *сэвин* 'радоваться' (но не 'радовать себя'); *ковун* 'радоваться, быть радостным'; *корқун* 'бояться'; *махтан* 'хвалиться, бахвалиться' (но не 'хвалить себя'); *иман* 'верить' и т. д.

Аффикс *-ган/-гэн* образует атрибутивные глагольные имена. Лексические свойства глагольных основ, взаимодействуя со смысловой направленностью морфемы *-ган/-гэн*, дают в результате атрибутивную характеристику действия или состояния, проявляющегося во временных пределах. Такая грамматическая семантика глагольного имени на *-ган/-гэн* отражается и на его синтаксических функциях: оно способно выступать в качестве компонентов определения, дополнения, подлежащего и сказуемого. Ввиду огромного объема научной литературы, трактующей о грамматических свойствах и синтаксических функциях этого глагольного имени, мы не приводим соответствующих примеров для иллюстрации сказанного.

⁵ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Указ. раб., стр. 397.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Л. Г. ТИМОНИНА

ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОТТСКОМ ЯЗЫКЕ

Котты — одна из малых народностей Сибири, полностью исчезнувшая к середине прошлого века. Однако сведения о языке коттов сохранились благодаря работам замечательных ученых-путешественников XVIII—XIX веков Д. Г. Мессершмидта, П. И. Страленберга, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. Е. Фишера, М. А. Кастрена и других исследователей сибирских народов и их языков.

Котты, как и другие енисейские народности, являлись потомками древних обитателей Сибири, составлявших в более поздние эпохи лишь небольшие разрозненные этнические группы, языки которых, генетически не связанные между собой, были условно объединены учеными под общим названием «палеоазиатские» языки.

Коттский язык входит в енисейскую языковую группу. Ее генетические связи до сих пор еще не установлены, и она включает в себя языки народностей, населявших бассейн реки Енисей с древнейших времен, — кетов, коттов, аринов, ассанов и пумпоколов. По предположению А. П. Дульзона, опиравшегося на данные топонимии, енисейцы населяли в свое время весь юг Западной Сибири между верховьями Иртыша и Енисея¹. В связи с миграцией в этот регион тюрков и монголов енисейцы были со временем вытеснены в более северные районы ниже по течению Енисея, где и расселились по берегам реки и некоторых ее притоков.

В наше время сохранилась только небольшая группа кетов численностью примерно в тысячу человек, говорящая на родном кетском языке; остальные енисейцы раньше или позже были ассимилированы соседними народами.

Котты жили южнее остальных енисейских народностей. Они расселились и кочевали, в основном, в бассейне реки Кан (притока Ангары)².

С древних времен соседями коттов, как и других южных енисейцев, были тюркские племена. Соседство было настолько тесным, что значительная часть южных енисейцев подверглась тюркизации и была ассимилирована различными группами соседних тюркских племен³. Енисей-

¹ А. П. Дульзон. Опыт этнической привязки топонимов субстратного происхождения. — «Вопросы лингвистики», вып. II. Томск, 1969, стр. 4.

² Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 209—212.

³ См. об этом: Л. П. Потапов. Указ. раб., стр. 215—216; В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 91—96.

цы участвовали в формировании тюркоязычного населения Саяно-Алтайского нагорья: современных хакасского, тувинского и алтайского народов⁴.

Длительное и тесное соседство с тюркскими народами оставило заметный след в лексике коттского языка. Зачастую котты пользовались заимствованными тюркскими словами там, где другие енисейцы сохраняли исконные слова. Это, как правило, довольно поздние заимствования, вошедшие в коттский язык после распада енисейской языковой общности на отдельные языки и диалекты.

Среди тюркских заимствований в коттском языке есть, однако, и такие, которые встречаются в нескольких или даже во всех енисейских языках. Подобные заимствования, возможно, являются отголосками древнейших контактов енисейцев с тюрками и восходят, очевидно, к древнетюркскому или еще более раннему периоду.

В данной статье говорится лишь о тех тюркских заимствованиях в коттском языке, которые, на наш взгляд, не могут вызывать сомнений. Наиболее древние заимствования, остающиеся пока еще во многих отношениях спорными, должны быть рассмотрены особо⁵.

Котты издревле были охотниками и рыбаками и, видимо, не занимались скотоводством и хлебопашеством. Лексика, обозначающая домашних животных, масти лошадей, скотоводческий инвентарь и приспособления, продукты животноводства и земледелия, в основном была заимствована ими у тюрков.

Коттам была тем не менее знакома лошадь, о чем свидетельствует наличие в коттском языке общенисейского слова *хиъ* 'лошадь'. Однако из тюркских языков они заимствовали слова для обозначения отдельных видов лошадей: *aškâr* 'жеребец' (ср.: др.-тюрк. *adıg*, *adıg*, *ajıg* [ДТС, 28], куманд. *айгыр* [Баскаков, 198], тув. *аскыр* [РТС], хак. *асхыр* [РХС], тат. *asqur* [Доннер, 6]); *kulûn* 'жеребенок' (ср.: др.-тюрк. *qulun*, алт., тув., кирг. *кулун*, уйг. *қулун* [Рассадин, 191], хак. *хулун* [РХС], куманд. *кулун* [Баскаков, 227]); *kaltar* 'коричневая лошадь с белой мордой' (ср.: тат. *qaltar* [Доннер, 25]). Заимствованы и слова, обозначающие масти лошадей: *toğ* 'гнедой' (ср.: др.-тюрк. *toğıç*, алт. *тору*, хак. *торығ*, туркм. *дор*, каз. *торы*, кирг. *тору*, уйг. *торуқ*, тоф. *döğüç* [Рассадин, 174]); *şag*, *şag* 'соловый' (ср.: др.-тюрк. *sağıç*, хак. *сарығ*, алт., туркм., тат., каз., кирг. *сары* [Рассадин, 226], куманд. *сары* [Баскаков, 246]); *şo:ğog* 'чубарый', 'пестрый' (ср.: алт. *чоокыр*, тув. *шокар*, хак. *чо-хыр* [Рассадин, 228], куманд. *чоокур*, *чоокыр* [Баскаков, 269]); *ala* 'пегий' (ср.: др.-тюрк., алт., тув., хак., як., каз., кирг., уйг., туркм. *ала* [Рассадин, 152]).

Кроме названий различных видов лошадей, котты заимствовали у тюрков названия и других домашних животных. Среди них: *koı* 'овца' (ср.: др.-тюрк. *qoı*, хак., тув. *хой*, алт., кирг. *кой*, уйг., каз. *қой* [Рассадин, 189]); *boga* 'бык' (ср.: др.-тюрк. *buqa*, алт. *бука*, тув., тат., туркм. *буга* [Рассадин, 165], куманд. *буга*, *пуга* [Баскаков, 207]); *buşo:u* 'теленка' (ср.: хак. *пызо* [РХС], тув. *бызаа* [РТС], куманд. *позу*, *позуу*, кирг. *тизoo* [Баскаков, 242]); *şoşka* 'свинья' (ср.: др.-тюрк. *şoşıq* [ДТС, 151], хак. *сосха* [РХС], куманд. *чочка* [Баскаков, 269]). Сохранившееся в

⁴ «История Сибири», т. I. Л., 1968, стр. 360—361.

⁵ Значительная часть этих слов рассмотрена К. Боудом, который первым обратился к проблеме тюркских заимствований в енисейских языках (см.: K. Bouda. Die Sprache der Jenissejer: Genealogische und morphologische Untersuchungen. — «Anthropos», vol. 52, 1957, стр. 75—78), однако многие из них требуют более тщательного анализа в свете новых данных по тюркским и енисейским языкам.

коттском языке слово *tabat* 'верблюд' имеет параллели: в др.-тюрк. *tebā*, тув. *теве*, хак. *тибе*, тоф. *tebé* [Рассадин, 233], як. *тэбиен* [ИС, I, 387]. Но коттская форма представляется более древней. Если сравнить кот. *tabat* и указанные тюркские формы с монгольскими (ср.: староп. монг., ойр. *temegen*, совр. монг. *тэмээ(н)*, бур. *тэмээн*, калм. *темэн* 'верблюд'), то можно восстановить древнюю форму **taban/tabat*, восходящую, возможно, к общеалтайскому языковому состоянию. Слово *tabat* появилось, вероятно, в коттском языке в те далекие времена, когда в Туве и на Южном Алтае разводили верблюдов⁶.

К тюркским заимствованиям в коттском языке следует также отнести кот. о:г 'табун' (ср.: др.-тюрк. *ögür*, алт. *үйүр*, *үйүр*, хак. *өр*, *өör*, тоф. э:г [Рассадин, 215], куманд. *өр*, *үйүр* [Баскаков, 238, 264]) и *bal* 'скот' (ср.: др.-тюрк. *mal*, тув., хак., як., алт., кирг., тат. *мал*, тоф. *mal* [Рассадин, 205], куманд. *мал*, *пал* [Баскаков, 232]).

От тюрков — скотоводов и наездников — перешли в коттский язык следующие слова: *kamči* 'бич' (ср.: др.-тюрк. *qamči*, тув. *кымчы*, хак. *хамчы*, алт., тат., кирг. *камчы* [Рассадин, 223]); *urkán* 'аркан' (ср.: алт., кирг. *арқан*, уйг. *а(р)қан* [Севортян, 175]); *ku:ga* 'ремень', 'веревка' (ср.: др.-тюрк. *qig*, тув., як., алт., кирг. *кур*, хак. *хур* [Рассадин, 222]); *koskup* 'подхвостник' (ср.: хак. *хосхын* [РХС]); *balṭu* 'топор' (ср.: др.-тюрк. *balṭu* 'секира' [ДТС, 81], хак. *палты*, *малты* [РХС], тув. *балды* [РТС], куманд. *малта*, кирг. *balta* [Баскаков, 232]); *kaleš*, **kališ* 'меч' (ср.: хак. *хымыс* [РХС], тув. *хылыш* [РТС], куманд. *кылыч*, *кылыш* [Баскаков, 230]); *d'ida* 'копье' (ср.: алт. *йыда*, тув., хак. *чыда*, тоф. *hšyida*, *hšida* [Рассадин, 199]).

У тюрков заимствовали котты названия некоторых продуктов питания (вероятно, и сами продукты, обозначаемые этими словами). Кот. 'talgan 'мука' является енисейским словом, хотя и не исконным: заимствование вошло во все енисейские языки. Сравним: кот. 'talgan, др.-тюрк. *talqan* 'поджаренная мука', 'толокно', тоф. *dalhan*, тув. *далган* 'мука', алт. *талкан*, хак. *талған* 'толокно' [Рассадин, 169], куманд. *талган* 'талкан', 'ячневая мука' [Баскаков, 251].

Для обозначения понятия «хлеб» енисейцы также пользуются заимствованными словами. Котты, как и другие южные енисейцы (арины, асаны), употребляют одно и то же слово *itpak* 'хлеб', имеющее соответствия в шор., саг., койб., кач. *итпак*, алт. *өтпөк* [Севортян, 254], куманд. *этпек* [Баскаков, 276].

Если можно предположить, что хлеб и муку котты могли заимствовать вместе со словами их обозначающими, то этого нельзя сказать о молоке. Хотя и существует енисейское слово для обозначения этого продукта питания, котты, в отличие от остальных енисейцев, не называли молоко исконным словом. Они пользовались тюркским по происхождению словом *šut* 'молоко' (ср.: др.-тюрк. *sūt*, алт., хак. *сүт*, тув., каз., кирг., уйг. *сүт* [Рассадин, 229]).

Слова, означающие понятия «жир» и «масло» у коттов, как и у всех других енисейцев, имеют тюркский источник. Кот. *ki:g* 'жир' (кет. *кыт*, *кы:т*) сопоставимо с др.-тюрк. *kiğ*, алт., як., кирг., уйг., узб. *кир*, тув. *хир*, хак., каз. *кёр* 'грязь' [Рассадин, 188]. Кот. *ka:jaḥ*, *ka:jaḡ* 'масло' имеет соответствия и у тюрков (ср.: хак. *хаяк* [РХС]) и у самодийцев (ср.: *камас*. *каја* [Доннер, 25]); однако К. Доннер считает, что камасинцы заимствовали это слово у соседей — татар (тат. *қајақ* [Доннер, 25]).

⁶ «История Сибири», т. I, стр. 228, 258, 297, 301, 375.

Другие же самодийцы этого слова не употребляют, и вслед за К. Доннером можно полагать, что и у камасинцев, и у коттов оно является тюркским заимствованием.

Кот. *šulī* 'овес' (ар. *су'лу*, асс. *шу'ли* [Дульзон, 175]) сопоставимо с хак. *сула* [РХС], тув. *сула* [РТС], куманд. *сулы, сула* [Баскаков, 247], а также с камас. *сулу* [Доннер, 60]. Возможно, кот. *šulī* было заимствовано у западносибирских татар, занимавшихся примитивным земледелием и выращивавших овес⁷.

Кот. *агká* 'водка', вероятно, вошло в коттский язык давно и, возможно, восходит к общеалтайскому источнику. Сравним: кот. *агká*, алт. *аражы*, хак. *арага*, тув. *арага*, як. *арыгы, аргы*, а также монг. *агаки*, тюрк. *агаqu*, маньчж. *агkí*, тунг. *агака*, тиб. *a-rág*, арабск. *агрáq* [Севортян, 166].

Возможно, таким же древним заимствованием является кот. *та:тук* 'табак' (ср.: алт. *тамкы*, хак. *тамгы, тамкы*, башк., тат. *тэмэкэ*, кирг. *тамеки*, каз. *темеки*, туркм. *темәки* [Рассадин, 232]).

Длительное проживание по соседству с тюрками способствовало заимствованию коттами и многих культурных терминов. Известно, что котты жили в чумах и землянках. В их языке есть общенисейское слово со значением «дом», «жилище» (кот. *huš* 'дом'). У соседей — тюрков они заимствовали слово *туга, тогá* и использовали его в значении «комната» (ср.: др.-тюрк. *туга* 'укрепленное жилище', 'крепость' [ДТС, 587], хак. *тура* 'дом', 'здание' [РТС], куманд. *тура* 'дом' [Баскаков, 257]), а также *атах* 'шатер' (ср.: др.-тюрк. *отау* 'шатер', 'жилище', хак. *отaх* 'шалаш', тоф. *эдау* 'охотничий стан в тайге (с костром)', уйг. *отақ* 'юрта', 'охотничья сторожка' [Рассадин, 210]).

Улус (поселок) котты называли также тюркским по происхождению словом *аgel, *ajel* (ср.: др.-тюрк. *ау́л* 'загон для скота', алт. *айыл*, тув., хак. *аал* 'селение', 'деревня', тоф. *а:л* 'группа юрт', 'семейство', 'двор', 'хозяйство', кирг. *айыл* 'аул', 'группа юрт близких родственников' [Рассадин, 157]).

Енисейцы, как известно, не хоронили умерших в земле. Этот обычай пришел к ним позднее, и в связи с этим у коттов слова, обозначающие могилу и гроб, были заимствованы из языка тюрков. Сравним: кот. *кот-ту* 'могила', хак. *хомды* [РХС], тув. *хомду* [РТС] 'гроб', др.-тюрк. *көм-* 'погружать во что-либо', 'зарывать', 'хоронить' [ДТС, 314].

Кот. *о́л* 'гроб' представляется возможным сопоставить с др.-тюрк. *öl-* 'умирать', *ölmäk, ölüм* [ДТС, 383, 384] 'смерть', а также хак. *өлім* [РХС], тув. *өлүм* [РТС], куманд. *өлте(н)* [Баскаков, 238] 'смерть'.

К этой же группе культурных заимствований следует отнести кот. *ко:руг, коруг* 'мост' (ср.: др.-тюрк. *көргүк* [ДТС, 317], тув. *ковүруг* [РТС]).

Среди тюркских заимствований в коттском языке имеется значительная группа слов, обозначающих предметы домашнего обихода. Кот. *d'o:rgan* 'покрывало', 'одеяло' сопоставимо с тоф. *hso:ghan* 'теплое одеяло из шкур', тув. *чоорган*, хак. *чорган* [Рассадин, 197]. Кот. *карту* 'ножницы' можно сопоставить с хак. *хыпты* [РХС] и куманд. *кыпта* [Баскаков, 230]; кот. *širtupui širtafui* 'подушка' с тув. *сыртгык* [РТС]. Кот. *кат* 'бумага' тоже пришло из тюркского (ср.: др.-тюрк. *qayāt* [ДТС, 405]), в кумандинском находим два слова с этим значением — *кагат* и *кат* [Баскаков, 216, 220]. В коттском языке есть два слова со значением «рубаха» — *ку-капак* и *ко:пак*. Вероятно, это одно и то же слово, заимствованное котта-

⁷ «История Сибири», т. I, стр. 355, 363.

ми в различных фонетических вариантах у разных соседей — тюрков. Сравним: кот. кикапак и хак. *кӱгенек* [РХС], а также кот. *ко:пак* и куманд. *кӱнек, кӱнӱк* [Баскаков, 228, 229] (ср.: др.-тюрк. *könläk* [ДТС, 315]). Кот. *асрах, аспак* 'котел' можно считать заимствованием из одного из древнетюркских диалектов, учитывая якутскую форму *хасрах* [Доннер, 6].

К тюркским заимствованиям следует отнести и вошедшие в коттский язык через тюркский монгольские слова, означающие «трубка (курительная)» и «сукно (грубое)». Сравним: кот. *капша*, алт. *каңза*, хак. *хаңза*, тув. *даңза* [Рассадин, 169], куманд. *канъза* [Баскаков, 219] 'трубка курительная'. Кот. *tagei*, **tagei* 'сукно' сопоставимо с хак. *турей* 'голенщик', тоф. *tũg'ej* 'наколенники' (надевались при ходьбе по глубокому снегу) [Рассадин, 236]. При заимствовании в этом слове произошел семантический сдвиг: в тофаларском оно обозначало «наколенники», а в коттском стало обозначать «сукно (грубое)», из которого, видимо, делались голенщица и наколенники.

Тесные культурные, общественные, торговые отношения между коттами и их соседями — тюрками привели к тому, что котты заимствовали такие слова, как кот. *кап* 'князь' (ср.: алт. *каан*, тув. *хаан*, хак., каз. *хан*, кирг. *кан* [Рассадин, 187] 'царь, хан'); кот. *алрӑп* 'дань' (ср.: алт., тоф., тув., хак. *албан* [Рассадин, 153], як. *албан* [Севортян, 448]); кот. *tui*, *toi* 'свадьба' (ср.: хак. *той* [РХС], куманд. *той* [Баскаков, 254], тоф. *dɔj* [Рассадин, 73]); кот. *а:реš*, **а:риš* 'священник' (ср.: др.-тюрк. *abiš*, *abiq* и собств. [ДТС, 2], куманд. *ааныс, абыс* [Баскаков, 197], хак. *абыс* [РХС] 'священник'); кот. *а:са* 'черт' (ср.: алт., тув. *аза*, калм. *аз* 'злой дух', тоф. *аза* [Рассадин, 157]). Кот. *а:са* сопоставимо и с *камас. üzüit* («Kleiner Teufel») [Доннер, 82], которое, по мнению К. Доннера, восходит к тат. *üzüt, üsüt* [Доннер, 82].

Следствием существовавших экономических отношений с тюрками явились и такие заимствования, как кот. *кагеš, кариš* 'пядь' (ср.: др.-тюрк. *qariš*, алт., кирг. *карыш*, тоф. *нагыš* [Рассадин, 186] 'пядь', куманд. *карыш* 'четверть' — мера длины [Баскаков, 220]); кот. *неп* 'сажень' (ср.: тоф. *һеп*, алт. *кем*, як. *кэм*, тув. *хемчег* 'мера' [Рассадин, 189]).

Интересно, что почти все названия металлов, известных коттам, были заимствованы ими у тюркских племен. Хакаско-Минусинская котловина и окружающие ее горы были богаты железом, медью, оловом, золотом. Обитавшие там тюркские племена занимались обработкой металлов⁸.

К тюркским заимствованиям следует отнести: кот. *altun* 'золото' (ср.: др.-тюрк. *altun*, хак., алт., кирг., каз. *алтын* [Севортян, 142], тув. *алдын* [Рассадин, 153], куманд. *алтын* [Баскаков, 201]); кот. *купиш* 'серебро' (ср.: др.-тюрк. *küptüs* [ДТС, 326], хак. *кӱмӱс* [РХС], куманд. *кӱмиш* [Баскаков, 228]); кот. *kolá* 'медь', 'латунь' (ср.: алт. *куулы*, тув., хак. *хола* 'латунь', 'бронза', кирг. *коло* 'бронза' [Рассадин, 222], куманд. *куулы, кола* 'желтая медь' [Баскаков, 224, 228]); кот. *baker* (у А. П. Дульзона [стр. 172]: *ба'гыр*) 'медь', 'латунь' (ср.: др.-тюрк. *baŷır, baŷır* [ДТС, 78, 82]); кот. *bolat* 'сталь' (ср.: тоф. *bolat* [Рассадин, 72], хак. *молат* [РХС], куманд. *болот, полот* [Баскаков, 207]); кот. *korko:tn*, **kogogotn* 'свинец' (ср.: тоф. *qɔrgɔl'hɜin*, алт. *коргол'ын*, тув. *коргулчун*, хак. *хоргамчыл* [Рассадин, 221]). В *камас. korröld'žep* 'свинец' [Доннер, 32] тоже заимствованное слово и, как полагает К. Доннер, из татарского *qoŷaŷul, qoŷaŷup*. Возможно, кот. *korko:tn* имеет очень древний источник, восходящий к общеалтайскому языковому состоянию, о чем свиде-

⁸ «История Сибири», т. I, стр. 299.

тельствует древнее чередование в ар. *коргол'джин*, асс. *коргоден*, кот. *кор'гот* [Дульзон, 180].

Среди тюркских заимствований в коттском языке выделим также небольшую группу слов, обозначающих птиц и животных, явления природы, особенности ландшафта. У енисейцев, как известно, есть общее слово для обозначения волка. Однако котты, в отличие от остальных енисейцев, называют волка заимствованным тюркским словом *во:гу* (ср.: др.-тюрк. *bögi*, алт. *бөрй*, тув., кирг. *бөрү*, як. *бөрө*, тоф. *бэпй* [Рассадин, 165], куманд. *бөри*, *бөрй* [Баскаков, 207]).

К тюркским заимствованиям следует отнести также кот. *кага:ға* 'ворона' (ср.: др.-тюрк. *қағуа*, алт. *карга*, хак. *харға*, тув. *каарган*, тат., кирг. *карга* [Рассадин, 219], куманд. *карга* [Баскаков, 219]).

Кот. *isag* 'глухарь' сопоставимо с тоф. *еъsir*, тув. *эзир* 'орел', як. *эсир* 'птица наподобие журавля' [Рассадин, 183].

Кот. *игик* 'горная долина' сопоставимо с тоф. *эгиқ* 'дорога', 'тропа', тув. *орук* 'дорога', 'путь', алт. *орык* 'тропа', хак. *орак* 'звериная тропа', як. *орох* 'тропинка диких зверей' [Рассадин, 212], восходящими к др.-тюрк. *огиқ* 'дорога', 'путь' [Рассадин, 212], сохранившемуся лишь в сибирских тюркских языках.

Кот. *tʰanʃaŋ* 'дневной свет', 'днем' — сложное слово, первая часть (*tʰan-*) которого имеет соответствия в др.-тюрк. *taŋ*, а также в алт. *тан*, хак., кирг., уйг., каз., тат. *таң*, тоф. *даң*, тув. *даң* 'рассвет', 'утренняя заря' [Рассадин, 169].

Рассмотрим еще одну группу слов — названия частей тела человека. Обычно подобная лексика относится к исконной, но у коттов находим слова: *кало:х* 'ухо' (ср.: др.-тюрк. *қулақ*, алт., тув., кирг. *кулак*, хак. *хулах*, тат. *колак*, тоф. *қулақ* [Рассадин, 222]); *карах* 'лоб' (ср.: хак. *хамах* [РХС], тув. *хавак* [РТС], куманд. *кабак* [Баскаков, 216])⁹; *ка:çoga* 'лодыжка' (ср.: хак. *хазых* [РХС], тув. *кажык* [РТС]); *асаг* 'лопатка' (анатом.) (ср.: хак. *чарын* [РХС], тув. *чарын* [РТС]). К этой же группе заимствований следует отнести кот. *ро:k*, *ро:g*, *fo:k*, *fo:q*, *ho:k* 'кал' (ср.: др.-тюрк. *boq* [ДТС, 112], куманд. *бок*, *пок* [Баскаков, 207] 'навоз').

Большая группа заимствований встречается среди прилагательных: *rai* 'богатый' (ср.: др.-тюрк. *бай*, алт., тув. *бай*, хак. *пай* [Рассадин, 158]); *kasak*, *kasax* 'здоров' (ср.: тув., алт. *кадык* 'здоровье' [Рассадин, 216], хак. *хазых* 'здоровый' [РХС], тоф. *қадық* 'здоровье', 'здоровый' [Рассадин, 216])¹⁰; *eseg* 'пьяный' (ср.: др.-тюрк. *esüg-*, *ösüg-* 'пьянеть', алт. *эзир-*, тув. *эзир-*, хак. *изір-*, каз. *есір-*, кирг. *эсир-* 'пьянеть' [Рассадин, 183]); *koaš*, *koa:š* 'красивый' (ср.: тув. *каас* 'нарядный', хак. *хоос* 'рисунок', 'узор', чул.-тюрк. *коос*, *куас* 'красивый', тоф. *қа:s* 'рисунок', 'узор' [Рассадин, 220]); *agak* 'худой' (ср.: др.-тюрк. *агиқ*, *агиқ*, *игиқ* [Севортян, 160], куманд. *арык* [Баскаков, 203], хак. *арых* [РХС], туркм. *арық*, тат., узб. диал. *аррық*, тур. диал. *igik* [Севортян, 160]), *agix* 'чистый' (ср.: др.-тюрк. *агйү* [ДТС, 51], хак. *арығ* [РХС], тув. *арыг* [РТС]); *aksax* 'хромой' (ср.: др.-тюрк. *aqsaq* 'калека', парн. *aqsaq çolaq* 'хромой и безрукий' [ДТС, 49], тув. *аскак* [РТС], хак. *ахсах* [РХС], куманд. *аксак* [Баскаков, 199], алт., каз., кирг. *aksak* [Севортян, 76]); *kalakai*, *kalakei* 'зайкающийся' (ср.: хак. *килегей* [РХС], тув. *келдир* [РТС] 'зайка'); *bi:k* 'крепкий (прочный)' (ср.: др.-тюрк. *bek* [ДТС, 92], хак. *пик*, тоф. *б'еък*, кирг., алт. *бек* [Рассадин, 161]); *keŋšo* 'умный' (ср.: хак. *кирсее* [РХС], куманд. *керсиғ*,

⁹ Кот. *карах* входит в сложное слово *карах-е:k* 'бровь' (буквально: 'волосы лба').

¹⁰ Камас. *к'азәк* 'здоровый' К. Доннер считает заимствованием из тат. *qazuq* (Доннер, 27).

керсу, кирсиг [Баскаков, 222]). Кот. *elör*, **erol* 'трезвый' могло иметь как тюркский (ср.: тоф. *el'æ:g*, алт. *эрйүл*, тув. *элээр* [Рассадин, 180]), так и монгольский источник (ср.: бур. *элүүр*, калм. *эрүл* [Рассадин, 180]).

Значительное число коттских наречий также имеет соответствия в тюркских языках: кот. *utur* 'навстречу' (ср.: др.-тюрк. *udru*, *udugu* 'напротив', тув. *удур* 'против', хак. *удур* 'навстречу', алт. *удура* 'навстречу', кирг. *утуру* 'навстречу', тоф. *udugu* 'навстречу' [Рассадин, 236], алт., хак., тув. *удур* 'против', 'навстречу' [Севортян, 610]); кот. *ša:pa*, **ša:p* (*šap*) 'позже' (ср.: др.-тюрк. *soŋ* 'после', 'затем' [ДТС, 508], хак. *соонаң* [РХС], тув. *соңнай* [РТС] 'позже', тоф. *soŋ* 'поздно', кирг. *соң* 'затем', 'после' [Рассадин, 227]); кот. *u:ša* 'далеко (вдали, отдаленно)' (ср.: др.-тюрк. *uzup* 'длинный', 'долгий', алт., тув., хак., кирг., уйг., тоф. *узун* [Рассадин, 238]); кот. *baŋ*, **ba:g* 'все' (ср.: у К. Доннера [стр. 8]: камас. *bāg* < тат. *bāg*, а также др.-тюрк. *baŋ* 'все', *baŋca* 'все', 'весь', *baŋu* 'всё' [ДТС, 83, 84, 85]); кот. *uñša* 'всегда', 'постоянно' (ср.: тоф. *huñzu* [Рассадин, 118]); *be:lep* 'готово' (ср.: хак. *пилен* [РХС], тув. *белен* [РТС], куманд. *белен* [Баскаков, 206] 'готовый'); кот. *kólša* 'медленно' (о человеке, лошади) (ср.: хак. *көөлче* [РХС]); кот. *haŋši* 'хорошо' (ср.: хак. *чахсы* [РХС], куманд. *дыакшы, тьякшы, чакшы* [Баскаков, 210]).

Таким образом, коттско-тюркские языковые контакты свидетельствуют о влиянии, которое южносибирские тюркоязычные народы оказали на енисейцев в культурном и хозяйственном отношении.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Баскаков* — Н. А. Баскаков. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект кумандинцев (куманды — кизи). М., 1972.
Доннер — Kai Donners kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik bearbeitet und herausgegeben von A. J. Joki. Helsinki, 1944.
ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
Дульзон — А. П. Дульзон. Словарные материалы XVIII века по кетским наречиям. — «Ученые записки Томского педагогического института», т. 19, вып. II, 1961.
ИС — «История Сибири», т. I. Л., 1968.
Рассадин — В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
РТС — «Русско-тувинский словарь». Под редакцией А. А. Пальмбаха. М., 1953.
РХС — «Русско-хакасский словарь». Под редакцией Д. И. Чанкова. М., 1961.
Севортян — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.

алт. — алтайский язык,
 ар. — аринский язык,
 арабск. — арабский язык,
 асс. — ассанский язык,
 бур. — бурятский язык,
 камас. — камасинский язык,
 кач. — качинский диалект хакасского языка,
 койб. — койбальский язык,
 кот. — коттский язык,
 куманд. — кумандинский диалект алтайского языка,

ойр. — ойротский язык,
 саг. — сагайский диалект хакасского языка,
 совр. монг. — современный монгольский язык,
 староп. монг. — старописьменный монгольский язык,
 тиб. — тибетский язык,
 тоф. — тофаларский язык,
 чул.-тюрк. — язык тюрков Чулыма,
 шор. — шорский язык,
 як. — якутский язык.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Е. И. МАШТАКОВА

ПРОБЛЕМЫ ТУРЕЦКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВЕТСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Исследование литературы Турции в процессе ее исторического развития занимает заметное место в советской тюркологии¹. Большинство работ ученых посвящено литературе нового и новейшего времени, то есть периода примерно со второй половины прошлого века до наших дней. Однако все острее ощущается необходимость изучения национальных традиций средневековой турецкой литературы, существенно воздействующих на творчество современных писателей. Это необходимо также для правильного понимания многих литературных, культурных и идеологических проблем современной Турции.

Советские литературоведы в своих исследованиях опираются на достижения и опыт известных турецких, европейских ученых и русских тюркологов, труды которых не утратили своего значения и поныне. Так, профессор Петербургского университета В. Д. Смирнов (1846—1922)², его коллеги из Лазаревского института восточных языков академики А. Е. Крымский (1871—1942)³ и В. А. Гордлевский (1876—1956)⁴, превосходно знавшие фактический материал, открыли для науки многие, ранее не привлекавшие внимания исследователей произведения литературы, выявили роль и место последней в развитии культуры турок.

Первые десятилетия своего существования советская тюркология занималась главным образом исследованием языка и истории Турции, преимущественно нового и новейшего времени.

В последнюю четверть века заметно активизировалось изучение средневековой турецкой литературы, принявшее планомерный характер. Это исследование осуществляется Институтом востоковедения Академии наук СССР, университетами, академическими и другими научными учреждениями Москвы, Ленинграда, Баку, Тбилиси.

¹ Некоторое представление об этом дает статья: А. К. Сверчевская. Обзор исследований в области турецкой литературы (1950—1970). — В сб.: «Problemy literatur orientalnych. Materiały II Międzynarodowego Sympozjum. Warszawa—Kraków 22—26 maja 1972». Warszawa, 1974, стр. 167—174.

² В. Д. Смирнов. Очерк истории турецкой литературы. — В кн.: «Всеобщая история литературы», т. IV. СПб., 1891; *его же*. Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1891, 2-е изд. СПб., 1903; *его же*. Кучибей Гюмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873.

³ А. Е. Крымский. История Турции и ее литературы (от возникновения до начала упадка), т. I. М., 1916, т. II. М., 1910.

⁴ В. А. Гордлевский. Избранные труды, тт. I—IV. М., 1960—1968.

На новом современном этапе исследовательской работы туркологи-медиевисты наряду с изучением отдельных конкретных фактов и явлений, текстологическими изысканиями ставят и пытаются разрешить с позиций марксистской методологии ряд основополагающих теоретических вопросов.

Так, разрабатывая периодизацию истории турецкой литературы, рассматриваемой в рамках единого мирового литературного процесса, советские исследователи используют сравнительно-типологический анализ, стремятся выявить типологическую принадлежность какого-либо эстетически значимого литературного факта или явления, раскрыть общие или сходные с другими литературами тенденции развития турецкой литературы в ту или иную историческую эпоху и т. д.

Периодизация восточной литературы имеет свои традиции. Издавна, начиная с тезкере, практиковался династийный принцип описания, однако в отношении литературы Турции он в настоящее время, разумеется, не выдерживает критики. Эта проблема, касающаяся всех литератур Востока, дискутировалась в свое время на специальной конференции⁵.

Решение вопросов периодизации относится к важнейшим задачам восточного литературоведения. Периодизация, являясь своего рода обобщением знаний о литературе, представляет собой в то же время исходный пункт для последующего углубленного изучения литературы, выяснения ее исторической роли в разные периоды развития общества. Литература как одна из форм проявления общественного сознания, развиваясь вместе с обществом, обладает вместе с тем и относительной самостоятельностью. Периодизация должна отражать основные закономерности развития данной литературы и в то же время соотноситься с наиболее общими закономерностями мирового литературного процесса.

Признавая общую историческую основу литературных периодов, советские туркологи выделяют в развитии литературы Турции три основные эпохи: средневековую, новую и новейшую, каждая из которых имеет свои этапы.

Начальный этап развития средневековой турецкой литературы (XIII — первая половина XV века) — это литература раннего средневековья. Во время формирования турецкого государства и в первые века его существования литература складывалась на основе взаимодействия устно-поэтических традиций тюркоязычных и других народов региона, под мощным влиянием арабо-персидской культуры. Эти процессы и в дальнейшем сильно воздействовали на характер развития турецкой культуры. Литература этого этапа турецкого средневековья изучена пока мало, не исследованы даже важнейшие литературные памятники, творчество многих крупных поэтов и т. д. У нас опубликовано по этим проблемам несколько работ. Так, В. С. Гарбузова написала историко-филологическое исследование о воинской повести «Сказание о Мелике Данышменде»⁶. Э. Д. Джавелидзе свою работу посвятил главным образом религиозно-философским взглядам одного из основоположников турецкой литературы Джеляледдина Руми и влиянию их на средневековую поэзию Турции⁷. Н. А. Айзенштейн опубликовала результаты ана-

⁵ И. В. Боролина, В. Б. Никитина, Е. В. Паевская, Л. Д. Позднеева. К вопросу о периодизации литератур Востока в средние века. — В сб.: «Проблемы периодизации истории литератур народов Востока». М., 1968, стр. 50—60. Этими же авторами написано (в основном повторяющее названную статью) предисловие к университетскому учебнику «Литература Востока в средние века», ч. I, М., 1970, стр. 3—20.

⁶ В. С. Гарбузова. Сказание о Мелике Данышменде. Историко-филологическое исследование. М., 1959.

⁷ Э. Д. Джавелидзе. Джелаль-эд-дин Руми и становление турецкой литературы (вопросы мировоззрения). Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1975.

лиза памятника житийной литературы эпохи сельджукидов⁸. Х. Г. Короглы исследовал проблемы, связанные с героическим эпосом «Огузнаме»⁹. В ряде статей Г. А. Горбаткиной, А. Г. Тагирджанова, В. Б. Куделина, В. И. Асланова и других авторов рассматривается творчество ранних турецких поэтов: Шейада Хамзы¹⁰, Юнуса Эмре¹¹, Ахмеди¹² и других.

Краткая характеристика общих закономерностей раннего периода турецкой средневековой литературы содержится в статье И. В. Боролиной¹³, где рассматриваются вопросы о синкретическом характере мировоззрения писателей, обусловившем многие особенности раннего периода средневековой турецкой литературы, о преобладании устной формы бытования не только фольклорных, но и авторских сочинений. Последним, как известно, присущи традиционность, каноничность (стереотипные образы, определенный набор мотивов и эпизодов в сюжетах, традиционные жанры и поэтические формы с их устоявшейся системой изобразительных средств и т. д.). К концу этого периода особую роль в литературном процессе стала играть городская литература, в поэзии возросло значение личностного начала; турецкий язык утвердился в качестве основного литературного языка.

Второй этап в истории литературы Турции (с середины XV века до начала XVII века) одни ученые называют литературой развитого средневековья, другие — литературой Возрождения. С точки зрения монографического изучения творчества поэтов этого периода он исследован еще недостаточно: можно назвать лишь две книги. Е. И. Маштаковой впервые был опубликован критический текст Дивана Михри-хатун (XV век)¹⁴. Э. Д. Джавелидзе посвятил монографию творчеству и жизни Рухи Багдади (XVI век)¹⁵. Анализ лирики поэта позволил автору рассмот-

⁸ Н. А. Айзенштейн. Несколько наблюдений над литературным памятником анатолийских сельджуков «Житие Бахаэддина Веледа». — «Советская тюркология», 1976, № 3, стр. 48—84.

⁹ Х. Короглы. Огузский героический эпос. М., 1976.

¹⁰ Г. А. Горбаткина. Первая турецкая поэма о Юсуфе и Зелихе (XIII век). — «Краткие сообщения Института народов Азии», 84. Литературоведение. М., 1965, стр. 3—13; А. Г. Тагирджанов. «Кисса-и Юсуф Али» и «Юсуф и Зулайха» Шайада Хамзы. — В кн.: «Филология и история тюркских народов. Тюркологическая конференция в Ленинграде 7—10 июня 1967 г.». Л., 1967, стр. 3 (тезисы доклада); его же. «Юсуф и Зулайха» Фирдоуси и «Юсуф и Зулайха» турецкого поэта Шайада Хамзы. — В кн.: «Филология и история стран зарубежной Азии и Африки». Тезисы юбилейной конференции восточного факультета, посвященной 50-летию Великого Октября. Л., 1967, стр. 51.

¹¹ В. Г. Куделин. Некоторые вопросы истории изучения жизни и творчества Юнуса Эмре. — «Вестник Московского университета». Востоковедение. 1970, № 2, стр. 72—81; его же. Поэзия Юнуса Эмре (к вопросу о гуманизме в литературе средних веков). Автореф. канд. дисс. М., 1974; его же. Философские и морально-этические проблемы в поэме Юнуса Эмре «Рисалат ал-Нухия». — В кн.: «Литература и время». М., 1973, стр. 99—107.

¹² В. И. Асланов. Ахмеди и его «Искендер-наме». — «Народы Азии и Африки». 1966, № 4, стр. 161—175; А. Х. Нуриахметов. «Искендер-наме» Ахмеди в рукописных собраниях Ленинграда. — «Краткие сообщения Института народов Азии», 69, 1965, стр. 136—151; Дж. Каграманов. Об одной старинной рукописи. — «Доклады АН Азерб. ССР», т. 18, 1962, № 9, стр. 71—74.

¹³ И. В. Боролина. К типологической характеристике турецкой средневековой литературы. — В упомянутом выше сб.: «Problemy literatur orientalnykh...», стр. 49—57.

¹⁴ Михри-хатун. «Диван». Критический текст и вступительная статья Е. И. Маштаковой. М., 1967; ее же. Об одной рукописи стихов Михри-хатун. — «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1969». М., 1972, стр. 208—219 и 382—397.

¹⁵ Э. Д. Джавелидзе. Рухи Багдади (Жизнь, мировоззрение, лирика). Тбилиси, 1968 (на грузинском языке), резюме на русском языке (стр. 154—171).

реть мировоззрение поэта и установить, что оно характеризовалось прежде всего хуруфизмом, будучи в основе своей суфийским.

Дальнейшее всестороннее изучение наследия выдающихся писателей, интерпретация многих фактов и явлений позволят сделать более обоснованные выводы о характере литературы второго этапа. Пока же существуют значительные различия в его оценке, что вызвано несопадением мнений туркологов по ряду принципиальных вопросов. Но выдвижение новой научной гипотезы и разработка под углом ее зрения конкретного материала оказались плодотворными и принесли определенные положительные результаты.

Теоретическое обоснование существования в истории турецкой литературы эпохи Возрождения наиболее полно дано в работах И. В. Боролиной¹⁶. Общественно-культурное движение Ренессанса означало попытку создать новую светскую культуру, способную противопоставить себя феодально-церковной культуре средневековья. Эта эпоха и на Востоке, считает исследовательница, характеризуется обращением к прошлому; шло высвобождение античных традиций от средневековой схоластики. Наперекор преследованиям со стороны «официальной» религии, возрождались проявления «язычества», присущие творчеству дивных (в любовных и обрядовых песнях, играх и т. д.). По мнению И. В. Боролиной, у турок это выражалось, в частности, в радениях алявийско-кызылбашских сект. В этом, в данном случае, проявлялась единая и целостная народно-смеховая, «карнавальная» культура, напоминающая известные явления эпохи Ренессанса на Западе. В отношении Турции это прослеживается на своеобразном материале: празднествах в ночи Рамазана, интермедиях-диалогах Карагёза, фарсах и анекдотах-латифе моллы Насреддина, дервиша Бекташи, пародиях, каламбурах и т. п. Разбор стихов Мелихи и Ревани (XV—XVI века) приводит к выводу, что возрожденческий гуманизм находил опору в среде городской богемы: «Лишь в среде, освобождавшейся от феодального застоя и косности, вольнодумцы смогли создать произведения, которые подняли литературу на новый этап борьбы против религиозного мировоззрения за светское, этап, знаменовавший эпоху Возрождения»¹⁷. В генетической связи с «карнавальная» культурой рассматриваются и ереси, понимаемые исследовательницей в основном как исторически прогрессивные явления (правда, указывается, что в идейном отношении они не представляют собой единого целого)¹⁸. В традиционных сюжетах выделены легенды о любви. Турецкие авторы в своем стремлении воспеть мистическую любовь часто достигают обратного эффекта — оправдывают любовь земную. «Развитие городской жизни повсюду обуславливает появление демократических тенденций в литературе»¹⁹. Жанры, зародившиеся в фольклоре, теснят издавна существовавшие в письменной литературе. «Лирическая поэзия открывает внутренний мир человека, а любовный эпос и новелла... начинают отражать развитие характера. Лите-

¹⁶ И. В. Боролина, В. Б. Никитина, Е. В. Паевская, Л. Д. Позднеева. О некоторых общих проблемах Возрождения в литературах Востока. — В сб.: «Теоретические проблемы восточных литератур». М., 1969, стр. 377—392; И. В. Боролина. Турецкая литература. — В кн.: «Литература Востока в средние века», ч. II. М., 1970, стр. 315—439.

¹⁷ И. В. Боролина и др. О некоторых общих проблемах Возрождения..., стр. 388.

¹⁸ О значении религиозных ересей для средневековых литератур Востока см.: И. В. Боролина, В. Б. Никитина, Е. Д. Паевская. К вопросу о гуманизме в литературах Востока средних веков. — В сб.: «Идеи гуманизма в литературах Востока». М., 1967.

¹⁹ И. В. Боролина и др. О некоторых общих проблемах Возрождения..., стр. 391.

ратура обращается к конкретному живому человеку, который постепенно становится главным предметом изображения, новым героем, преодолевающим ограничения сословно-иерархического строя»²⁰, — пишет И. В. Боролина.

Своеобразие третьего этапа — литературы позднего средневековья (XVII — середина XIX века) — определяется его переходным характером. В стране в это время завершалась средневековая эпоха, начинали зарождаться буржуазные отношения. И в литературе тоже происходили качественные изменения, давшие впоследствии начало литературе нового времени, просветительской по своей сути. В пределах этого этапа, — можно отметить свои стадийные различия. Так, имеются основания XVII век называть «веком сатиры»²¹. В это время происходит качественный и количественный рост произведений, в резкой критической форме обличающих и высмеивающих пороки общества. Сатирическая струя прослеживается на протяжении всей истории турецкой литературы. Корни ее уходят в начальный период средневековой литературы. В своеобразных формах комического находили отражение социальные конфликты эпохи, ярко проявлялась передовая общественная мысль. В сочинениях нередко юмор и сатира сочетаются с национальными элементами, фольклорными традициями, реалистическими элементами. Все это имело чрезвычайно важное значение для процесса вызревания турецкой национальной литературы. Данные и некоторые другие вопросы рассматривались автором настоящей статьи в очерках истории турецкой сатиры и юмора XIV—XVII веков²², в качестве приложения опубликованы тексты и первые переводы на русский язык некоторых стихов Ашыка-паши, Шейхи, Рухи и Неф'и.

В XVII веке в Турции отмечается подъем сатиры, весьма разнообразной по использованию форм комического. На это же время приходится рост публицистического начала в исторических сочинениях, трактатах, равно как и усиление дидактики в произведениях других жанров. Все больше появлялось сочинений, в своеобразной форме откликавшихся на социальные нужды общества. В то же время намечается спад в панегирической литературе. Происходившая в литературе перестройка находила свое выражение также в идейно-тематических, жанровых и других изменениях.

В идеологическом плане переходный период характеризовался усилением реформаторских тенденций, все яснее прослеживавшихся в умонастроении передовых слоев общества. Известно, что появлению этих тенденций объективно способствовали и осознание затяжного социально-экономического кризиса, охватившего Османскую империю, и становившееся очевидным в ходе турецко-европейских дипломатических, торговых и иных контактов отставание Турции от развитых стран Запада, в частности, в науке, образовании и другом. Попытки проведения реформ в XVIII веке и осуществление некоторых из них в первой четверти XIX века — при всей ограниченности их результатов — способствовали более энергичному пробуждению общественного сознания.

²⁰ И. В. Боролина и др. О некоторых общих проблемах Возрождения., стр. 391—392.

²¹ Определение дано В. Д. Смирновым. (См.: В. Д. Смирнов. Указ. раб., стр. 483).

²² Е. И. Маштакова. Из истории сатиры и юмора в турецкой литературе (XIV—XVII века). М., 1972; *ее же*. Из собрания сатир Неф'и «Стрелы судьбы». — В кн.: «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1971». М., 1974, стр. 50—60 и 523—534.

ния. Положительную роль сыграло и начавшееся в 1727 году издание книг на турецком языке, а позднее — постепенное развитие печати²³.

В XVIII веке в Турции прослеживается появление «первоэлементов» просветительских идей²⁴, нашедших свое выражение прежде всего в публицистике. Наиболее яркий пример — трактат «Основы мудрости в устройстве народов» турецкого первопечатника Ибрагима Мутеферрика [1674 (?) — 1745]. В сочинении этого горячего поборника просвещения, правопорядка и законности, ратовавшего за приобщение турок к научным и культурным достижениям Европы, чувствуются отзвуки идеологии французского Просвещения. Эта книга в свою очередь воздействовала на некоторых современников автора, а позднее — и их последователей. Так, ее влияние сказалось на памфлете «Суть достопримечательного» Ахмеда Ресми (1700—1783). «Сефаретнаме» этого автора о посольских миссиях в Вену и Берлин (1757—1763), как и сочинения его предшественников о посольствах во Францию (1720—1721) — «Парижское сефаретнаме» Мехмеда Челеби Йирмисекиз; в Россию (1758) — Шехди Османа и других авторов, также отражают некоторые передовые идеи своего времени²⁵. Сефаретнаме, получившие именно в XVIII веке особенно большое развитие, сыграли положительную роль в истории турецкой прозы. Обогащая некоторые литературные традиции, они вносили немало нового как в содержание, так и в форму сочинений, что было обусловлено уже самим предметом описания (европейские страны с их ранее неизвестными туркам образом жизни, культурой, наукой и проч.). Под прямым воздействием начинавших крепнуть культурных контактов с Западом создавались первые письменные пьесы на турецком языке с их фольклорной национальной основой и европейской драматургической формой²⁶. Передовые веяния времени прослеживаются и позднее, например, в эпистолярном романе-путешествии в стихах «Страдания в Кешане» Иззета Моллы (1778 или 1785—1829)²⁷.

Эти и многие другие факты²⁸ в совокупности говорят о непрерывном, хотя и замедленном вызревании в недрах турецкой средневековой литературы элементов новой литературы просветительского типа. Следовательно, так называемая литература Танзимата возникла не вдруг под влиянием Запада и в результате проведения административным путем реформ в стране. Культурные, а затем и литературные связи Турции с Европой сыграли большую роль, но их воздействие было подготовлено прогрессивными национальными традициями, преемственность ко-

²³ А. Д. Желтяков. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908 гг.). М., 1972.

²⁴ Е. И. Маштакова. Новые явления в турецкой культуре XVIII века (К постановке вопроса). — В кн.: «Проблемы истории Турции» (Сборник статей). М., 1978, стр. 34—54.

²⁵ Е. И. Маштакова. О турецких сефаретнаме (Из истории литературы XVIII века). — В кн.: «Problemy literatur orientalnykh...», стр. 115—121; *ее же*. Сефаретнаме как жанровая форма турецкой литературы XVIII века. — «Туркологический сборник. 1973». М., 1975, стр. 214—222.

²⁶ Е. И. Маштакова. К истории турецко-европейских литературных связей XVIII века. — В сб.: «История и филология Турции. Тезисы докладов и сообщений. Октябрь, 1976 г.». М., 1976, стр. 66—68.

²⁷ Е. И. Маштакова. «Страдания в Кешане» Иззета Моллы. — В кн.: «Turcologica». (К семидесятилетию академика А. Н. Кононова). Л., стр. 274—283.

²⁸ И. В. Боролина. Региональные контакты и местные традиции в турецкой литературе средних веков. — В сб.: «Интернациональное и национальное в литературах Востока». М., 1972, стр. 190—203; Н. С. Яковлева. Литературные предпосылки возникновения новой турецкой прозы. — «Вестник Ленинградского университета». Л., 1976, № 20, стр. 107—114.

торых прослеживается на протяжении ряда веков. Вообще эти связи на каждом этапе исторического развития были обусловлены соответствующим типом самой литературы. Они различались по своему характеру и имели неодинаковые и неоднозначные последствия для судеб турецкой литературы²⁹.

Об успешном развитии отечественной туркологии, в частности литературоведения, свидетельствуют как исследования конкретных произведений турецкой поэзии и прозы, так и разработка проблем, имеющих общетеоретическую значимость для востоковедного литературоведения.

Советские ученые создали ряд систематических описаний истории турецкой литературы. Первые книги, в очерковой форме знакомящие с турецкой поэзией XIII—XIX веков, написаны В. С. Гарбузовой³⁰. Рассказы о жизни и творчестве поэтов иллюстрируются стихами в оригинале и в основном в новых переводах на русский язык. Опубликованы обзорные лекции этого же автора по турецкой литературе (XIII век — 60-е годы XX века)³¹, обобщающая работа по истории турецкой поэзии³² и энциклопедическая статья (турецкая литература от ее возникновения до эпохи Танзимата)³³. А. Бабаев дал обзор турецкой «классической» литературы в очерке «Турецкая литература»³⁴.

Разделы учебника для студентов университетов, посвященные турецкой литературе XIII — первой половины XIX века³⁵, представляют большой интерес. Здесь И. В. Боролина обобщила свои многолетние исследования в области средневековой турецкой литературы. О некоторых основных теоретических положениях, которых придерживается автор, уже говорилось выше. В одних разделах учебника они получили более развернутую аргументацию, в других, на наш взгляд, не вполне достаточную, что объясняется, по-видимому, неразработанностью многих конкретных материалов или же обязательной краткостью учебника. Ряд письменных памятников и фольклорных произведений здесь интерпретируется совершенно по-новому, что весьма важно.

Опираясь на достижения современной науки, туркологи стремятся внести свою лепту и в изучение мирового литературного процесса³⁶.

Современное состояние литературоведческой науки требует дальнейшего углубления методологических и теоретических основ изучения турецкой литературы на базе широкого круга конкретно-исторических исследований. Исходя из этого, как нам кажется, следовало бы сосредото-

²⁹ И. В. Боролина, В. Б. Никитина, Е. В. Паевская. К вопросу о национальных корнях литературы просвещения (на материале Турции, Ирана, Индии). — В кн.: «Вестник Московского университета». Филология. 1975, № 2, стр. 51—56.

³⁰ В. С. Гарбузова. Поэты средневековой Турции. Учебное пособие. Л., 1963; ранее в сокращенном виде книга была издана на узбекском языке: «Турк адабиёти классиклари». Тошкент, 1960; *её же*. Поэты Турции XIX века. Л., 1970.

³¹ В. С. Гарбузова. Литература Турции. — В кн.: «Краткая история литератур Ирана, Афганистана и Турции. Курс лекций». Л., 1971.

³² В. С. Гарбузова. Турецкая поэзия XIII — первой четверти XX века (основные этапы развития, проблемы творческой преемственности). Автореф. докт. дисс. Л., 1975.

³³ А. А. Бабаев, В. С. Гарбузова. Турецкая литература. — «Краткая литературная энциклопедия», т. 7. М., 1972, стр. 669—672.

³⁴ Л. Алькаева, А. Бабаев. Турецкая литература. Краткий очерк. М., 1967, стр. 7—31.

³⁵ И. В. Боролина. Турецкая литература. — В кн.: «Литература Востока в средние века», ч. II. М., 1970, стр. 315—439; *её же*. Литература Турции. — В кн.: «Литература Востока в новое время». М., 1975, стр. 71—162.

³⁶ Краткий обзор советских исследований, посвященных турецкой средневековой литературе, охватывает основные работы; исключения составляют отдельные статьи, материал которых впоследствии вошел в обобщающие труды. Не названы здесь исследования турецкого фольклора, публикации переводов, а также специальные работы по теории турецкого стиха, так как это потребовало бы значительного расширения статьи.

точить основное внимание на таких задачах: монографическое изучение творчества крупнейших писателей средневековой Турции; разработка и совершенствование периодизации истории турецкой литературы; выявление структуры турецкой литературы в целом и ее видов, жанров и др. (по отдельным историческим периодам); типологическое изучение турецкой литературы; выявление национальной специфики турецкой литературы (в историческом аспекте); системное рассмотрение турецкой литературы в рамках региона (с учетом исторической изменчивости этого понятия); изучение взаимодействия и взаимосвязей (генетических, контактных, типологических) турецкой литературы с инонациональными литературами.

ОНОМАСТИКА

Г. Ф. САТТАРОВ

ТАТАРСКАЯ АНТРОПОТОПОНИМИЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Необходимость научного изучения всех типов собственных имен, представляющих собой определенную категорию слов в лексической системе любого языка, получила в настоящее время всеобщее признание, и современный этап развития мирового языкознания характеризуется интенсивным ростом ономастических изысканий, ведущихся на материале самых различных языков¹. Эти исследования дают ценный материал для выяснения целого ряда сложных вопросов истории языка и его носителей, их этногенеза, этнокультурных и языковых контактов, проблем этнографии, археологии, социологии, исторической географии и других смежных наук. Особенно значительных успехов достигли за последние десятилетия в Советском Союзе антропонимика и топонимика — два основных раздела ономастики, а также соответствующие лексикологические дисциплины. Обогатилась новыми антропонимическими и топонимическими трудами за этот период и советская тюркология².

Личные имена и географические названия Татарии таят в себе немало ономастических проблем.

Такие антропонимы, как личное имя, прозвище и фамилия, являются не только индивидуальным различительным и социальным языковым знаками, но и знаками национальными, четко указывающими на национальность их носителя. Лично-собственные имена как имена нарицательные являются продуктом истории и общественного развития, неся в себе черты национальной культуры, национального самосознания, классового мировоззрения и этико-эстетических норм той или иной эпохи. Вот что пишет в этой связи А. В. Суперанская: «Онимия, как и любая лексика, живо реагирует на все явления, происходящие в окружающей человека среде, в результате чего имена оказываются невольными регистраторами явлений природы и событий, имевших место в общественной жизни. Все это фиксируется в именных основах, при этом в зависимости от явлений, характерных для той или иной эпохи, могут быть выделены и онимические основы, типичные для определенного времени, поскольку слова, обозначающие актуальные явления, легко делаются основами собственных имен»³.

¹ См.: Б. А. Серебрянников. Использование топонимического материала. — В кн.: «Общее языкознание». М., 1973, стр. 97.

² См.: А. Н. Кононов. Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского комитета тюркологов. — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 4.

³ А. В. Суперанская. Общая теория имени собственного. М., 1973, стр. 36.

С древнейших времен между антропонимией и топонимией существовала тесная взаимосвязь и отмечалось взаимопроникновение, ибо «до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»⁴. Превращение личных имен, прозвищ и фамилий (антропонимов) в названия географических объектов (антропотопонимы) — явление типичное и широко распространенное. С этой точки зрения крайне важно исследовать происхождение, этимологию и этнолингвистические наслоения антропотопонимии Татарии как одного из важных источников изучения сложных проблем внутрирегиональных и межрегиональных этнических и языковых связей татарского народа на различных этапах его исторического развития и теоретически осмыслить полученные результаты.

Антропотопонимическая система современной Татарии, находясь в неизбежной взаимосвязи с топонимической системой соответствующего региона, складывалась в продолжение тысячелетия как продукт перехода главным образом личных имен, лично-индивидуальных и семейно-родовых прозвищ татарского и некоторых других (например, близкородственных тюркских, а также финно-угорских, арабского, иранских, монгольских и славянских) языков в топонимический класс, то есть в результате превращения их в географические названия — антропотопонимы. Субстратные, суперстратные и другие антропотопонимы, адаптированные по законам татарского языка и под воздействием сложившейся и устоявшейся здесь самобытной языковой системы, вошли в татарскую антропотопонию как ее составная часть. Подобные антропотопонимы благодаря сохранению в них национального языкового признака в совокупности свидетельствуют о длительных внутрирегиональных и межрегиональных этнокультурных связях и этнических контактах татарского народа с родственными тюркскими и нетюркскими племенами, народностями и народами. Некоторые из этих племен и народностей, участвовавшие в этих исторических процессах, исчезли бесследно; другие оставили свои «следы» в виде географических названий (к которым относятся также и антропотопонимы), являющихся порой единственными историческими свидетельствами отдаленных эпох.

Основную часть единиц антропотопонимической системы татарского языка составляют оригинальные, собственно татарские образования, количество же наименований иноязычного происхождения не превышает одной пятой всего собранного материала. Антропотопонимические единицы иноязычного происхождения восходят в основном к тюркским (к древнетюркскому, болгарскому, башкирскому, чувашскому и т. д.), финно-угорским (марийскому, удмуртскому, мордовскому и т. д.), монгольскому, арабскому, персидскому, русскому и некоторым другим языкам.

В генетическом и этнолингвистическом аспекте татарские отыменные и отпрозвищные антропотопонимы составляют четыре основные группы, в свою очередь подразделяющиеся на нижеследующие подгруппы в зависимости от языков-источников.

I. Антропотопонимы, восходящие к именам и прозвищам тюркского, в том числе: 1) древнетюркского (а), волжско-болгарского (б), 2) старотатарского, 3) чувашского и 4) башкирского, происхождения.

II. Антропотопонимы, восходящие к прозвищам или прозвищам-именам финно-угорского, — а именно: 1) марийского, 2) удмуртского и 3) мордовского — происхождения.

III. Антропотопонимы, восходящие к именам и прозвищам монгольского происхождения.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3. М., 1955, стр. 16.

IV. Антропотопонимы, восходящие к именам, прозвищам и фамилиям русского происхождения.

В рассматриваемом регионе сохранилось несколько антропотопонимов, восходящих к прозвищам и именам, образованным от архаических (но бытовавших в древнетюркском, волжско-булгарском и старотатарском языках) слов. Таковы:

Кырык-Садак — татарское село Буинского района. Это название также восходит к др.-тюрк. прозвищу и этнониму *Кырык Садак*, досл. 'сорок стрел'; ср.: у алтайцев *Саадак* — личное имя со значением 'лук и колчан'⁵, у татар-мишарей известна старинная фамилия *Садаков*.

Пәрәү — название татарских сел Лаишевского района ТАССР и Майнинского района Ульяновской области. В списке населенных пунктов периода Казанского ханства значится деревня *Перевьи* на Ногайской дороге⁶. В чувашском языке слово *пәрәү* < *пәрәв* значит «теленок» (ср.: др.-тюрк. *бузагу*, ног., кумык. *бузав*, казах., ккалп. *бузау*, тат. *бозау*, башк. *бызау*, як. *бору-оску*, монг. *бирагу*, бурят-монг. *буруу* 'теленок' и т. д.); оно употреблялось также у волжских булгар и чувашей в качестве лично-индивидуального прозвища сличком кроткого и слабовольного человека (ср.: *Бозау Самат* 'Самат-теленок' — лично-индивидуальное прозвище у татар) или языческого прозвища-имени *Пәрәү* < **Парау* 'Теленок'; ср.: *Парай* — чувашское языческое мужское имя⁷; *Лия* досл. 'Телушка', перен. 'Ласковая' — древнееврейское женское личное имя; *Бота* 'Верблюжонок' — женское имя у казахов⁸ и т. д. Отсюда можно заключить, что на базе булгарского антропонима *Пәрәү* < **Парау* ~ *Пәрәв* на территории Волжской Булгарии приблизительно в X—XIV веках появились вышеуказанные антропокомонимы *Пәрәү*.

Аки — название русской деревни Высокогорского района. Во времена Казанского ханства эта деревня значилась как татарский населенный пункт (*Черн.*, стр. 284). Антропокомоним *Аки* восходит к булгаро-чувашскому языческому личному имени *Аки* (*Магн.*, стр. 25). Личное имя *Аки* этимологически может быть возведено к древнетюркскому нарицательному слову *aqı* 'щедрый'⁹, ср.: арабские личные имена *Файз*, *Карам* 'Щедрость', *Карим* 'Щедрый', *Сәхи* 'Щедрый', *Сәхия* 'Щедрая' и т. п. В. А. Никонов считает, что русское *Акиев* (и фамилия, и устаревшая форма отчества) также восходит к мужскому личному имени *Аки*, в прошлом зафиксированному у тюркоязычных народов Поволжья — чувашей и татар¹⁰.

Сөкмән 'Сукманы' — название татарского села Агрызского района. В основе данного антропотопонима лежит древнетюркское лично-индивидуальное прозвище *Sökmän* 'прозвище, дававшееся богатырям и герою' (*ДТС*, стр. 510).

В Мамадышском районе (Заказанье) имеются татарские села **Югары Тәкәнеш** 'Верхний Таканыш', **Урта Тәкәнеш** 'Средний Таканыш' и **Түбән Тәкәнеш** 'Нижний Таканыш', компонент *Тәкәнеш* в этих названиях восходит к зафиксированному в шеджере булгарского рода барадж муж-

⁵ О. Т. Молчанова. Мотивированные личные имена у алтайцев. — «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем». М., 1970, стр. 190.

⁶ См.: Е. И. Чернышев. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам). — В сб.: «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971 (далее — *Черн.*), стр. 287.

⁷ В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена. Казань, 1905 (далее — *Магн.*), стр. 6.

⁸ Т. Жанузаков. Қандай есімді ұнатасыз. Алматы, 1968, стр. 36.

⁹ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 48 (далее — *ДТС*).

¹⁰ В. А. Никонов. Опыт словаря русских фамилий, II. — «Этимология, 1971». М., 1973, стр. 232.

скому личному имени *Таканиш*: «... у Джадаш-бека, из рода (племени) барадж булгарского города Биляра, умершего еще до разгрома Биляра Аксак-Тимуром, остались двое сыновей. Одного звали Инсаном, другого — Ихсаном... Ихсан-бек прибыл на Зай. От Ихсана родился один сын, его именовали Альмухаммедом, его сын — Калмухаммед, сын Калмухаммеда — Тукмухаммед, его сын — Атлак, сын Атлака — Шимака, сын Шимака — Тугый, сын его — Симан, сын Симана — Индирчи, сын Индирчи — Таканыш, сын Таканыша — Базаргян»¹¹. У чувашей также было языческое мужское личное имя *Таканыш*¹². Сложное по структуре личное имя Таканыш состоит из двух компонентов: *тауап ~ тоуап* 'сокол' (ДТС, стр. 571) + *ыш ~ иш* 'чета, пара, ровня, товарищ, друг'.

Название татарского села *Чутай* Балтасинского района является антропокомонимом, восходящим к булгарскому языческому мужскому личному имени *Чутай*¹³, ср.: *Чутей* (фонетические варианты: *Чотай*, *Чотей* и *Чоти*) — чувашское языческое мужское имя (Магн., стр. 93—94); *Чути* — семейно-родовое прозвище в селе Молвино Зеленодольского района, возникшее от старотатарского мужского личного имени *Чути*; ср: *Чути* — наименования татарских сел Апастовского и Лениногорского районов (отсюда также старинные татарские фамилии *Чутиев*, *Четаев* и *Чутаев*¹⁴); *Чотай*, *Чоту*, *Чотча* — карачаево-балкарские мужские личные имена, в настоящее время активно употребляющиеся¹⁵, и т. д.

Этимологию булгарского личного имени *Чутай*, чувашского *Чутей ~ Чотай*, карачаево-балкарского *Чотай ~ Чоту*, казанско-татарского семейно-родового прозвища *Чути* можно возвести к чувашскому нарицательному слову *сүтә* 'луч', 'свет'; ср. также: *Чута* — названия рек: 1) на верхнем Днепре и 2) в бассейне Тясмина. Днестровский гидроним *Чута* этимологически отождествляется О. Н. Трубачевым с названием горы *Czuta* в Карпатах, которое в свою очередь возводится к румынскому *seuta* 'лань'¹⁶. По-видимому, эти гидронимы являются реликтами языка причерноморских булгар (V—VII века) и восходят к общебулгарскому апеллятиву **сүта* 'свет, луч', то есть 'светлая, прозрачная река' и т. д.

В данном регионе (главным образом в Нагорной стороне Татарии) имеются также татарские селения с названиями, восходящими к чувашским прозвищам, то есть к словам чувашского языка. Таковыми, например, являются:

Олы Ачасыр 'Большие Ачасыри' и **Кече Ачасыр** 'Малые Ачасыри' в Зеленодольском районе. Антропокомоним *Ачасыр* возник из чувашского лично-индивидуального прозвища *Ачасыр* 'бездетный' (чув. *ача* 'ребенок' + *-сәр* — аффикс отрицания), которое получали бездетные семьи. Деревни *Ачасыр* и *Кече Ачасыр* документально известны с периода Казанского ханства (Черн., стр. 290).

Кошман 'Кушманы' — название татарского села Апастовского района происходит от булгаро-чувашского лично-индивидуального прозвища *Кайшман* 'редька' (о человеке, остром на язык; ср.: татарские прозвища *Суган* 'лук', *Керән* 'хрен', *Сарымсак* 'чеснок', *Торма* 'редька', *Борыч* 'перец' и т. д.). Здесь следует отметить, что венгерские ученые К. Редей и

¹¹ См.: М. А. Усманов. Татарские исторические источники XVII—XVIII веков. Казань, 1972, стр. 174—176.

¹² Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып. XIII. Чебоксары, 1937, стр. 157.

¹³ Х. Муслими. Таварих эль-Булгария. Казань, 1897, стр. 18.

¹⁴ См.: «Памятная книга г. Казани». Казань, 1862, стр. 172.

¹⁵ «Справочник личных имен народов РСФСР». М., 1965, стр. 147.

¹⁶ См.: О. Н. Трубачев. Названия рек правобережной Украины (Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация). М., 1968, стр. 268.

А. Рона-Таш слово **хушман* 'редис, редька' предположительно считают волжско-булгарским¹⁷.

Татар Саплыгы 'Татарский Саплык', **Алешкин-Саплык** (компонент *саплык* восходит к чувашскому лично-индивидуальному прозвищу *Сап-лак*, в основе которого лежит чувашское нарицательное слово *саплăк* 'заплата', ср.: *саплау* 'пришить заплату' в говоре крещеных татар Зака-занья¹⁸ и *Шатрашан* (происходит от чувашского лично-индивидуального прозвища *Шатрасан* 'рябое лицо') — названия татарских сел Дрожжановского района и др.

В состав населения Волжской Булгарии входили отчасти и башкирские племена. О зависимости западных (возможно, и других) башкир от Казанского ханства свидетельствует сообщение Никоновской летописи за 1469 год. Очевидец присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству князь А. Курбский в числе языков Казанского ханства, кроме татарского, мордовского, чувашского, черемисского и вотяцкого, называет и башкирский. В период Казанского ханства в юго-восточном Закамье, в бассейнах рек Зай, Ик и Белая (ареал мензелинского говора среднего диалекта татарского языка) были также кочевья башкир¹⁹. Проживание башкирских племен и родов на территории современной Татарской АССР в средние века и их частичное участие в этносе казанских татар, в особенности представителей мензелинского говора, подтверждается также наличием в данном регионе башкирских наименований татарских сел и деревень, восходящих к башкирским лично-индивидуальным и семейно-родовым прозвищам, исходное апеллятивное значение которых можно объяснить на основе слов, сохранившихся до наших дней в различных говорах башкирского языка.

На территории Татарии нами выявлены, например, следующие антропокомонимы башкирского происхождения:

Атабай-Әнкәбә 'Атабай-Анкабе' — в Буинском районе. Первая часть данного составного антропокомонима — общетюркское (широко распространенное у башкир) личное имя *Атабай* (в тюркских языках *ата*: 1) 'отец', 2) перен. 'матерый' + *бай* 'богатый, богач'), а вторая часть — индивидуальное прозвище *Әнкәбә* 'постоянный'. В демском говоре башкирского языка слово *әнкәбә* и в настоящее время употребляется в значении 'постоянный'²⁰.

Төке 'Тюки' — название татарских сел Дрожжановского и Актамышского районов восходит также к башкирскому лично-индивидуальному или семейно-родовому прозвищу *Төке* 'пескарь'. В говоре демских башкир слово *төке* и сейчас бытует в значении 'пескарь'²¹. Село *Төке* 'Тюки Татарские' основано давно. Исторические источники свидетельствуют о его существовании в Нагорной стороне еще в период Казанского ханства (*Черн.*, стр. 291).

Лақы ~ Ләке 'Лаки' — название татарского села Сармановского района; образовано от личного или семейно-родового прозвища *Лақы*, восходящего, в свою очередь, к башкирскому диалектному названию рыбы. В сакмаровском говоре башкирского языка слово *лақы* употребляется в значении 'вьюн'²².

¹⁷ К. Редеев, А. Рона-Таш. Об одном агрокультурном термине в языках Среднего Поволжья. — В сб.: «Тигсологика» (К семидесятилетию академика А. Н. Кононова). Л., 1976, стр. 142.

¹⁸ «Татар теленен диалектологик сүзлеген» (далее — ТТДС). Казан, 1969, стр. 362.

¹⁹ «История Татарской АССР». Казань, 1968, стр. 71.

²⁰ «Башкорт һөйләштәренен һүзлеген», II том. Ёфе, 1970, стр. 322.

²¹ Там же, стр. 256.

²² Там же, стр. 161.

Кроме вышеприведенных антропотопонимов, о проживании отдельных башкирских родов в средние века и несколько позднее в некоторых населенных пунктах Заказанья и об их участии в этносе местных татар свидетельствуют также и другие исторические факты и башкирские языковые реликты.

Татарская деревня **Яка Арыш** 'Новый Арыш' Рыбно-Слободского района ТАССР раньше называлась *Башкортлар* 'Башкиры'; данное название закрепилось за этой деревней после того, как там поселились башкиры²³. В 1780 году в Казанском наместничестве в татарской деревне Шеки зафиксированы две ревизские души башкир²⁴. На одном из надмогильных памятников деревни Малая Атна Арского района написано название одной родоплеменной организации башкир — *تابين* 'табын' (*йабанчы табын Ак Булад*)²⁵.

Области Среднего Поволжья и Прикамья многими археологами, историками и лингвистами рассматриваются как наиболее вероятная территория формирования и развития финно-угорской этнической общности. Большинство исследователей полагает, что до III—IV веков нашей эры население Волго-Камского края состояло преимущественно из финноязычных (ананьинцы, их предки и потомки) и ираноязычных (сарматы, их предки и потомки) племен. Следовательно, можно считать, что наиболее древний пласт топонимии и антропотопонимии Татарии составляют топонимы и антропотопонимы финноязычного (марийского, удмуртского, мордовского и др.) происхождения.

Антропотопонимы, происшедшие от марийских лично-индивидуальных и семейно-родовых прозвищ, в регионе относительно немногочисленны и распространены главным образом в Заказанье, где и ныне проживает основная масса марийцев ТАССР (примеры таких антропотопонимов смотрите ниже).

Кышкар — название татарской деревни Арского района; восходит к марийскому лично-индивидуальному прозвищу *Кышкар* 'цилиндр, валик' (ср.: мар. *кышкар* 'род цилиндра, валика', чув. *кйшкар* 'вьюшка из лубка для наматывания пряжи'). В списке населенных мест периода Казанского ханства значится татарская деревня *Кышкар* на Алатской дороге (*Черн.*, стр. 287).

Сосна — название татарского села Балтасинского района; произошло от марийского лично-индивидуального прозвища (или же прозвища-имени) *Сосна* 'Свинья' (в восточном диалекте марийского языка — *сбсна*, в горном — *сасна*). Ср.: древнетюркские личные имена *Дуңгыз*, *Дуңгыр* 'Свинья', языческое имя *Порсь* 'Свинья' у коми-пермяков и т. д.

В Закамье антропоконимом марийского происхождения является название крупного татарского села Актанышского района **Пучы**, восходящее к марийскому прозвищу-имени *Пўчō* 'Олень', ср.: мар. *пўчō* 'олень', тат. *болан* 'олень'; отсюда старотатарское личное имя *Болан*, сохранившееся у крещеных татар в фамилии *Буланов*; в говоре уральских татар *йоша ~ юша* 'олень' (*ТТДС*, стр. 175); отсюда названия татарских деревень Мензелинского района; *Югары Юшады* (от *юша* 'олень' + аффикс *-ды ~ -лы*) 'Верхние Юшады' и *Түбән Юшады* 'Нижние Юшады'. Село *Пучы*, по всей вероятности, 300 или 350 лет тому назад было основано черемисом-тептярем, носившим прозвище-имя *Пўчō*. По данным переписи 1912—1913 годов, в Байсарской, Матвеевской, Поисеевской и Семио-

²³ И. А. Износков. Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их. Лаишевский уезд, вып. I. Казань, 1893, стр. 96.

²⁴ Д. А. Корсаков. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в. Казань, 1908, стр. 253.

²⁵ Г. В. Юсупов. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, стр. 156.

стровской волостях Мензелинского уезда бывшей Уфимской губернии проживали татары и черемисы. В Актанышском районе имеются селения Мари-Суксу, Мари-Ямалы, Терпеле, а в Муслюмовском районе (в 10—15 км от Пойсеева) — селения Мари-Буляр, Усаклык, Бикмесь и другие, население которых в настоящее время свободно владеет татарским языком. Черемисы-тептяри, населявшие деревню Пучы, с течением времени совершенно ассимилировались.

В Заказанье и Средней Каме выявлены следующие названия татарских сел и деревень, восходящие к древнеудмуртским прозвищам-именам.

Гобырчык ~ Гөберчэк и Муй (в Арском районе). Антропокомоним *Гобырчак* состоит из древнеудмуртского прозвища *Губыр* 'горбатый' и татарского аффикса уменьшительности *-чак*. *Гобырчак* значит 'Горбатенький'.

Древнеудмуртское имя *Муя* (<*Муй*) образовано от апеллятива *му* 'земля'²⁶ (ср.: др.-перм. *му* 'земля'²⁷). По всей вероятности, приблизительно на рубеже XIII—XIV веков первооснователем (вначале удмуртской, затем татарской) деревни *Муй* (в языке местных татар: *Му*) был удмурт по прозвищу-имени *Муй* > *Му* 'Земля'. В списке населенных мест периода Казанского ханства значатся деревни *Муй Старый* и *Муй Малый*, расположенные на Арской дороге (*Черн.*, стр. 287).

Гондыр и Шуда (в Балтасинском районе). Антропокомоним *Гондыр* произошел от древнеудмуртского прозвища-имени *Гондыр* 'Медведь'²⁸, а *Шуда* — от прозвища-имени *Шуда* 'Счастливый'²⁹.

Антропокомонимы **Елыш** (в Сабинском районе), **Иске Вэрэш** 'Старый Варяш', **Вэрэшбаш** 'Варяшбаш' (в Муслюмовском районе), **Усэй** (в Мензелинском и Сармановском районах), **Песлэк** (в Агрызском районе), **Күжәмкә** 'Кузямкино' (в Актанышском районе) и т. д. также восходят к древнеудмуртским прозвищам-именам. Древнеудмуртский антропоним *Елыш* значит 'молочный', *Варыш* 'ястреб', *Усей* 'спотыкающийся', *Пислэг* 'синица', *Кузямка* 'подарок' (ср.: *Бүләк* 'Подарок', *Байбүләк* 'Богатый подарок', *Акбүләк* 'Белый подарок' — татарские, *Гата* 'Подарок', *Төхфәт* 'Дар' — арабские личные имена).

Антропотопонимы, восходящие к древнеудмуртским прозвищам-именам, представлены и в Нагорной стороне Татарии. Например, наименования татарских деревень **Исәк** 'Исяк' (Буинский район) и **Танай-Турай** (Апастовский район). В Елабужском районе (Заказанье) также имеется татарское село *Турай* 'Тураево'. Древнеудмуртский антропоним *Исег* значит 'насмешник' (ср.: в мамадышском говоре заказанской группы говоров татарского языка *исәкәй* 'веселья, устраиваемые молодежью в дни коллективной помощи по ошипыванию резаных гусей' — *ТТДС*, стр. 152), *Турай* — 'Журавль'.

Название ряда татарских селений Закамья и особенно Заказанья происходит от удмуртских родовых прозвищ (то есть от воршудных имен). Подобными антропокомонимами, например, являются: **Дурга** 'Крайние ямы' (Балтасинский район), **Чабья** 'Пшеница' (Нижекамский район), **Чабья-Чурчи** (Сабинский район), **Новая Чабья** (Кукморский район), **Курья** 'Залив' (Мензелинский район), **Уча** 'Соловей' (Актанышский район), **Түбән Уча** 'Нижняя Уча', **Яңа Уча** 'Новая Уча' (Мамадыш-

²⁶ Г. И. Тепляшина. Русская адаптация древнеудмуртских имен. — «Антропонимика». М., 1970, стр. 278.

²⁷ В. И. Лыткин. Древнепермский язык. М., 1952, стр. 137.

²⁸ С. В. Соколов. О древних именах удмуртов. — «Ономастика». М., 1969, стр. 110.

²⁹ См.: С. К. Бушмакин. Лексико-семантический анализ древнеудмуртских антропонимов. — «Антропонимика». М., 1970, стр. 270.

ский район), **Учалы** (удм. *уча* 'соловей' + тат. аффикс *-лы*) (Азнакаевский район). В Башкирии имеются *Учалинский* район и районный центр — город *Учалы*. В Агрызском районе ТАССР, вклинившемся на 100 км в территорию Удмуртии, имеется несколько татарских населенных пунктов, названия которых восходят к удмуртским родовым прозвищам-воршудам: **Баржы** 'Варзи' (*Варзи* — удм. воршудное имя), **Баржы-Омга** 'Варзи-Омга' (оба — удм. воршудные имена), **Югары Баржы** 'Верхние Варзи', **Иж-Бубый** 'Иж-Бобья' (*Бобья* — удм. воршудное имя) и т. д.

Антропотопонимов, восходящих к мордовским (мокшанским) прозвищам и апелляциям, в исследуемом регионе немного.

Шама — название татаро-русского села Алексеевского района (Закамье); восходит к личному прозвищу *Шама*, что в мокшанском языке значит «лицо» (такое прозвище давалось мокшанцами человеку с большим или, наоборот, очень маленьким лицом). В Алексеевском районе в селениях Лягушкино, Мордовский Булак, Лесной и других ныне проживают мордва-мокшанцы. Их предки были переселены на эту территорию в 1731—1734 годах для строительства так называемой второй Закамской черты³⁰.

Название татарского села **Эштерэ** (по-русски: Штырь) Арского района, известного со времен Казанского ханства (*Черн.*, стр. 287), восходит к мокшанскому лично-индивидуальному прозвищу *Эштерь*, означавшему «яловый» (такое прозвище давалось, видимо, главе бездетной семьи); ср.: якут. *субай* ~ *субан* 'холостой', 'нестельная', 'яловая'; казах., телеут., хак. *субай* 'яловый', 'бесплодный'; тур. и азерб. *субай* 'холостой'³¹. Видимо, отсюда и старотатарское личное имя-прозвище *Субай* и фамилия *Субаев*.

Этнотопонимические и этнографические материалы также свидетельствуют, что в Заказанье в средние века проживали представители мордвы-мокшы. В Арском районе в настоящее время есть татарская деревня **Мукшы**, расположенная у речки того же названия — правого притока реки Ашит (ср.: также гидроним этнотопонимического происхождения *Болгар инеше*, досл. 'Булгарская речка' — название левого притока реки Казанки — в том же районе). В источниках зафиксировано существование этой деревни в Заказанье в период Казанского ханства (*Черн.*, стр. 287). Данный населенный пункт основан, по всей вероятности, мокшами во времена Булгарского государства или даже ранее. Об этом, например, говорит ежегодно проводившийся несколькими соседними (когда-то родственными) селениями в деревне Мукшы древнейший народный праздник *джиен*, носящий наименование *Мукшы тау*³², досл. 'Мокшанская гора' (ср.: *Биек тау* 'Высокая гора', *Кала тау* 'Городская гора', *Кара тау* 'Черная гора' и т. д. — названия джиенов Заказанья³³). В Лаишевском уезде были деревни Мордва-Челны (по-татарски *Мукшы авыл*) и Мордва Новая, первыми поселенцами которых были мордва-мокша, переселившиеся затем в Чистопольский уезд³⁴.

Этнимом *мокша* зафиксирован также в записях на нескольких булгаро-татарских надгробных камнях Заказанья XIV века в форме *мух-*

³⁰ «История Татарской АССР». Казань, 1968, стр. 702.

³¹ Н. К. Антонов. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971, стр. 38.

³² «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 199.

³³ Там же, стр. 199.

³⁴ И. А. Износков. Список населенных мест Казанской губернии с кратким описанием их. Лаишевский уезд, вып. II. Казань, 1895, стр. 76.

*шы*³⁵. Употребление этнонима *мухшы* в булгаро-татарской эпитафии и топонимии региона становится понятным, если иметь в виду тесные взаимосвязи ранних и поздних булгар с мордвой-мокшей, доказанные на археологическом материале³⁶. В совокупности эти этнографические, археологические, исторические, этно- и антропотопонимические данные опровергают утверждение, в частности, Г. Е. Корнилова о том, что «не обнаружены материальные следы древнего пребывания мордвы в бассейне р. Казанки и ее притоков»³⁷, то есть в центре Заказанья.

Естественно, что проживание определенного количества монголов в золотоордынский период (XIII—XV века) в Среднем Поволжье не могло не найти отражения в топонимии и антропотопонимии Татарии. Монголизмы в географических названиях Татарии представлены, например, такими наименованиями, как **Кият** — название русского села в Буинском районе; восходит к монгольскому племенному наименованию (этнониму) *кыят* (ср.: у узбеков и каракалпаков и поныне употребляются этнонимы *кыйат*³⁸); **Кулганы** — название татарской деревни³⁹ Апастовского района; в основе данного антропотопонима лежит монгольское личное имя *Хулгана* (в татарском произношении *Колгына*), восходящее, в свою очередь, к монгольскому апеллятиву *хулгана* 'мышь', ср.: *Сыскан*, *Сысканбай* (от башкирского *сыскан* 'мышь') — башкирские личные имена: *Ширка* (от коми-перм. *шыр* 'мышь') — коми-пермяцкое языческое личное имя и т. п.; *Верхняя Чегодайка* и *Нижняя Чегодайка* (по тат.: *Югары Чыгтай* и *Түбән Чыгтай*) — названия татарских сел Черемшанского района восходят к монгольскому личному имени *Чагатай* и т. д.

К антропотопонимам, образованным в послезолотоордынский период и восходящим к вошедшим в татарский антропонимикон монгольским личным именам, мы относим единицы, возникавшие начиная со второй половины XIV века по настоящее время. Такими антропотопонимами являются нижеследующие:

Сарман (в официальном русском употреблении: Сарманово) — название татарского села (основано в XVIII веке татаринем Сарманом, имя которого восходит к монгольскому личному имени *Сармандав*: монг. *сар* 'луна' + *мандав* 'взошла') и района ТАССР.

Корчи — название речки (притока Ика) в Азнакаевском районе, восходит к заимствованному из монгольского языка татарскому личному имени *Корчи* (по данным татарских шеджере, на берегу этой речки татарин Корчи жил 200 лет тому назад), происходящему от монгольского апеллятива *корчи* 'стрелок' (*корчи* составляли род гвардии при ханах⁴⁰). У карачаевцев и балкарцев личное имя *Курчи* и в настоящее время находится в активном употреблении⁴¹; ср. также: *Курчи* — название гагаузского села на юго-западной Украине⁴².

Чыңгыз — название поселка в пригороде Казани, где первым в 1948 году поставил свой дом татарин *Чыңгыз*. И ныне бытующее у татар лич-

³⁵ Г. В. Юсупов. Антропонимы в булгаро-татарской эпиграфике. — «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем». М., 1970, стр. 250.

³⁶ См.: В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 162.

³⁷ Г. Е. Корнилов. О булгаро-чувашско-мордовском взаимодействии в собственных именах. — «Ономастика Поволжья», 3». Уфа, 1973, стр. 97.

³⁸ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 226.

³⁹ О существовании деревни Кулганы еще во времена Казанского ханства свидетельствует Писцовая книга Свияжского уезда 1565—1567 гг. (См.: «Списки с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда 1565—1567 гг.». Казань, 1909, стр. 65).

⁴⁰ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. т. II. М.—Л., 1941, стр. 302.

⁴¹ «Справочник личных имен народов РСФСР». М., 1965, стр. 143.

⁴² «Гагаузско-русско-молдавский словарь». М., 1973, стр. 695.

ное имя *Чыңгыз* восходит к монгольскому апеллятиву *чынгыз* 'великий, сильный'.

Как видим, рассмотренные антропотопонимы возникли уже в XVIII—XX веках на татарской (хотя и монгольской по происхождению) антропонимической основе. Поэтому данный вопрос требует дифференцированного подхода при исследовании и установлении монгольского антропотопонимического пласта каждой тюркоязычной территории.

По сведениям Г. К. Конкашпаева, на территории Казахстана имеется свыше 200 собственно монгольских топонимов⁴³. По А. Дз. Цагаевой, тюрко-монгольский слой в топонимии Северной Осетии включает свыше 150 географических названий⁴⁴. По нашим данным, число собственно монгольских топонимов и антропотопонимов на территории Татарской АССР фактически не превышает двух десятков.

С середины XVI века судьба Татарии была тесно связана с историей России, ставшей к этому времени мощным централизованным многонациональным государством. Во второй половине XVI века русское освоение территории бывшего Казанского ханства развернулось очень широко, уже в течение первых пятнадцати лет охватив 206 селений и 60 пустошей, ранее находившихся у татар⁴⁵. После этого в топонимии Казанского края появляется русский пласт, в том числе антропотопонимы, восходящие к русским личным именам и фамилиям. Подобные наименования в Татарии носят прежде всего селения крещеных татар (предки которых во второй половине XVI — начале XVIII века приняли православие) или же селения бывших крещеных татар (отошедших впоследствии от православия, но в некоторых случаях сохранивших русские христианские личные имена и соответствующие фамилии).

К антропотопонимам, восходящим к заимствованным из русского языка личным именам и производным от них фамилиям, относятся, например, наименования татарских селений:

Иске Гришкино 'Старое Гришкино' и *Яңа Гришкино* 'Новое Гришкино' в Елабужском; *Державино* в Лаишевском; *Васильево*, *Керәшен Пакшины* 'Крещеный Пакшин', *Никифор* 'Никифорово', *Владимир* 'Владимирово', *Комаровка* в Мамадышском; *Левашово*, *Иске Мәлкән* 'Старое Малкино', *Яңа Мәлкән* 'Новое Малкино' в Мензелинском; *Метрәй* 'Митряево' в Муслюмовском; *Мәртән* 'Мартыново' в Сабинском районах ТАССР.

Известно, что формирование топонимии и антропотопонимии на любой обжитой территории уже предполагает заимствование и переработку предшествующей топонимии и антропотопонимии, что и произошло на территории Татарии.

Выявление этнолингвистических пластов антропотопонимии ТАССР и вскрытие факторов, под влиянием которых они складывались, говорит о том, что антропотопонимия данного региона, несмотря на разновременность и разноразличность ее происхождения, представляет собой не просто конгломерат названий, а конкретную систему, где противопоставляются не только разные классы названий, но и однотипные наименования одного и того же класса.

Единицы выявленных и описанных антропотопонимических пластов распределены на указанной территории неравномерно. Так, собственно

⁴³ Г. К. Конкашпаев. Географические названия монгольского происхождения на территории Казахстана. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», вып. I (11). Алма-Ата, 1959, стр. 85—98.

⁴⁴ А. Дз. Цагаева. Топонимия Северной Осетии, часть I. Орджоникидзе, 1971, стр. 145—155.

⁴⁵ См.: «История Татарской АССР». Казань, 1968, стр. 103.

татарские антропотопонимы обнаруживаются в значительном количестве во всех основных частях рассматриваемой территории (то есть в Заказанье, Закамье и Нагорной стороне); антропотопонимы, восходящие к башкирским личным именам и прозвищам, распространены главным образом в Закамье, они редко встречаются в Заказанье и особенно в Нагорной стороне; антропотопонимы же, восходящие к чувашскому языку, наоборот, локализованы в Нагорной стороне и — как сравнительно позднее (XVII—XVIII века) наложение — в Закамье; антропотопонимы финно-угорского (марийского, удмуртского и др.) и русского происхождения сосредоточены в основном в Заказанье, но представлены также в Нагорной стороне и Закамье. Центр распространения обнаруженных топонимических и антропотопонимических монголизмов находится в Нагорной стороне (на территории современных Апастовского и Буинского районов ТАССР).

Наличие болгарского антропотопонимического пласта, выявленного на исследованной территории, в особенности в Заказанье, доказывает существование прямой антропотопонимической (соответственно, антропонимической) преемственности, связывающей болгарский и современный татарский языки и являющейся существенным аргументом при решении соответствующих вопросов болгароведения.

Таким образом, исторически сложившиеся внутрирегиональные и межрегиональные этнолингвистические и этнические связи и этнокультурные контакты казанских татар как с соседними, так и с территориально отдаленными племенами, народностями и народами нашли непосредственное отражение в антропотопонимии Татарии⁴⁶. Последовательное и глубокое исследование татарского ономастического и антропонимического географических названий Татарии в историко-лингвистическом аспекте поможет пролить свет на некоторые вопросы этнической истории, этнографии татарского народа и истории его языка.

⁴⁶ Данная проблема освещена также в работах: Г. Ф. Саттаров. Татарстан АССРның антропотопонимнары. Казан, 1973; *его же*. Топонимия края и некоторые вопросы этногенеза казанских татар. — В сб.: «Татар тел белеме мәсьәләләре», III китап. Казан, 1969, стр. 162—196; *его же*. Этнонимы в топонимии и антропонимии Татарии. — В сб.: «Исследования по татарскому языку», Казань, 1977, стр. 20—63.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К. М. МУСАЕВ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В данной статье нами предпринята попытка наметить основные проблемы современной тюркской лексикологии, на которые прежде всего следует обратить внимание исследователей.

В последнее время, особенно с 60—70-х годов тюркологи более целенаправленно начали заниматься исследованием лексики тюркских языков. Опубликовано ряд работ, посвященных изучению различных групп лексики конкретных тюркских языков. Вышли из печати учебные пособия для вузов по лексике некоторых тюркских литературных языков.

Основная часть публикаций по лексикологии — книги, диссертаций, статей — представляет собой описание различных лексико-семантических групп языка и классификацию терминов разных отраслей хозяйственной и общественно-политической деятельности. Много внимания уделяется изучению заимствованной лексики в разных тюркских языках, в основном привнесенной из русского, арабского, иранских и других языков, с которыми тюркские языки имели наиболее тесные контакты — прямые или косвенные. Во многих работах как общего характера, так и специальных анализируются вопросы, связанные с развитием лексики тюркских языков в советскую эпоху.

По ряду тюркских языков составлены этимологические словари и опубликованы специальные исследования. Крупным событием в тюркологии явился выход в свет первого тома «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортяна.

Тем не менее на современном этапе развития тюркологии характерно отставание разработки проблем тюркской лексикологии (особенно сравнительной и исторической) от исследований проблем фонетики, морфологии и синтаксиса, хотя это обстоятельство имеет свои объективные и субъективные причины. Основная объективная причина — отсутствие полного словаря каждого из конкретных живых тюркских языков, а также полных словарей древнетюркских, среднетюркских и более поздних тюркских памятников.

Далеко еще не завершены работы по сбору и систематизации лексического богатства многих тюркских языков, сбору и классификации лексики тюркских памятников. Для обстоятельного исследования тюркской лексики необходимо собрать полный лексический материал тюркских языков, желательно и их диалектов.

Недостаточно разработаны и сами методы исследования лексики — наиболее сложного объекта структуры языка — и не только в тюрколо-

гии, но и в таких развитых областях языкознания, как германистика, романистика, славистика.

Необходимо при этом отметить, что в современной тюркологии выявлено и накоплено значительное количество материалов по лексике отдельных тюркских языков и их памятников.

Так, например, написано значительное число диссертаций, охватывающих животноводческую и земледельческую лексику, табу и эвфемизмы, термины родства и другие области лексики ряда тюркских языков. Эти исследования содержат интересный материал и факты, позволяющие сделать ряд научных обобщений.

В то же время остается еще много неизученных лексико-семантических групп и терминов, относящихся к различным сторонам жизни тюркских народов как в прошлом, так и в настоящем.

Труды, посвященные исследованию общих вопросов тюркской лексикологии, весьма редки. Лишь через семь лет после выхода в свет книги «Историческое развитие лексики тюркских языков» появился упомянутый выше «Этимологический словарь тюркских языков» Э. В. Севортяна.

Современная тюркология, как и одна из ее отраслей — лексикология, нуждается не только в разносторонних, но и углубленных исследованиях отдельных проблем.

Перед тюркской лексикологией стоит задача изучения тюркских языков как в синхронном, так и диахронном аспектах, каждый из которых связан с решением ряда специфических проблем, требующих изучения в общетюркском и ареальном масштабах, а также в рамках лексики каждого конкретного тюркского языка.

Важнейшая задача разработки проблем синхронной тюркской лексикологии — показать современное состояние развития лексики и семантики тюркских языков. В этой области кое-что сделано, однако многие актуальные вопросы синхронной лексикологии изучены далеко недостаточно или еще ждут разработки. Одним из стержневых вопросов тюркской лексикологии является вопрос о природе слова как основной единице языка.

При классификации слов мы пользуемся принятым в индоевропеистике подразделением их на полнозначные и неполнозначные, знаменательные и незнаменательные. При такой методике целые звенья пограничных областей, например, так называемые служебные имена, послелоги и другие, выпадают из поля зрения. Одной из специфических черт тюркских языков является незавершенность процесса формирования категорий слов, относящихся к промежуточным между знаменательными и незнаменательными, так называемых служебных имен (они остаются именами, несмотря на их служебные функции), а также послелогов, окончательно не оторвавшихся от полнозначных слов, из которых они образовались. Примерно такая же картина наблюдается и в некоторых случаях выражения категории лица элементами, обычно относящимися к аффиксам, хотя их можно признать полнозначными личными местоимениями. Это диктует необходимость выяснения специфических особенностей слова именно в тюркских языках.

Ждут разрешения на материале тюркских языков вопросы, связанные с изучением семантики слова: слово и его значение, структура значения слова, семантические изменения в слове, то есть так называемая содержательная сторона лексики языка.

Должны быть также теоретически обобщены многочисленные исследования по вопросам внешнего оформления слова в тюркских языках: слово и его структура (корень, основа, простое слово, сложное слово,

парное слово, повторы). Противопоставление «корень — основа» на материале тюркских языков почти не разработано; некоторыми тюркологами оспаривается сама возможность подобной оппозиции ввиду агглютинативного характера тюркских языков. До сих пор в тюркологии не получила удовлетворительного решения проблема границ сложного слова, что отрицательно сказывается при разработке практических вопросов лексикографии, орфографии и т. д. В связи с этим возникает также необходимость четкого определения характера и границ таких языковых служебных элементов, как аффикс (суффикс), частица, связка, служебные слова, вспомогательные глаголы и т. д.

Нужны теоретические исследования по вопросам пополнения лексического состава тюркских языков. Известно, что пополнение лексики тюркских языков происходит как за счет словообразования с использованием внутренних ресурсов (материалов, средств и способов) языка, так и путем заимствования из разных языков мира. Выяснение сущности словообразования и различных его способов (синтетических, аналитических, фонетических, лексических), а также теоретическая и практическая оценка характера заимствований создают широкую возможность их дальнейшего изучения.

Проблема лексико-семантической классификации слов тюркских языков требует широкого развертывания теоретических исследований как в общетюркском плане, так и на материале конкретных тюркских языков. Это имеет важное методологическое значение, поскольку дальнейшее планомерное описание, классификация и исследование лексических групп или «лексико-семантических групп», или «лексико-семантических полей» словаря тюркских языков как в общетюркском плане, так и конкретных тюркских языков во многом определяются методическим подходом и теоретическими предпосылками. Первичные исследования и классификация лексико-семантических групп слов конкретных языков при условии их проведения по единой программе и единой методике послужат основой для дальнейших типологических и сравнительно-исторических исследований. При последующем историко-сравнительном и типологическом изучении лексических групп выбор «поля» или группы зависит от цели, поставленной перед исследователем. Например, если поставлена задача выяснить исторические взаимоотношения носителей данного языка с соседними народами в доступном историческом прошлом, выбор падет на подвижные «поля» лексики — группы слов, относящиеся к миграционным терминам: названия домашней утвари, одежды, принадлежности быта, научные, культурные термины. Более древние контакты языков могут быть засвидетельствованы в названиях частей тела животных или человека и т. д.

Тюркологам предстоит выполнить ряд актуальных типологических исследований в области лексико-семантических особенностей тюркских языков в сопоставлении их с другими языками и языковыми группами мира [установить, например, способы обозначения (номинации) предметов и понятий в тюркских и других языковых семьях мира]. С этой точки зрения заслуживают всяческой поддержки и поощрения сопоставительные исследования в области тюркских (казахского, узбекского и т. д.), индоевропейских (русского, английского, французского и т. д.) и других языков. В современных условиях эти исследования будут иметь не только научно-теоретическое значение, но и позволят решить ряд практических задач.

Необходимо также развитие синхронно-сопоставительных исследований в области семантики тюркского слова. В отличие от сравнительно-

исторических и этимологических исследований, в данном случае основной задачей является выявление общего и особенного в развитии семантики слов современных тюркских языков.

По многим тюркским языкам собраны интересные данные о лексико-семантическом варьировании слов: омонимах, синонимах, метафоре, полисемии и т. д. Ныне перед тюркологами стоит задача теоретического осмысления этих фактов языка с учетом современных достижений лингвистики, логики, философии.

За советский период значительного развития достигли литературные тюркские языки, обогатившиеся многочисленными терминами по различным отраслям науки, техники, культуры, просвещения, экономики и т. д. Поэтому разработка теоретических проблем современной терминологии тюркских литературных языков и оценка новых терминов в научном и социальном планах имеет не только теоретико-познавательное, но и большое практическое значение, ибо она поможет в деле дальнейшего совершенствования терминологической работы.

Развитие исторической и сравнительно-исторической лексикологии ставит задачу значительного расширения и углубления исследований как в общетюркском плане, так и каждого отдельного тюркского языка. Для этого уже созданы определенные предпосылки, о чем свидетельствует появление таких работ, как «Древнетюркский словарь» (М., 1969), «Историческое развитие лексики тюркских языков» (М., 1961), «Этимологический словарь тюркских языков» Э. В. Севортяна (М., 1974), и других исследований общетюркского и ареального характера, а также ряд публикаций по исторической лексикологии отдельных языков, например, «Материалы по исторической лексике якутского языка» Н. К. Антонова (Якутск, 1971).

Для выделения исконно тюркского слоя лексики в тюркских языках необходимо в первую очередь исследовать в сравнительном плане тюркские односложные основы. Эта работа должна привести к созданию корневых словарей как отдельных тюркских языков, так и общего словаря корней всех тюркских языков¹. При составлении подобных словарей следует учитывать корни всех слов языка, независимо от того, относится ли данное слово к активному словарному фонду языка или находится на его периферии. Корневое слово, активное в одних языках, в других может оказаться периферийным, употребляющимся лишь в сочетании слов, образующих фразеологизмы и т. д. Например, слово *jaŋ*, активно употребляемое в огузских или юго-западных тюркских языках в значении «жир», в ряде кыпчакских тюркских языков, в частности — казахском, встречается только во фразеологизме (в форме *žaw*) *közdin žawyp, al-ŋandaj* 'очень привлекательный, красивый, великолепный'.

Особого рассмотрения заслуживает проблема развития корня в тюркских языках. К сожалению, после работы Б. М. Юнусалиева «Киргизская лексикология» (Фрунзе, 1959) в этой области сделано крайне мало.

В некоторых тюркоязычных республиках и областях появилось много работ, в которых ставится вопрос о сопоставлении языка памятников древнетюркской и средневековой письменности, в частности лексики этих памятников, с современной лексикой конкретного тюркского языка. При сопоставлении лексики тюркских памятников лишь с одним современным языком (весьма распространенный метод) или с группой тюркских языков (менее распространенный) трудно установить истину. Как показывают наблюдения, соотнесение лексики древнетюркских па-

¹ См.: Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 754—760 (дана наметка словаря корней на гласные).

мятников с лексикой современных тюркских языков и их ареалов может быть эффективным лишь при охвате материалов всех тюркских языков с древних времен и до наших дней². А это задача весьма трудная и сложная. Для решения данной проблемы необходимо создание исторических словарей отдельных языков, а также словарей памятников определенного хронологического среза.

Тюркские языки географически окружены большим числом различных языковых семей, генетические отношения с которыми, несмотря на существующие гипотезы, не выяснены до конца. Несомненно лишь то, что между этими языками существовали достаточно длительные контакты, отражением которых являются, в частности, общие лексические элементы.

В последние годы опубликовано немало работ, посвященных взаимодействию тюркских языков с другими языковыми семьями. В то же время взаимодействие тюркских языков между собой остается весьма слабо разработанной областью тюркологии. Ни фонетика, ни морфология, ни тем более синтаксис не в состоянии дать таких достоверных сведений об исторических взаимодействиях тюркских языков между собой в различные эпохи и на различных территориях, какие дает лексика (исконная, заимствованная). Это подтверждается исследованиями венгерских ученых — славистов, иранистов.

Языковые контакты между тюркскими и соседствующими с ними языками приводят к появлению заимствований. На это указывают специальные исследования, выполненные на материале целого ряда языков.

За последнее время выявлен довольно значительный лексический пласт, общий для тюркских и других языков. Эти общие слова, которые принято называть «лексическими параллелями», несомненно, должны послужить исходным материалом для дальнейших поисков в направлении выяснения древних контактов между различными семьями языков, с одной стороны, и между тюркскими языками — с другой. В этом отношении больше всего повезло тюркско-монгольским параллелям, пристальное внимание к которым связано с гипотезой о родстве алтайских языков, а внутри алтайской семьи тюркские и монгольские языки признаются ближайшими родственниками.

Однако сущность тюркско-иноязычных лексических параллелей еще далеко не раскрыта. Что же касается общей лексики при фонетических и грамматических общностях, то, как показывают материалы генетически родственных индоевропейских языков, не всегда обязательно полное совпадение всех компонентов: так, например, грамматика (морфология и синтаксис) санскрита и хинди значительно отличается от грамматики западных индоевропейских языков. Поэтому здесь в каждом конкретном случае возможны по крайней мере четыре гипотезы, доказательство каждой из которых почти всегда сопряжено с большими трудностями. Общая лексика в языках **А** и **В** может свидетельствовать при всех фонетических и семантических сходжениях о том, что: 1) языки **А** и **В** (или группы **А** и **В**) генетически родственны, общие слова являются исконными для этих языков и унаследованы от праязыка; 2) язык **А** заимствовал эти слова полностью или частично у языка **В**; 3) язык **В** заимствовал эти слова полностью или частично у языка **А**; 4) в языки **А** и **В** эти слова вошли из языка **С**. Теоретически все четыре гипотезы равновероятны. Трудность заключается в доказательстве каждой из них в отдельности.

² См.: К. М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975, стр. 6, 341—342.

Отличить исконные или генетически родственные слова от заимствований необычайно трудно, и это было продемонстрировано А. М. Щербаком³ на материале общих слов «алтайских» языков. Таким образом, одной из основных проблем, возникших в процессе изучения этой группы лексики тюркских языков, является проблема разграничения древних заимствованных слов от исконно родственных, а также слов, вошедших в языки из третьего источника. Особое значение приобретает эта проблема при изучении тюркско-монгольских общностей и далее — общностей в масштабе «алтайских», «урало-алтайских» и «ностратических» языков.

Многое сделано в области выявления тюркизмов в славянских (особенно в восточнославянских) языках⁴. Эти материалы имеют важное значение для изучения истории как тюркских, так и славянских языков, а также народов — их носителей. До сих пор в большинстве работ рассматриваются тюркизмы вообще, хотя, в первую очередь, имеются в виду древние тюркизмы.

Одной из актуальнейших задач тюркской лексикологии является выяснение вопросов о путях, месте и времени проникновения древних тюркизмов и установление ареалов предполагаемых языков и расселения их носителей — народов и племен. Изучение древних тюркизмов затруднено особенностями их графической передачи в письменных памятниках как славян, так и других народов. К сожалению, в ряде отраслей филологии не преодолено еще традиционное представление о том, что главным источником тюркизмов в славянских и других языках являются турецкий и татарский языки. Тюркологам следует помочь специалистам других отраслей (славистам, индоевропеистам, финно-угроведам и др.) пересмотреть эту точку зрения, руководствуясь научно-историческим принципом при определении источников тюркизмов в разных языках мира, и отказаться от традиционной версии, не учитывающей фактов истории тюркских языков и народов, а также их контактов с соседями.

К числу традиционных представлений, требующих тщательного пересмотра особенно со стороны специалистов по кыпчакским языкам, относится и гипотеза о так называемых болгаризмах-чувашизмах в венгерском языке, утвердившаяся со времен З. Гомбоца, который почти все тюркизмы в венгерском считал чувашизмами, хотя материалы старых и современных тюркских языков не подтверждают такой гипотезы. Так, например, для доказательства существования чувашизмов (болгаризмов) в венгерском приводят такие примеры: чув. *vugəs* 'русский', **vāj* 'рыть', 'копать' и многие другие. При этом игнорируется наличие кыпчакских *wogys*, *woj*- и других с соответствующими значениями⁵.

Тюркские языки, контактируя с другими языками, заимствовали у них значительное количество слов. Эти заимствования позволяют классифицировать тюркские языки по характеру исторических контактов. Преобладанием славянских заимствований отличаются гагаузский, караимский, татарский, башкирский и чувашский языки. В таких языках, как тувинский, хакасский, якутский, преобладают монгольские заимствования. В якутском языке много заимствований также из тунгусо-маньчжурских языков при весьма сильном обратном влиянии на них якутского языка. Турецкий, азербайджанский, узбекский и уйгурский

³ А. М. Щербак. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. — «Вопросы языкознания», 1966, № 3.

⁴ Из новейших работ см.: Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. Здесь приведена основная библиография по теме.

⁵ См.: К. М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении, стр. 341; М. З. Закиев. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан, 1977, стр. 116—150 (автором дается обстоятельный критический анализ чувашско-венгерской гипотезы).

языки отличаются преобладанием арабских и иранских заимствований; карачаево-балкарский, кумыкский, а также азербайджанский — иберийско-кавказскими заимствованиями и т. д.

До недавнего времени значение арабо-персидского влияния на тюрков традиционно преувеличивалось. Если в тюркских языках, с одной стороны, и в арабском и персидском — с другой обнаруживались лексические параллели, трудно объяснимые на тюркском материале, их относили к арабским или персидским заимствованиям. Мы полагаем, что Г. Дёрфер своими работами доказал несостоятельность этой традиции⁶.

Систематическое сравнительное изучение общих элементов лексики и семантики тюркских языков и языков сопредельных территорий (Дальнего и Ближнего Востока, Европы), с которыми тюрки длительное время контактировали, остается одной из актуальных задач тюркологии.

Много интересных сведений о древнейшем состоянии тюркских языков может дать сравнительное исследование глосс, общих для тюркских языков и их древних соседей: индоевропейско — тюркских, семитско — тюркских, китайско — тюркских (они подверглись большим изменениям как в тюркских, так и в китайском и других языках), уральско — тюркских, «алтайско» — тюркских (включая монгольские, тунгусо-маньчжурские, палеоазиатские, корейские, японские). Исследование этих глосс относится к разряду поисковых, и поэтому даже отрицательный результат должен расцениваться как научное достижение. Для решения этой проблемы необходимо привлечь последние данные истории и археологии.

Можно ли видеть общий источник корней в таких словах, как тюркские глаголы *eg-*, *bol-* 'быть', 'становиться'; *jug-*, *žug-* 'резать, вырезать, писать', с одной стороны, и нем: *bleiben*, *schreiben* — с другой? Или это случайные совпадения? Этот вопрос требует тщательного изучения, так как существует множество подобных «соответствий»: англо — тюркских, латинско — тюркских, хинди — тюркских и т. д., которые до сих пор еще не исследованы. Нередко реконструируемые индоевропейские праформы оказываются близкими к живым формам тюркских языков: индоевропейское **kes-* 'резать'; протоармянское *haç*, тюркское *as*, *aş* 'еда', 'корм', индоевропейское **ped* ~ тюркское *put/but* 'нога', 'стопа'; общиндоевропейское **qelā* ~ тюркское *tile/kile* 'звать', 'вызывать' и многие другие. Индоевропейцы все еще затрудняются объяснить расхождения в наименовании порядкового числительного «первый», выступающего в различных формах от индоевропейского **per*, соответствующего тюркскому *bir/rip* и т. д.

Имеется также немало древнееврейско — тюркских параллелей. Такие общие явления в свете последних данных археологических раскопок на территории Северного Кавказа, Средней Азии и Сибири приобретают новое истолкование.

В тюркологии уже появляются работы, в которых сравнительному анализу подвергаются глоссы, общие для тюркских языков Евразии и языков Америки⁷. Подобные работы относятся также к числу поисковых, требующих применения строго разработанной методики.

Изучение древнейших письменных памятников языков народов мира и выяснение отношения к ним тюркских языков и их лексики — также поисковая проблема. Сопоставление фактов таких языков, как санскрит, тибетские, древнеперсидский, пехлеви, согдийский, с фактами тюркских

⁶ G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. 1—4, Wiesbaden, 1963—1975.

⁷ М. Арибжанов. Некоторые лексические параллели в языке древних индейцев майя и тюркских языках. — В сб.: «Вопросы тюркского языкознания». Казань, 1976, стр. 129—143; А. Г. Каримуллин. О возможном родстве отдельных индийских языков с тюркскими. — Там же.

языков, или латыни с тюркскими языками, аккадского языка, языка Библии, с тюркской лексикой и т. д. — все это требует подготовки широко эрудированных кадров тюркологов, хорошо знающих перечисленные языки. Необходимо создать условия для постоянного повышения тюркологами квалификации и овладения многими языками.

В диалектах разных тюркских языков в настоящее время выявлены весьма интересные лексические материалы. В связи с этим исследователям предстоит изучить лексику литературного языка и ее соотношение с территориальными и социальными диалектами, а также соотношение лексики диалектов с соседними тюркскими и нетюркскими языками. Как известно, материалы диалектов свидетельствуют о том, что главное отличие диалектов от литературного языка заключено в основном в лексике и фонетике. При этом нередко диалектное явление одного тюркского языка является литературной нормой для другого, соседнего языка.

Сравнительно-историческое исследование большого накопленного к настоящему времени материала тюркской топонимии может пролить свет на исторические миграции тюркских народов и племен и на «исчезнувшие» тюркские языки: языки гуннов, хазар, болгар, печенегов и др.

Исследование тюркской антропонимии находится почти на начальном этапе. Сравнительное изучение антропонимии каждого из тюркских языков и в общетюркском плане с древнейших времен до наших дней выявит много интересных фактов самобытной и приобретенной духовной культуры тюркских народов, их взаимного культурного влияния и культурных контактов с другими народами.

Большие трудности возникают при сравнительном изучении лексики тюркских языков различных исторических эпох в их развитии, а именно: «алтайской», пратюркской, древнетюркской (доисламский период), среднетюркской (средневековый период — исламский, монгольский); эпохи формирования основных народов и наций дореволюционного периода. К наиболее изученным относится советский период (послереволюционный период). О развитии лексики конкретных тюркских литературных языков в этот период написано много работ, которые требуют дальнейших обобщений.

При скудности или отсутствии исторических данных о прошлом тюркских народов изучение лексики может дать представление о древнем расселении тюркоязычных народов в дописьменную эпоху и их быте. Особенно важно исследование наиболее устойчивых лексических пластов: терминов животноводства, растительного мира, названий известных в древности металлов и т. д., что поможет уточнению фактов этнической истории тюркоязычных народов.

На очереди создание капитальных трудов по исторической лексикологии отдельных современных тюркских языков: исследование процесса развития лексических средств конкретного тюркского языка в целом и различных его пластов (литературного языка, территориальных и социальных диалектов); установление начального и последующих этапов развития словарного состава языка, хронологических рамок появления и исчезновения отдельных лексических пластов и отдельных слов; изучение фактов отражения в лексике исторических контактов носителей данного языка и т. д. Заслуживает специального исследования история слов, содержащих информацию об истории народа.

Для достижения указанных целей следует шире развернуть лексикографическую работу в тюркоязычных республиках и областях. Необходимо создание различных тематических, идеологических, исторических и других словарей тюркских языков, имеющих не только научное, но и практическое значение.

Сравнительное исследование лексики во многом способствует наиболее точной и тонкой генетической классификации тюркских языков. Тюркологам предстоит еще многое сделать для того, чтобы выявить особенности лексико-семантической интеграции и дифференциации тюркских языков в их прошлом и настоящем. Необходимо установление общетюркской лексики древнего периода и тюркских языков в их современном состоянии, выявление дифференциальных признаков крупных общеизвестных групп тюркских языков — кыпчакских, огузских и т. д. (название зайца, например, является дифференцирующим признаком тюркских языков, разделяющим их на две большие группы: кыпчакские — *qojan* и огузские — *tawšan*), а также их дальнейшего членения внутри кыпчакских языков (западные, восточные, северные и т. д.).

Сравнительное исследование лексических и семантических сходжений и расхождений тюркских языков окажет несомненную услугу в установлении относительной хронологии дифференциации групп тюркских языков при выяснении исторических условий их формирования, а также позволит судить об их взаимодействии в прошлом, выявит особенности автономного развития отдельных языков.

Немало задач стоит перед тюркской ареальной лексикологией. Большое внимание должно быть уделено изучению ареальных лексических и семантических изоглосс.

Право на гражданство получили такие отрасли тюркологии, как сравнительное огузоведение, сравнительное кыпчаковедение и т. д.; при этом лексические данные языков, так же как фонетические, морфологические, а иногда и синтаксические, играют важную роль в установлении ареальных особенностей развития и взаимных контактов, выделяемых в тюркологии ареалов тюркских языков и групп. Например, существует проблема выделения наиболее полного списка слов кыпчакской лексики, огузской лексики и т. д., а также установления дифференциальных лексико-семантических признаков подгрупп внутри каждой из групп тюркских языков.

В нашей стране и за рубежом публикуется немало этимологических исследований. Как было отмечено выше, в этой области имеются определенные достижения. Вместе с тем актуальной задачей является создание подлинно научных этимологических словарей как общетюркского характера, так и по отдельным тюркским языкам. При исследовании этимологии слова важно учитывать синонимы данного понятия, предмета, явления.

Следует уделить больше внимания вопросам реконструкции слов и их значений. В настоящее время авторы многих этимологических исследований часто ограничиваются простым сопоставлением слов и их значений.

Многие из перечисленных проблем тюркской лексикологии в настоящее время разрабатываются высококвалифицированными тюркологами, и это привело к определенным успехам в их решении.

Дальнейшее углубленное и расширенное исследование лексики тюркских языков требует координации работы многочисленных ученых. Необходимо разделение труда тюркологов при изучении отдельных разделов лексики, при создании капитальных коллективных трудов по лексикологии в разных регионах, желательно, чтобы к этой работе было привлечено возможно большее число специалистов по тюркским языкам.

М. З. ЗАКНЕВ

ОБ ЭТНОНИМЕ «МИШАР» И ПРОИСХОЖДЕНИИ МИШАРЕЙ

Мишари — одна из самых крупных этнических групп, принимавших участие в формировании татар Среднего Поволжья. Часть их вошла также в состав русских, башкир, ногайцев, мордвы, чувашей. В настоящее время мишари живут на территории Горьковской, Тамбовской, Пензенской, Ульяновской, Саратовской, Волгоградской, Рязанской, Оренбургской областей, Мордовской, Татарской и Башкирской автономных республик. Большинство татарского населения, живущего в крупных городах (Москве, Ленинграде и др.), на Украине, в республиках Средней Азии и Закавказья, составляют мишари¹. В отличие от среднего диалекта татарского языка, восходящего в основном к болгарскому языку, мишарский диалект характеризуется отсутствием глубокозаднеязычных *к, г, х, ң*; *ц*-оканьем и *ч(тц)*-оканьем, употреблением гласного *а* без огубления, а также южным колоритом произнесения гласных и т. д. Если в основу фонетического строя литературного языка лег средний диалект, то основу его морфологической системы составляет мишарский диалект.

Мишари, живущие компактными группами, обычно называют себя татарами, этноним же *мишар* зачастую обижает их². Однако есть сведения, что до середины XIX века слово *мишар* (по-татарски *мишэр*) было самоназванием³. Примечательно и то, что этноним *татары* мишари приняли раньше казанцев.

Различное толкование содержания этнонима *мишар* стало причиной появления разных теорий и гипотез о происхождении самих мишарей, венгров (мадьяр) и башкир. Так, исследователями установлено, что этноним *мишар* в различных языках и диалектах имел разное фонетическое звучание и разное написание: *мишер, мижер, мецера, мещеряк, можар, мажар, маджар, мадьяр, мажгар, мачар, бачар, мочар, бечер, бесер* и т. д. «Этим вопросом я занимался, — пишет известный венгерский ученый Ю. Немет, — но раньше не мог объяснить формы названия *мишер, мижер, мишар, мижар* и отделил их от названия *тагуар* (мажар. — М. З.)... Исследователи, утверждающие происхождение *mişer* из *tağyar* (т. е. *megyer*), правы»⁴. Здесь очень важно отметить то, что

¹ Л. Т. Махмутова. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области. — «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 125.

² Г. Н. Ахмаров. О языке и народности мишарей. Казань, 1903, стр. 31.

³ С. М. Шпилевский. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 98.

⁴ Ю. Ф. Немет. Венгерские племенные названия у башкир. — «Археология и этнография Башкирии», т. IV. Уфа, 1971, стр. 256.

Ю. Немет, всю свою долгую жизнь занимавшийся этой проблемой, считает этнонимы *мишар* и *мадьяр* (несмотря на расхождения в их звучании) фонетическими вариантами одного и того же слова. Что касается его утверждения о первичности слова *мадьяр* и вторичности слова *мишар*, то приходится признать, что оно бездоказательно.

Первоначально этот этноним обозначал одну определенную этническую группу, затем два его фонетических варианта — *мишар* и *мадьяр* стали названиями двух различных этнических групп: *мишар* — самого крупного тюркоязычного компонента татар, *мадьяр* — финно-угроязычных венгров. Однако при изучении истории мадьяр (венгров) многие исследователи не учитывали того, что, кроме финно-угроязычных мадьяр (маджар), была и существует очень значительная группа тюркоязычных маджар (мишарей). Ученые же, располагавшие сведениями о тюркоязычных мишарах, объявляли их незначительными группами венгров (мадьяр), отколовшимися от основной этнической общности и принявшими затем татарский язык. Поэтому и неудивительно, что исследователи все сведения о маджарах (мы приводим условное звучание термина), оставленные византийскими, арабскими и персидскими историками, относили только к финно-угроязычным мадьярам. При этом их не смущало даже то, что все без исключения древние историки писали о маджарах как о тюркоязычном народе⁵. В оправдание столь противоречивого положения сведения памятников объявлялись ошибочными. Древние историки, дескать, считали мадьяр (венгров) тюркоязычными только потому, что венгры ушли с территории «Великой Венгрии» в то время, когда она была под властью хазар, то есть тюрков⁶.

Кроме того, арабские и персидские историки совершенно справедливо писали о том, что маджары и башкиры говорят почти на одном и том же языке. Поэтому неудивительно, что они часто пытались сопоставлять и выводить один из другого этнонимы *башкирт* и *маджар* (*башгирд* и *маджгар*). Исходя из этого, некоторые ученые, совершенно упуская из виду существование тюркоязычных маджар, объявляли подобные утверждения древних авторов ошибочными или же делали свои выводы о том, что башкиры первоначально являлись финно-угроязычными племенами и обитали в Приуралье, где была так называемая «Великая Венгрия», а затем якобы «отуречились»⁷. Так появилась маджаро- (венгро-) башкирская теория, несостоятельность которой можно уже считать доказанной⁸.

При изучении этнической истории мишарей ученые с самого начала исходили из первичности мадьяр-угров и вторичности маджар-тюрков. Так, В. В. Вельяминов-Зернов в конце XIX века высказал предположение о мордовско-финском происхождении мишарей. Он предполагал, что мишари — это «отатарившиеся остатки прежней финно-угроязычной мешеры (мочаров и можаров)»⁹. Несмотря на то, что Г. Ахмаров еще в 1903 году вполне убедительно доказал несостоятельность этой точки зрения, некоторые ученые продолжали ее придерживаться и стре-

⁵ Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II. М., 1967, стр. 48.

⁶ István Dienes. The Hungarians cross the Carpathians. Budapest, 1972 и др.

⁷ Ю. Ф. Немет. Указ. раб., стр. 259; М. И. Артамонов. История хазар. М.—Л., 1962, стр. 338.

⁸ Б. А. Серебренников. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963; Р. Г. Кузев. Происхождение башкирского народа. Этнический состав. История расселения. М., 1974, стр. 20—28.

⁹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I. СПб., 1863, стр. 30—31.

мились подкрепить дополнительными материалами¹⁰. Г. Ахмаров писал: «Если бы предположение о происхождении нынешних мишарей от мещеры считать достоверным, то по влиянию какого народа могло так скоро и окончательно отатариться это финское племя? В языке же казанских татар, как ближайших тюркских соседей мещеры, мы не замечаем некоторых фонетических особенностей мишарского наречия и массу его слов и тюркских архаизмов, встречаемых лишь в наречиях сибирских татар, которые никогда с мещерой в соприкосновение не приходили»¹¹. Действительно, первым и неперенным условием ассимиляции является количественное и в известной степени — качественное преимущество ассимилирующих племен и народов над ассимилируемыми. Откуда же появились в Мещерской низменности татары, «ассимилировавшие» якобы финно-угорязычных мещер? Такое массовое передвижение татар в те местности истории не известны. Кроме того, как правильно отметил Г. Ахмаров, если бы мещера отатарилась под влиянием казанских татар, то языковые особенности у них совпадали бы. Однако такого совпадения нет. Язык мишарей более всего напоминает диалектальные особенности языка сибирских татар и в какой-то степени — южных групп тюркских народов. Таким образом, Г. Ахмаров совершенно справедливо говорит о невозможности появления мишарей в результате отатаривания древней финно-угорязычной мещеры, однако он верит в возможность существования финно-угорязычной мещеры и высказывает предположение, что после XIII века из Средней Азии в Мещерскую низменность переселились какие-то тюркские племена и по местности (мещеры) стали называться *мишарями*. Поэтому его теория не устраняла противоречий в решении проблемы происхождения мишарей.

Неприемлема и «буртасская» теория происхождения мишарей. Правда, исторические материалы доказывают, что в составе мишарей имеется и буртасский компонент, но доказать происхождение мишарей от буртасов пока никому не удалось.

Р. Г. Мухамедова, в последние годы специально занимающаяся мишарской проблемой, ограничивается лишь «уточнением» угорской теории. Она утверждает, что в этногенезе мишарей приняли участие отореченные угры-мочары, но «их этническую основу составляли прежде всего тюркоязычные племена (очевидно, кыпчаки и булгары)»¹². Здесь мнение автора явно раздваивается: с одной стороны, известный ей материал указывает на тюркскую основу, с другой — она не может порвать с традицией, поддерживаемой авторитетными учеными.

Однако попытаемся объективно разобраться в этимологии этнонима *мишар*. Как и многие другие тюркские этнонимы, он состоит из двух частей: *мишэ-эр*. Завершающая часть — *-эр* (*-ар*, *-ур*, *-ир*) в значении «люди», «человек», «мужчина» входит во многие тюркские этнонимы: *акац-ир* (*агац эри*), *хаз-ар*, *су-ар* (*сувар*), *кыу-ар* (*казар*), *болг-ар* (*болаг-эр*), *ау-ар*, *уйгы-эр* (*уйг-ур*), *уг-ур*, *тат-ар* и др. Первые части этих этнонимов представляют собой тюркские слова. Так, например, *акац* в мишарском диалекте и в наши дни имеет такое же звучание и употребляется в значении «дерево», «лес». Следовательно, *акацир* обозначает «лесные люди». *Хазар*, *кыуар* — этнонимы тотемического происхождения: корень этнонима *хазар* восходит к слову *каз* «гусь», следовательно, *хазар* (*казар*) «люди племени гусь». Этот же корень и в этнонимах *казах*, *киргиз* (*кырказ* «полевые, дикие гуси»). *Кыуар* (*кавар*) «люди племени лебедь».

¹⁰ См.: Р. Г. Мухамедова. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972, стр. 11—12.

¹¹ Г. Н. Ахмаров. Указ. раб., стр. 69.

¹² Р. Г. Мухамедова. Указ. раб., стр. 17.

Корень этого этнонима *кыу* встречается еще в этнонимах *кыу-ман* (*ку-ман*), *кыу-мык* (*кумык*) и *кыу киж* (*кыу кеше*). *Суар* 'речные люди'; *болгар* (*болаг-эр*) 'речные люди'; *ауар* (*авар*) 'люди-охотники'; *уйгур* (*уйгы-ур*) 'сплоченные люди'; *угыр* (*ук-ар*) 'чужие (не свои) люди'; *татар* 'служилые люди', 'крепостные или чужие люди'; наконец, *мишар* (*мешэ-эр*) 'лесные люди', ибо *меше* (*мише*) в некоторых тюркских языках и сейчас употребляется в значении «лес»¹³. В древнетюркском языке это слово встречалось в форме *бешэ* и означало «лес». В татарских и башкирских диалектах *мешэ*, *бешэ* употребляется в значении «сосны, растущей в болотистой местности»¹⁴. Слово *мишэ* сохранилось и в татарских гидронимах. Оно встречается и в персидском языке в том же значении «лес». Это слово можно сравнить с удмуртским *пужым* 'сосна' и эрзянским *пиче* 'сосна'. Все это говорит о древнем ностратическом происхождении данного слова.

Слово *меше* в форме *бече* (беже) встречается и в этнониме *бежженек* 'печенег', *беже* 'лес', *-неке* — аффикс притяжательности, *бежженеке* букв. 'лесной', то есть принадлежащий лесу. В этнониме *бесермен* также можно обнаружить тот же корень — *бесе* (*бече*). *Бесермен* состоит из *бесе-эр*, то есть диалектное произношение того же *мишер* плюс *-мен*, представляющее собой аффикс сказуемости первого лица единственного числа (ср. *туркман*, *кыуман*). Говоря об истории современных удмуртоязычных, но помнящих о своем тюркоязычном прошлом, бесерменов, Т. И. Тепляшина сравнивает основу этнонима *бесермен* с этнонимом *мишер*¹⁵. В слове *бесермен* наблюдается двойное этнонимообразование: первое — при помощи *-ер*, второе — при помощи *-мен*.

Следует обратить внимание на то, что в тюркских этнонимах в значении «река», «лес» употреблялись слова разных диалектов: *су* и *болаг*, *агац* и *мешэ*.

В то время, когда этноним еще имел свое первоначальное значение, по-видимому, слова *суар* и *болгар* употреблялись для обозначения одних и тех же племен или племенных групп, обитавших на речном побережье или занимавшихся рыболовством. На одном из диалектов они назывались *суар*, на другом — *болгар*. В процессе дальнейшего развития одни племена стали называться только *суарами*, другие — *болгарами*. Во всяком случае все имеющиеся исторические сведения говорят о том, что суары и болгары жили рядом и говорили на одном и том же языке. Затем этноним *суар* выпал из употребления, уступив свое место этнониму *болгар*.

Точно так же обстоит дело и с этнонимами *акацир* и *мишар*. Группу родственных племен, имевших особое отношение к лесу, в разных диалектах, по-видимому, называли по-разному: в одном диалекте — *акацир*, в другом — *мишар*. На это указывает и то, что как в этнониме *акацир*, так и в мишарском языке отмечается *ц*-оканье. Было время, когда этнонимы *акацир* и *мишар* употреблялись параллельно, но позднее слово *акацир* вышло из употребления, слово же *мишар* сохранилось и в разных диалектах получило различное звучание.

Многие ученые считают акациров потомками самых древних тюркских племен — *агац ери*. Имеются сведения, что акациры еще во времена

¹³ О других толкованиях этнонима *маджар* см.: П. Д. Шестаков. Напоминание о древнем городе Маджаре. — «Труды 4-го археологического съезда в России», т. I. Казань, 1884, стр. 14; Ф. И. Гордеев. О происхождении этнонима «башкир». — «Археология и этнография Башкирии», т. IV. Уфа, 1971, стр. 316—317.

¹⁴ Т. Х. Хайретдинова. БАССРның Салават һәм Кыйгы районнарында яшәүче татарлар сөйләшенең кайбер лексик үзенчәлекләре. — «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1974, стр. 157.

¹⁵ Т. И. Тепляшина. Этноним бесермяне. — В кн.: «Этнонимы». М., 1970, стр. 186.

скифов (VII—VI века до н. э.) и саков — (I век до н. э. — I век н. э.) жили на территории нынешнего Казахстана¹⁶. Может быть, уже тогда, находясь в составе скифских племен, они занимали и некоторую часть территории Северного Причерноморья. Во всяком случае еще до прихода туда гуннов они поддерживали отношения с греками. Именно греки восстановили акациров против гуннов, и предводитель гуннов Аттила в 448 году разгромил акациров, подчинил их себе и послал своего сына Эллака управлять ими. Переводчик и комментатор «Getica» Иордана, Е. Ч. Скржинская пишет, что «племя акациров... Иордан называет „могущественнейшим“, „сильнейшим...“ и определяет его как неземледельческое, занимающееся скотоводством и охотой. Племя акациров (по Иордану) живет на огромных пространствах между эстами, занимавшими территорию близ янтарного берега у Балтийского моря, и булгарами, обитавшими на берегу моря Понтийского, что явно преувеличено. Вероятно, точнее представлял себе акациров Приск, писавший, правда, на сто лет раньше Иордана. Приск сообщает, что акациры — „скифское“ (т. е. гуннское) племя... Они жили тогда (в первой половине V в.) в припонтийских областях... и ходили через Каспийские ворота в Кавказском горном хребте войной на персов»¹⁷. По сообщению Иордана, акациры занимали примерно те же территории, которые населяли и мишари. Последние зафиксированные сведения об акацирах относятся примерно к XII веку. «В течение XI—XII вв. почти постоянно в Переднюю Азию приходили и оседали здесь все новые группы огузов, кыпчаков, а также уйгуров, канглы, халаджей и агач эри», — пишет Р. А. Гусейнов¹⁸.

Следы маджарских племен прослеживаются также с древнейших времен. Прежде всего надо сказать о так называемых древних мещерах, живших по среднему течению Оки с начала нашей эры (по археологическим данным примерно со II века нашей эры) и живущих до наших дней, но ошибочно признававшимися финно-угорскими в древности и тюркоязычными мишарами позднее. Если принять за истину, что язык народа никогда не превращается в другой язык без влияния этого последнего, то придется признать, что язык древней мещеры не был финно-угорским, ибо, не испытав сильнейшего влияния какого-то тюркского языка, он не мог превратиться в тюркский. А так как источники совершенно определенно указывают на существование в тех краях тюркоязычных мишарей еще до прихода туда татар¹⁹, то приходится признать, что язык первых был тюркским с самого начала.

Именно потому, что районы среднего течения Оки были заселены мишарами, русские этот край стали называть мещерским. В 1152 году Юрий Долгорукий заложил здесь город, который до 1471 года назывался Городец-Мещерским, а затем — Касимовым. Многие мещеры, живя среди русских, обрусели. С древних времен они имели тесные связи с мордовскими племенами, поэтому некоторая часть их могла ассимилироваться среди мордвы. В то же время не следует исключать возможность омишаривания некоторой части мордвы. Однако основная масса мещеры (мишарей, мещряков, маджар) сохранила свой тюркский язык, и позднее в составе Золотой Орды «в пределах Темниковско-Наровчатского княжества, видимо, начался процесс формирования татарско-мишар-

¹⁶ М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 112—113.

¹⁷ «Иордан о происхождении и деяниях гетов». Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960, стр. 221.

¹⁸ Р. А. Гусейнов. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье. — «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973, стр. 337.

¹⁹ М. Г. Сафаргалеев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 95.

ской народности»²⁰. Отсюда они в силу различных причин переселялись в восточные районы России, в Башкирию, Оренбургскую, Челябинскую и другие области, где стали называться официально «мещеряками».

Некоторая часть маджар, как и башкиры, входила и в состав Волжской Булгарии²¹. Согласно историческим данным, маджары, по-видимому, здесь назывались «бесерменами».

Мишари жили и в составе Казанского ханства. По этому поводу А. Ф. Можаровский пишет: «Упоминание летописца об участии можар, как особого племени, в битве их с казанцами и потом его же упоминание о послах от можар к русскому царю наряду с послами от других племен, входивших в состав казанского царства, указывает на значительную численность этого племени на территории бывшего казанского царства даже во время его падения»²².

Заметные следы маджары оставили и в Предкавказье, на территории современного Ставропольского края. К началу XIV века там, где сливаются реки Кума и Бювалы, процветали два города (старый и новый) под названием Маджар. В 1315—1370 годах в одном из них даже чеканили монеты²³. Путешественники XVIII века видели лишь руины этих городов. Историк П. Д. Шестаков отмечает, что остатки этого города и другие развалины, называемые «домами маджарскими», маджарское соленое озеро и речка Маджара близ Сухум-кале напоминают нам о маджарах или мадьярах, народе, о котором говорил еще Константин Порфиригенет: «Нужно знать, ... что батдзинакиты (печенеги) сначала жили у реки Волги и у реки Яика, а пограничными с ним народами были маджары и узы», то есть маджары и команы, или половцы. Следовательно, мадьяры жили в той местности, где ныне лежат развалины города Маджара, заключает П. Д. Шестаков²⁴. Формы строения и строительный материал города Маджар указывают на то, что его построили те же местные племена и народы, которые воздвигли и другие города этого региона, в частности Астрахань, Селитрояный городок²⁵. Определять этническую принадлежность маджаров П. Д. Шестаков не решает, он просто следует традиции, согласно которой маджары являются венграми, то есть мадьярами. В то же время его удивляет, что «... во всем районе Маджара повсюду попадает много татарских могильных холмов (курганов). Вероятно, они, — продолжает он, — не маджарские, потому что маджары — отнюдь не татары»²⁶. П. Д. Шестаков склонен утверждать, что город Маджар принадлежал татарам (то есть тюркам) в более позднее время. В XIV веке о Маджаре упоминают русские летописи, — пишет он и заключает: «Маджар принадлежал тогда татарам, иначе татарские бояре не могли бы в нем распоряжаться произвольно»²⁷.

Когда арабские, персидские и греческие историки отмечали тюркоязычность маджар, они имели в виду прежде всего маджар, населяющих области Северного Кавказа и земли между Волгой и Доном²⁸. Кроме

²⁰ А. Х. Халиков. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья. — «Археология и этнография Башкирии», т. IV. Уфа, 1972, стр. 37.

²¹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. V (Басджирт). М., 1969, стр. 494.

²² А. Ф. Можаровский. Где искать в наше время потомков тех можар, которые в 1551 году среди поля Арского бились с казанцами, верные присяге русскому царю? — «Труды 4-го археологического съезда в России», т. I. Казань, 1884, стр. 18.

²³ В. К. Савельев. О городах Маджар и Булгар по монетам. — «Труды 4-го археологического съезда в России», т. I. Казань, 1884, стр. 20.

²⁴ П. Д. Шестаков. Указ. раб., стр. 3.

²⁵ Там же, стр. 8—9.

²⁶ Там же, стр. 11.

²⁷ Там же, стр. 5.

²⁸ Б. Н. Заходер. Указ. раб., стр. 50—51.

того, следует помнить, что по антропологическому облику тюркоязычные мишари-татары тяготеют к племенам Северного Кавказа²⁹. Все это говорит о том, что маджары Предкавказья и мишари (моджары, мешера, мешряки), жившие вдоль среднего течения Оки, имеют общее происхождение, и те, и другие с самого начала были тюркоязычными. «Начало границ мадьяр — между страной печенегов (или болгар) и болгарскими аск. л... Мадьяры — турки, глава их по названию *К. н. де* выезжает в сопровождении 20 тыс. всадников; действительный правитель — *дж. ле*», — обобщает высказывания арабских и персидских историков Б. Н. Заходер³⁰. Кроме прямого указания на то, что мадьяры это — турки, здесь имеются еще следующие доказательства тюркоязычности мадьяр: 1) мадьяры живут в окружении тюркоязычных племен, 2) два мадьярских названия (имени) легко объяснить, если основываться на тюркском языке: *кенде* [*кен* 'солнце', *-де* (*-ле*) — аффикс обладания] 'солнечный', сравните с кыпчакским именем *кентувды* 'солнце взошло', 'день наступил'; *джылы* (*юла, жула, жылы*) 'тепло', 'факел', 'пламя'.

Маджары, как и другие древние тюркские племена, в различные периоды именовались по-разному: во время господства турков и узов (огузов) их часто называли общим именем *турки* и *узы*³¹, во время куманов (половцев) некоторая часть их именовалась *кубанами* или *губинами*³². В период Золотой Орды и после ее распада они приняли официальное название татар, а южная часть их — ногай. Однако кое-где сами мишари или их соседи до наших дней сохранили древний этноним — *мишар*.

Как же все это связать с тем, что венгров называют мадьярами (маджарами)? Почему ряд исследователей считает сведения памятников о тюркоязычных маджарах, относящимися к венграм? Если исходить из того, что арабские, персидские и византийские историки правильно отметили тюркоязычность маджар (их единодушие в этом вопросе исключает ошибку), то приходится признать, что в Приуралье, Поволжье и в Предкавказье никакой «Великой Венгрии» не было. Венгры как народность, по-видимому, начали формироваться в Этелькезу, этот процесс завершился затем в Паннонии.

Близость венгерского языка хантыйскому говорит о том, что основной языконесущий компонент будущих венгров продвигался с востока на запад под напором отдельных продвижений турков: гуннов, печенегов и др. С этим компонентом на запад продвигались и различные тюркские племена, в частности маджары. Когда в конце IX века печенеги достигли пределов Этелькезу, там уже были маджары. «Втянутые Византией и Болгарией в их войны при Дунае, печенеги стали проникать еще дальше на Запад и в самом начале X в. они уже совершенно вытеснили мадьяр из Этелькезу, ушедших после того в Паннонию, а сами заняли места их кочевий, продолжая в то время неуклонно продвигаться через Карпаты и по дунайским степям на Запад, к Паннонии»³³. Именно в Паннонии в результате ассимиляции среди ведущего финно-угроязычного населения тюркоязычных племен (кабаров, маджар, бесермен и пече-

²⁹ Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. — «Труды Института этнографии», новая серия, т. VII, 1949, стр. 240.

³⁰ Б. Н. Заходер. Указ. раб., стр. 48.

³¹ К. Багрянородный. Об управлении государством. — «Известия государственной Академии истории материальной культуры», вып. 91. М.—Л., 1934, стр. 6, 51; П. Ф. Сум. Историческое рассуждение об Удах или Половцах. М., 1848, стр. 16.

³² А. Б. Булатов. Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом. — «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1974, стр. 189.

³³ Д. А. Расовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и Угрии. — «Сборник статей по археологии и византиноведению», VI. Прага, 1933, стр. 3.

нежских племен) образовалась венгерская народность³⁴. При этом тюркоязычные маджары хотя и потеряли тюркский язык, но передали свой этноним вновь образованной финно-угроязычной народности. Ассимилированный тюркский компонент венгров, видимо, сохранил в памяти сведения о своем тюркском происхождении. Лишь этим можно объяснить то, что «венгры, принадлежность которых к финскому племени по многим данным историческим и филологическим трудно отрицать, с беззастенчивостью и настойчивостью, достойною лучших целей, навязываются на родство туркам»³⁵. Отмечая сходство погребений в могильниках Башкирии, Среднего Поволжья и Паннонии, Е. А. Халикова признает, что «в составе населения башкирского Приуралья, Волжской Булгарии и складывающегося одновременно с ней Венгерского государства в IX—X веках был общий этнический компонент»³⁶. Таковыми могли быть, утверждает она, угромадьры или тюрки. Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что таким общим этническим компонентом могли быть прежде всего тюркоязычные маджары.

Передвижением тюркских и основных языконесущих финно-угроязычных компонентов венгров с востока на запад можно объяснить и наличие нескольких общих племенных названий у венгров, башкир и татар³⁷. Этим же объясняется, видимо, и то, что в 30-х годах XIII века монах Юлиан, отправившись путешествовать из доминиканского монастыря в Венгерском королевстве, достиг берегов Этиля и там нашел людей, с которыми говорил «по-венгерски», то есть по-маджарски³⁸. Разумеется, он мог там встретить остяков (хантыцев), язык которых сходен с венгерским; но мог говорить и на тюркско-маджарском языке, если считать, что тогда тюркские маджары Паннонии еще не полностью ассимилировались.

Таким образом, *мишари* (другой возможный их этноним — *акациры*) — одно из самых древних тюркоязычных племен, занимавшее обширные территории. Западные мишари участвовали в формировании венгерской народности: они ассимилировались среди финно-угроязычной массы, но оставили свое название *мишар* в виде *мадьяр* как общий этноним народности. Определенные части мишарей вошли в состав волжских булгар, башкир, русских, мордвы, чувашей. Сохранившая тюркский язык часть мишарей в Предкавказье приняла этноним *нугай*, а в Поволжье и в Мещерской низменности — этноним *татар*.

³⁴ «Энциклопедический словарь». Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. 35 (XVIII), статья «Мадьяры», стр. 352.

³⁵ П. Д. Шестаков. Указ. раб., стр. 16.

³⁶ Е. А. Халикова. Общий компонент в составе населения Башкирского Приуралья и Волжской Булгарии в VIII—X веках (по материалам погребального обряда могильников). — «Археология и этнография Башкирии», т. IV. Уфа, 1971, стр. 120.

³⁷ Об этом см.: Ю. Ф. Намет. Указ. раб., стр. 261.

³⁸ «Рассказ доминиканца Юлиана». — «Записки Одесского общества истории и древности», т. V, 1863, стр. 100.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. Б. АБДУЛЛАЕВ

К ОТГРАНИЧЕНИЮ КОНСТРУКЦИЙ С ПРЯМОЙ РЕЧЬЮ ОТ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксис тюркских языков за последние годы стал объектом пристального внимания и всестороннего исследования тюркологов. Учеными-тюркологами на основе изучения обширного материала различных стилистических пластов литературного языка созданы соответствующие работы, посвященные синтаксису тюркских языков, в которых по-новому поставлены и решены многие теоретические вопросы¹. В то же время анализ простого и сложного предложения в этих работах носит традиционный характер, и до настоящего времени отдельные синтаксические конструкции, в частности конструкции с чужой речью (как в отечественной, так и в зарубежной тюркологии²), никем с достаточной глубиной и всесторонне не изучались. В связи с этим ряд проблем, связанных с конструкцией с чужой речью (природа этих конструкций, их отличия от сложных предложений, способы передачи чужой речи, способы связи компонентов, соотношения компонентов внутри конструкции, синтаксические функции компонентов, трансформация и типологическая классификация и т. д.), до сих пор в должной мере не исследовался. Поэтому наряду с изучением разных типов предложений в современных тюркских языках возникает необходимость всестороннего изучения именно этих конструкций.

В тюркских языках, в том числе и в узбекском языке, конструкция с чужой речью представляет сложную подсистему и отличается цельностью синтаксического построения, разнообразием структурных вариаций, своеобразными особенностями в выражении модальности. Задачи, стоящие перед исследователями синтаксической системы тюркских языков, сводятся главным образом к более углубленной разработке теоретических основ синтаксиса: выявлению общих универсальных линий синтаксического строя и той специфики, которая присуща структуре тюркских языков³.

Как известно, различие в специфике языковой передачи логического содержания образует «душу» синтаксиса⁴. Но во многих исследованиях, посвященных синтаксису тюркских языков, конструкции с чужой речью на основе внешних, формальных соответствий отождествляются со сложными предложениями. При этом не учитывается их особая специфическая структура. По мнению З. Х. Таги-заде, прямая речь напоминает асинтетическое и синтетическое предложения, а косвенная речь — аналитическое сложноподчиненное предложение⁵. А. З. Абдуллаев пишет: «Если в роли сказуемого главного предложения употребляются глаголы речи, то придаточное предложение, дополнительное в азербайджанском языке, может состоять как из косвенной, так и прямой речи»⁶.

А. Исраилов подчеркивает, что сложное предложение с прямой речью есть одна из разновидностей сложноподчиненных предложений⁷.

Такие различные интерпретации конструкций с чужой речью, особенно конструкций с прямой речью, встречаются и в других работах по синтаксису тюркских языков. Не прибегая к подробному анализу этих работ, в зависимости от точки зрения на решение данной проблемы, языковедов-тюркологов можно подразделить на следующие четыре группы:

1. Рассматривающие конструкции с прямой речью как разновидность сложноподчиненных предложений (Н. К. Дмитриев⁸, Х. К. Байлиев⁹, Х. Курбатов¹⁰, А. Нурмаханова¹¹, А. Исраилов¹², Г. Г. Саитбатталов¹³).

2. Считающие конструкции с прямой речью разновидностью вообще сложного предложения, без дифференциации (Х. Назарова¹⁴, М. Аскар-ова¹⁵, М. Шарипов¹⁶).

3. Рассматривающие конструкции с прямой речью как разновидность неразложимых синтаксических целых (М. З. Закиев¹⁷).

4. Не включающие конструкции с прямой речью в систему сложных предложений (А. Н. Кононов¹⁸, Г. А. Абдурахманов¹⁹, С. А. Соколов²⁰, Д. Н. Танасоглу²¹, М. Джафар-заде²², Ю. М. Виноградов²³, А. Б. Абдуллаев²⁴, А. Саидниязов²⁵).

Таким образом, в тюркологии нет среди ученых единого мнения в вопросе определения и интерпретации конституирующих признаков, которые могли бы служить основанием для определения конструкций с прямой речью.

Целью синтаксической работы является исследование объективных свойств синтаксических единиц в их связях. Изучение же синтаксических элементов путем выявления всех и всяческих связей и соотношений между ними составляет основу метода синтаксических исследований²⁶.

Скромной задачей настоящей статьи является освещение синтаксической природы конструкций с прямой речью, их отношений к другим синтаксическим конструкциям, в частности к сложным предложениям.

1. Конструкция, как подчеркивает М. К. Милых, «это составленная из двух или нескольких предложений сложная синтаксическая единица, имеющая один организующий центр, с которым грамматически связаны все остальные части... Характерной чертой конструкции с прямой речью является выделение в ней двух составных частей, которые предназначены для выражения двух **речевых слоев**, объединяемых в одно целое. Конструкция с прямой речью сближается со сложноподчиненным предложением тем, что и там, и здесь можно говорить об особых языковых моделях, состоящих из двух частей. Разница заключается в том, что модель сложноподчиненного предложения вся заполняется новым словесным содержанием, в конструкциях с прямой речью основное содержание ре-марки является стабильным и ее можно свести к схеме „он сказал“, „он спрашивал“, „он услышал“»²⁷.

2. Связь между частями сложного предложения не только смысловая, но также структурно-грамматическая и интонационная. Все сложные предложения характеризуются единством ритмо-мелодики, что проявляется в **однотипности** интонации его частей, для которых характерно понижение тона в конце предложения. Прямая речь и слова автора, в отличие от сложного предложения, интонационно разграничены и несовместимы. Их позицией в составе конструкций определяется особенность интонации вводящего предложения. Интонация прямой речи не зависит от интонации вводящего предложения: — *Командировкага кел-*

ган эдим, — деди Саттор (П. Қодиров) '— Я в командировку приехал, — сказал Саттар'.

3. Грамматические отношения между компонентами конструкции с прямой речью резко отличаются от отношений компонентов сложного предложения. Компоненты конструкций с прямой речью не в такой степени связаны с грамматическими и интонационными средствами, как это наблюдается в сложных предложениях, и потому, независимо от их грамматической функции, они могут занимать любую позицию в составе конструкции:

- 1) ПР + СА (прямая речь + слова автора);
- 2) СА + ПР (слова автора + прямая речь);
- 3) ПР + СА + ПР (прямая речь + слова автора + прямая речь);
- 4) СА + ПР + СА (слова автора + прямая речь + слова автора).

4. Компоненты конструкции с прямой речью включают предложения различного коммуникативного плана, то есть слова автора в основном — предложения повествовательного характера, прямая речь же претворяется в предложения побудительного, вопросительного, восклицательного характера или одновременно включает несколько предложений различного типа: ... *Қўзлаган жойига тезроқ етишига ошиқиб, ўткинчилардан сўрар эди: Тўпқайрагочга яқин қолдими?* (Ойбек) 'Торопясь добраться до места, нетерпеливо спрашивал прохожих: — Далеко еще до Топ-Кайрагача?'.

Сложное предложение, составляя структурно-семантическое и интонационное единство, функционирует как одна коммуникативная единица.

5. Часто встречаются конструкции с инкрустированной прямой речью, то есть один из компонентов конструкции с прямой речью (прямая речь), не изменяя грамматической формы, может включаться в состав простого предложения и выполнять функцию члена предложения, что не характерно для сложных предложений: — *Бир вақт қулоғига: «Ботиржон ака, юринг», — деган*²⁸ *овоз эшитилди* (С. Назар) 'Вдруг слышался голос: «Батиржан ака, пойдемте!»'.

6. Один из компонентов (авторские слова) употребляется обособленно, вследствие чего единая конструкция деформируется, распадаясь на отдельные части, чего не происходит в сложных предложениях: — *Нима бало, дом-дараксиз бўлиб кетдиларинг! — Гулнор билан қўришди у* (Ойбек) '— Что случилось, совсем пропали! — Поздоровался он с Гулнорой'. — *Дадажон, шу ердамисиз? Сизни уйғотиб қўйганга ўхшайман-а?* — *У эркаланиб дадасининг қўлларини силади* (Ш. Рашидов) '— Папочка, вы здесь? Не разбудила ли я Вас? — Она нежно погладила руки отца'.

В сложном предложении все его части составляют связное единое целое, так что, взятые отдельно, они не сохраняют прежнего смысла²⁹.

7. В конструкциях с прямой речью прямая речь может иметь поэтическую форму, а слова автора — прозаическую, что невозможно в сложном предложении:

Қизларнинг бағзисидан соз каби шўх ва нафис оҳанг эшитилди:

*Очилганда лолалар,
Териб юргай болалар...*

(Абдулла Қодирий)

'Несколько девушек запели нежными голосами в такт музыке:

*Лишь тюльпаны расцветут,
Тотчас дети их сорвут...*

8. Относительно окружающего контекста сложное предложение является более замкнутой или изолированной единицей, нежели конструкции с прямой речью, тесно связанные с окружающим контекстом, так как один из компонентов (ремарка) служит средством включения чужой речи в авторское повествование. Исходя из этой функции ремарки, М. К. Милых рассматривает ее в системе служебных, формальных элементов языка. Подобно служебным словам, ремарка является показателем отношения прямой речи к авторскому повествованию. Таким образом, ремарка выступает в составе конструкции как ведущая часть, а по отношению к контексту она является вспомогательным, служебным словом или элементом. Поэтому она, как и союзы, может опускаться и выбываться из состава конструкции. Особенно часто это наблюдается в диалогах и в тех случаях, когда авторское повествование подводит к восприятию прямой речи: *Лаъли дарахтзордан чиъиб, шилиполяр ора-лаб кетган сѣкмоъза тушиб олиши билан Қамчи унга тугунни тутқазди: — Кеннойи, мана буюмларингиз, олинг!* (Х. Гулом) 'Как только Лали вышла из рощи и подошла к тропинке, которая проходила через рисовое поле, Камчи отдал узелок ей: — Тетя (невестка), вот ваши вещи, возьмите!'

Выразитель связи между частями определенной синтаксической конструкции, как указывает Ф. Корш, может быть опущен только тогда, когда возникает привычный навык употребления этой конструкции, и она становится вполне понятной и при отсутствии внешнего выразителя связи³⁰.

9. По мнению отдельных тюркологов, прямая речь сохраняет свою самостоятельность относительно авторского слова и не приспосабливается к авторской речи, тогда как авторская речь приспосабливается к прямой речи. При этом высказывается мнение, что авторская речь выполняет функцию главного предложения, а прямая речь — функцию придаточного. Как правильно заметила М. К. Милых, подобное утверждение явно противоречиво: если авторская речь приспосабливается к прямой, следовательно, она ей подчинена и является зависимым компонентом, а потому и не может выполнять функцию главного предложения; в то же время прямая речь, сохраняя свою самостоятельность, не может быть подчиненным элементом³¹. Это противоречие, по нашему мнению, основано на том, что конструкции с прямой речью без основания уподобляют сложным предложениям, рассматривая и взаимоотношения между их компонентами по образцу сложных предложений. В этом случае игнорируется то обстоятельство, что конструкции с прямой речью — это особые синтаксические конструкции, которым свойственны специфические виды и способы выражения зависимости.

С этой точки зрения интересно высказанное В. В. Виноградовым мнение, что нельзя подвести **все многообразие** видов смысловых отношений между частями сложного предложения только под две полярные рубрики — **сочинения** и **подчинения**. Уже простое изложение развитой А. М. Пешковским теории подчинения и сочинения свидетельствует о том, что эта теория чересчур обща, формальна, схематична и недостаточно грамматична; она не учитывает смыслового содержания речи, многообразия ее конструкций³². Как отметил В. В. Виноградов, в различных конструкциях обнаруживаются специфические смысловые отношения, присущие именно этим конструкциям. В конструкциях с прямой речью прямая речь является зависимой от ремарки, подчинена ей, так как ремарка предопределяет ее синтаксическую структуру и стилистическую окраску; ремарка же, в свою очередь, зависит от прямой речи, и в ней сохраняется определенный порядок членов, обусловленный ее позицией

в составе конструкции, либо относительно прямой речи. Основное содержание конструкции выражается в прямой речи, предопределяющей семантику глаголов вводящих предложений. Таким образом, части конструкции оказываются взаимозависимыми и взаимоподчиненными и в каждой из них находятся показатели этой зависимости. Специфической особенностью этой конструкции является и определенная взаимоподчиненность ее частей.

Подводя итог сказанному, отметим, что в конструкциях с чужой речью по-особому, своеобразно реализуются лексические, семантические, морфологические, синтаксические, лингвистические и лингвокомпозиционные средства языка. Структурные и семантические черты конструкции с чужой речью позволяют ставить вопрос о выделении их, наряду с синтаксисом словосочетания, синтаксисом предложения и синтаксисом сложных синтаксических целых, в самостоятельный — четвертый раздел синтаксиса³³: «синтаксис конструкций с чужой речью». Такое обособление позволило бы более глубоко и всесторонне исследовать конструкции с чужой речью, имеющие важное теоретическое и практическое значение для изучения синтаксического строя тюркских языков, в том числе и узбекского.

¹ А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1963; М. Ш. Ширалиев. Заметки о сложноподчиненном бессоюзном предложении. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 13; Ш. Шоабдурахманов. Узбек тилшунослигининг камолоти. — Журн.: «Узбек тили ва адабиёти». Тошкент, 1974, № 5, стр. 58.

² Н. А. Баскаков. Синтаксические проблемы в грамматических исследованиях турецкого языка. — «Вопросы языкознания», 1971, № 5.

³ «Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет». — «Советская тюркология», 1972, № 6.

⁴ Р. А. Будагов. К теории синтаксических отношений. — «Вопросы языкознания», 1973, № 1, стр. 15.

⁵ З. Х. Таги-заде. Сложное предложение в современном азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1965, стр. 38.

⁶ А. З. Абдуллаев. Сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1963, стр. 88.

⁷ А. Исраилов. Чужая речь в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1971, стр. 14.

⁸ Н. К. Дмитриев. Турецкий язык. М., 1960.

⁹ Х. К. Байлиев. К семантике форм «диен» и «дийип» и в связи с этим вопрос о передаче косвенной речи в туркменском языке. Ашхабад, 1944, стр. 6.

¹⁰ Х. Курбатов. Прямая, косвенная и несобственно-прямая речь в современном татарском языке. Автореф. канд. дисс. Казань, 1954, стр. 7.

¹¹ А. Нурмаханова. Прямая и косвенная речь в современном каракалпакском языке. М., 1954.

¹² А. Исраилов. Указ. раб., стр. 3.

¹³ Г. Г. Саитбатталов. Синтаксис сложного предложения башкирского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1969, стр. 57.

¹⁴ Х. Назарова. Эски узбек ёзма ёдгорликлариди кучирма гапларнинг кулланиши. Тошкент, 1959.

¹⁵ М. Аскарлова. Қўшма гапларнинг кучирма гапли тури ҳақида. — Журн.: «Узбек тили ва адабиёти», 1961, № 1, стр. 3.

¹⁶ М. Шарипов. Узбек тилида кучирма ва ўзлаштирма гаплар. Тошкент, 1955.

¹⁷ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Автореф. докт. дисс. Казань, 1963, стр. 23.

¹⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.

¹⁹ Ғ. Абдурахмонов. Қўшма гап синтаксиси асослари. Тошкент, 1958.

²⁰ С. А. Соколов. Исследования по синтаксису сложного предложения в современном турецком языке. Автореф. докт. дисс. М., 1974, стр. 2.

²¹ Д. Н. Танасоглу. Сложноподчиненное предложение в современном гагаузском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1965.

²² Мамед Джафар-заде. Усложнения прямой речи в азербайджанских диалектах. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова». Баку, 1974, № 2, стр. 81.

- ²³ Ю. М. Виноградов. Конструкции с прямой и косвенной речью и несобственно-прямая речь в современном чувашском языке. Автореф. канд. дисс. Чебоксары, 1975.
- ²⁴ А. Б. Абдуллаев. Кучирма гап ва унга боғлиқ терминлар. — Журн.: «Ўзбек тили ва адабиёти», 1971, № 3, стр. 38.
- ²⁵ А. Саидниязов. Синтаксические особенности конструкции с прямой речью в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1975.
- ²⁶ Т. П. Ломтев. Основы синтаксиса современного русского языка. М., 1958, стр. 9.
- ²⁷ М. К. Милых. Конструкции с прямой речью как синтаксическая единица. — «Филологические науки», 1961, № 4, стр. 149.
- ²⁸ О функции *деган* см. подробнее: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959.
- ²⁹ В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М., 1935, стр. 229.
- ³⁰ Ф. Е. Корш. Способы относительного подчинения. М., 1877, стр. 40.
- ³¹ М. К. Милых. Указ. раб., стр. 112.
- ³² В. В. Виноградов. Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского и ее эклектизм и внутренние противоречия. — В кн.: «Вопросы синтаксиса русского языка». М., 1950, стр. 66.
- ³³ Г. М. Чумаков. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975, стр. 9.

Т. А. ЭФЕНДИЕВА

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ — ХУДОЖЕСТВЕННО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА

(НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Индивидуальное словотворчество — одна из малоисследованных в тюркологии проблем. Между тем изучение данного вопроса интересно уже потому, что дает представление о тех выразительных средствах языка, которые возникают на основе сочетания потенциальных возможностей лексикологии и грамматики, а это лишний раз подтверждает тесную взаимосвязь двух названных аспектов языкознания¹.

В индивидуальном словотворчестве находит выражение своеобразное видение мира художником, что проявляется в сфере художественной речи, в языке произведений художественной литературы. Ни в одном из стилистических пластов литературного языка языковые ресурсы не используются так широко и всесторонне, как в языке художественных произведений. В художественной литературе общенародный язык предстает во всем богатстве лексических и грамматических возможностей. Широкий диапазон привлечения языковых элементов обусловлен широтой охвата современной литературой действительности, отображением в ней всех сфер человеческой деятельности, многообразием функций. Стремясь к усилению эмоционального и эстетического воздействия литературного произведения на читателя, писатель на основе творческого использования потенциальных возможностей общенародного языка создает нередко новые, не употреблявшиеся до него слова и словосочетания, так называемые стилистические неологизмы.

Как и в общенародном языке, в языке художественных произведений новые слова и выражения создаются по существующим словообразовательным моделям; но их возникновение в художественной речи подчинено стилистическим задачам, и, в отличие от новообразований в общенародном языке, они выполняют не номинативную, а художественно-выразительную функцию, в которой, таким образом, проявляются специфические особенности индивидуального стиля автора.

В языке художественного произведения, точно так же как и в общенародном, новые слова образуются морфологическим, синтаксическим и

¹ Л. В. Щерба. Очередные проблемы языкознания. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. 4, вып. 5, 1945, стр. 181; С. Д. Кацнельсон. Историко-грамматические исследования. М.—Л., 1949, стр. 56; Э. В. Севортян. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы узбекского языкознания». Ташкент, 1954, стр. 60—81; *его же*. Словообразование в тюркских языках. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., 1956, стр. 314—328; *его же*. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 11.

семантическим путями. Соответственно способам образования различают и разновидности стилистических неологизмов.

1. Морфологические неологизмы

Основную роль в образовании этих стилистических неологизмов играют морфологические средства, то есть словообразовательные аффиксы. В процессе индивидуального словотворчества писатель использует как продуктивные, так и непродуктивные аффиксы, активизируя, таким образом, последние².

Для создания стилистических неологизмов морфологическим способом используются нижеследующие словообразовательные аффиксы.

1. **Аффикс -ĉu/-ĉi/-ĉu/-ĉi.** Широко употребляясь в общенародном языке, этот аффикс присоединяется к основам существительных и образует слова, связанные с субъектом, с именем деятеля, с различными его профессиями³.

В языке художественной литературы этот аффикс также присоединяется к основам существительных, но, в отличие от общенародного языка, он образует слова, содержащие субъективную оценку, создающие насмешливое, ироническое звучание, сообщающие повествованию сатирический тон. Так, например, в стихотворении Р. Рзы «О болезни, которая называется „некоторые“» слово *bä'ziĉi* образовано сочетанием местоимения *bäzi* 'некоторые' и аффикса *-ĉi*. В этом стихотворении слово *bä'ziĉilär* приобретает остро сатирический оттенок и ярко характеризует горе-критиков, не способных по достоинству оценить подлинное творение искусства.

Обратимся к самому произведению:

*Адларыны чәкмирам
бәлә бә'зи ч и л ә р и н
бир-бир јери кәләндә.
Бу бә'зи - бә'зи ч и ч и л ә р
бир дејил, ики дејил...⁴*

'Не называю имен
этих некоторых,
когда о них заходит речь.
Ведь этих некоторых
не перечесать'.

В целях создания юмористического звучания обращается к аффиксу *-ĉi* и писатель С. Даглы. В повести «Јајлаг гајғылары» («Дачные заботы») он использует аффикс *-ĉi*, присоединяя его к основе существительного *baу* 'дача', и создает неологизм, который вносит юмористическую окраску в обращение инженера-бюрократа к труженику, мечтающему о маленькой даче. Обратимся к отрывку из произведения:

Баш мүһәндис лагејд җаваб верди: — Чүнки бағыныза јол јохду, машинларымыз гума батыб, ирәли жеда билмәјирләр, јолдаш бағчы!⁵
'Главный инженер безразлично ответил: — К вашей даче нет дороги, наши машины увязли в песке, не могут двигаться, товарищ дачник!'

Саркастическое звучание создает в рассказе Анара «Јени ил планлары» («Новогодние планы») неологизм *розиҗи* 'стиратель' (то есть

² А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. М., 1961, стр. 248.

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956, стр. 102; Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 84.

⁴ Рәсул Рза. Сечилмиш әсәрләри, I чилд. Бакы, 1967, стр. 331.

⁵ Сејфәддин Дағлы. Јајлаг гајғылары. — В журн. «Азәрбајҗан», 1974, № 11, стр. 49.

тот, кто стирает), противопоставленный слову *jazuşu* 'писатель' (тот, кто пишет):

*Muxbirimiz Galmagalov bu kunlardə bir neçə tanyınmyş jazyчы və bir neçə tanyınmamış pozucu jə kərüşmüşdür*⁶ 'Наш корреспондент Галмагалов на днях встретился с несколькими известными писателями и с несколькими неизвестными **стирателями**'.

С. Рагимов в сатирической повести «Пиргулунун күркү» («Тулуп Пиргулу»), используя аффикс *-đi*, создает ряд интересных неологизмов, служащих сатирическому изображению отрицательных персонажей произведения — лентяев и тунеядцев:

*Hər kəs öz jərinin gazmaçысы, kətүкчүсү, көкчүсү олмалыдыр*⁷ 'Каждый обязан быть буровиком, **основосоздателем** и **корнетворителем** своей земли'.

2. Аффикс *-lyg/-lik/-luk/-lük*. Этот аффикс относится к числу продуктивных в азербайджанском литературном языке. Присоединяясь к основам существительных и прилагательных, *-lyg/-lik* образует существительные, обозначающие местность, занятие, состояние, собирательность, принадлежность к определенной области, абстрактность⁸. Э. В. Севортян неоднократно подчеркивал богатство значений, выражаемых аффиксом *-lyg/-lik*⁹. Семантическая многогранность аффикса *-lyg/-lik* часто используется писателями для создания стилистических неологизмов с самым неожиданным и оригинальным звучанием.

Так, в драме «Од кəлини» («Невеста огня») Дж. Джабарлы, подчеркивая демократизм общественного устройства, предлагаемого главным героем произведения Эльханом, вкладывает в его уста оригинальный неологизм *elbaşylyg* 'главенство общины', образованный путем сочетания существительного *elbaşu* 'глава общины' с аффиксом *-lyg*. Обратимся к примеру:

*Mən bir dəstə ərəb əsiri tərəfindən elbaşылыға кедəркən сизи бирдən көрдүм*¹⁰ 'Когда я с группой пленных арабов шел к **главобщине**, вдруг увидел вас'.

В творчестве Р. Рзы аффикс *-lyg* используется главным образом для усиления иронического звучания. Присоединяя этот аффикс к основам именных частей речи, художник создает ряд интересных по своему экспрессивно-ироническому звучанию неологизмов (например, *özümlük*, *pişiklik*, *ölümsüzlük* и т. д.). В стихотворении «Нəвəмə мəkтүб» («Письмо к внуку») созданный поэтом стилистический неологизм *özümlük* (местоимение *özüm* 'сам' + аффикс *-lük*) обращен против себялюбцев, эгоистов, безразличных к судьбам других людей:

*Təmişləjə bilməmişik sonaçan
nadanlyғын,
өзүмлүгүн кириңи*¹¹

'До сих пор нам не удалось очистить до конца
невежества,
себялюбия грязь'.

Яркие экспрессивно-иронические неологизмы создает С. Рагимов с помощью аффикса *-lyg/-lik* в уже названной нами повести «Тулуп Пиргулу», направляя острие своей сатиры против тех, кто зарится на чужое

⁶ Анар. Молла Нəсрəддин—66. Бақы, 1966, стр. 136.

⁷ Сүлейман Рəхимов. Пиргулунун күркү. — В журн. «Азəрбајчан», 1975, № 3, стр. 37.

⁸ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 66.

⁹ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, М., 1966, стр. 20.

¹⁰ Ч. Чаббарлы. Сечилmiş əsərləri, I чилд. Бақы, 1956, стр. 347.

¹¹ Рəсул Рза. Көврək будаг. Бақы, 1970, стр. 36.

добро, стремится присвоить плоды чужого труда. Эти неологизмы вводятся писателем в речь труженика-крестьянина Пиргулу:

*Һарамхорлуғла-оғрулуғла јејилән тикә эзәлчә һәр нечә ширин кө-
рүнсә дә, ахыры эһәрдир, зәғүмдур, адамын бурнундан пилтә-пилтә
кәлир, неч бир јанда ахырачан башыујалығы дејил, башалчағлығыдыр*¹²
'Краденый, нечестно добытый кусок, как бы сладок ни казался поначалу, в конце концов оборачивается отравой, ядом, за него приходится слишком дорого расплачиваться, ничем, в конечном итоге, человека не возвышает, а, наоборот, унижает'.

3. **Аффикс -syz/-siz/-suz/-süz.** В современном азербайджанском языке этот аффикс обычно присоединяется к основам существительных и образует слова, выражающие признак, свойство, отсутствие предмета или явления¹³. Э. В. Севортян отмечает, что, несмотря на продуктивность аффикса -syz/-siz, сфера употребления его весьма ограничена¹⁴.

В отличие от общенародного литературного языка, в языке художественной литературы аффикс -syz/-siz присоединяется к основам таких слов, лексическое значение которых не связано с этим аффиксом. Поэтому стилистические неологизмы, образованные посредством присоединения аффикса -syz/-siz, весьма неожиданны, выразительны, образны, эмоциональны и экспрессивны. Обратимся к примерам:

*Рангунда илк дәфә көрдүм ону
Зоопаркда.
Алабәзәк, мил-мил гәфәс ичиндә.
Гәк ағ бир фил дәмир гәфәс ичиндә.
Көзүндән јаш кәлир килдир-килдир.
Гә фә с с и з гардашларыны
Һараја чағырыр*¹⁵

'Впервые я увидел его в Рангуне
В зоопарке.
В разукрашенной полосатой железной клетке.
Одинокий белый слон в железной клетке,
Из глаз его каплями текли слезы.
Своих братьев вне клеток (свободных)
Он звал на помощь'.

В этом отрывке из стихотворения «Ағ фил» («Белый слон») прилагательное gäfässiz является стилистическим неологизмом. Путем присоединения аффикса -siz к основе существительного gäfäs 'клетка' поэт создает яркий и выразительный стилистический неологизм gäfässiz (досл. 'без клетки', 'вне клетки', то есть свободный) — эпитет, характеризующий белого слона, очутившегося из-за необычного своего цвета в заключении.

Другой пример:

*Бабамла бир чох охшарлығымыз вар;
Бир чох да о х и а р с ы з л ы ғ ы м ы з.
Онун өз дүнјасы варды...
Мәним өз дүнјам вар...*¹⁶
'У нас с моим дедом много похожего,
И еще больше несхожестей.
У него свой мир...
У меня свой мир...'

¹² Сүлейман Рәхимов. Указ. соч., стр. 43.

¹³ Р. Д. Магеррамова. Лексика сатиры М. А. Сабира. Автореф. докт. дисс. Баку, 1968, стр. 42.

¹⁴ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, стр. 77.

¹⁵ Рәсул Рза. Сечилмиш эсәрләри, II чилд, Баку, 1968, стр. 266.

¹⁶ Там же, стр. 396.

В стихотворении «Бадам кими вэ бу кунку адам кими» («Как де-душка и как человек сегодняшнего дня») поэт, сопоставляя старое и новое поколение, создает своеобразный, яркий стилистический неологизм, противопоставляя слову *oxşarlıyğ* 'сходство' антоним *oxşarsyzlyğ* 'несхожесть'.

4. **Аффикс -daş.** В современном азербайджанском языке этот аффикс присоединяется к основам существительных и образует слова со значением общности или соучастия¹⁷. При помощи этого аффикса писатели нередко создают новые слова с яркой индивидуально-экспрессивной окраской. Подобные неологизмы чаще всего встречаются в поэзии Р. Рзы. Созданные им стилистические неологизмы с аффиксом *-daş*, типа *könül-daş*, *işdaş*, *zəbādaş* и другие, откровенно ироничны. В качестве примера приведем отрывок из стихотворения «Маяковский», в котором словом *äsrdaş* характеризуются те, кто не оценил по достоинству своеобразный талант поэта и революционный дух его стихов:

*Бизи инандырмаш
Бу сахта јахынлыг...
Еј әср-әср дала
салмыш
ә с р д а ш!*¹⁸

'Нас не убедишь
этой искусственной близостью...
О мой, на века
отставший
современник!'

5. **Аффикс -ažag/-äžäk.** Будучи морфологическим формантом будущего-категорического времени, данный аффикс выступает и как словообразовательный¹⁹. В языке художественных произведений аффикс *-ažag/-äžäk* присоединяется как к основам существительных, так и глагольным основам, образуя слова с новым значением, с новой экспрессивно-стилистической окраской. Такого рода словотворчество характерно для языка произведений Дж. Джабарлы. В пьесе «Од кәлини» («Невеста огня») читаем:

Горхмаз: *Нә вахта гәдәр сусулачагдыр. Артыг сусулачаг бир шей јох. Да ј а н а л а ч а г бир шей галмамышдыр*²⁰ 'Горхмаз: До каких пор будем молчать. Больше не осталось ничего, о чем нужно умалчивать. Нет ничего, что может остановить'.

6. **Аффикс -ly/-li/-lu/-lü.** Этот аффикс обладает широкой семантикой²¹. Присоединяясь к основам существительных, он образует слова-названия лиц и животных, прилагательные со значением принадлежности к определенному месту, со значением обладания предметом, а также существительные с переносным значением²². В языке художественных произведений возможны случаи сочетания аффикса *-ly/-li* с основами неупотребительных в литературном языке слов, в результате чего образуются отрицательные по своему экспрессивному содержанию стилистические неологизмы. Например:

*Ач, оху,
о партбилет кими
галдырылан таблары.
Кәр нә дејир: «Еј, к ә л ә ч ә к л и л ә р!»*²³

¹⁷ С. Чәфәров. Азәрбајҹан дилиндә сөз јарадычылығы. Бақы, 1960, стр. 77.

¹⁸ Рәсул Рза. Сечилмиш әсәрләри, I чилд. Бақы, 1967, стр. 228.

¹⁹ С. Чәфәров. Азәрбајҹан дилиндә сөз јарадычылығы, стр. 97.

²⁰ Ч. Чаббарлы. Сечилмиш әсәрләри, I чилд. Бақы, 1956, стр. 294.

²¹ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 104—105.

²² С. Чәфәров. Мүасир Азәрбајҹан дили. Бақы, 1970, стр. 134—135.

²³ Рәсул Рза. Сечилмиш әсәрләри, I чилд, стр. 232.

‘Открой и читай,
Эти, подобно партбилету,
Высоко поднятые книги.
Вникни в то, о чем говорится: «Эй, вы — будетляне!».

Слово *gäläžäklilär* — стилистический неологизм, образованный путем присоединения аффикса *-li* к слову *gäläžäk* ‘будущее’. В данном отрывке оно употреблено в значении «люди будущего».

7. Аффикс *-yš/-iš/-uš/-üš*. В современном азербайджанском языке он присоединяется к глагольным основам и образует слова, обозначающие образ действия или его результат, названия предметов и явлений, а также возвратные глаголы²⁴. Широкая семантика этого аффикса позволяет в языке художественных произведений использовать его для создания различных по своей экспрессивной окраске стилистических неологизмов. Например:

*Һәр шејдән артыг бәнзәјишләр дејил
бәнзәм әјишләр һәкк олунду
һәфизәмдин јазылдыгча долмајан,
солмајан ләвһәсинә*²⁵

‘Прежде всего не схожести,
а несхожести запечатлелись
на непресыщающемся, не тускнеющем
полотне моей памяти’.

Созданный художником стилистический неологизм *bänzämäjišlär* ‘несхожести’ несет чисто эмоциональную нагрузку, образно выражая мысль и отношение поэта к изображаемому.

Ту же стилистическую окрашенность имеет целая цепь неологизмов, образованных посредством аффикса *-yš/-iš* в уже упомянутой повести С. Даглы «Дачные заботы». Приведем отрывок из этого произведения:

*Әслиндә исә чоһ бөјүк иш иди бу: баһарын кәлиши, торпағын ојанышы, отларын, чичәкләрин чүчәриши, колларын-будагларын күнәриши, нәһјәт, сәманын нәвазиши, күнәшин күлүшү, дәнизин тәхәррүмү. Вә тәбиәтин бу бусатына әләвә олараг зәһмәткеш инсанын чалышган гарышгалар кими бағлара сәпәләниши*²⁶ ‘На самом деле это было большим делом: приход весны, пробуждение земли, **раскрытие** трав и цветов, **зеленение** кустов и крон и, наконец, благословение небес, улыбка солнечных лучей, сияние моря. И в дополнение к этому торжеству природы, **разбредение** трудящихся людей, подобно муравьям, по дачам’.

8. Аффикс *-lan/-län*. В современном азербайджанском литературном языке этот аффикс образует глаголы с возвратным значением²⁷. Э. В. Севортян отмечает необычайную продуктивность аффикса *-lan/-län*²⁸. Присоединяясь к основам глаголов, аффикс *-lan/-län* привносит следующие смысловые значения: а) переход в какое-либо состояние или пребывание в нем; б) появление или развитие какого-либо признака или качества, свойства; в) превращение; г) появление или образование каких-нибудь предметов; д) приобретение чего-либо для себя; е) уподобление²⁹. Используя семантические возможности аффикса *-lan/-län*, писатели придат глаголам новые оттенки значений. Стилистические неологизмы с аф-

²⁴ С. Чәфәров. Азәрбајҹан дилиндә сөз јарадычылығы, стр. 105.

²⁵ Рәсул Рза. Дујгулар... дүшүнчәләр. Бақы, 1964, стр. 276.

²⁶ Сәјфәддин Дағлы. Јајлаг гајғылары, стр. 50.

²⁷ С. Чәфәров. Азәрбајҹан дилиндә сөз јарадычылығы, стр. 107.

²⁸ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, стр. 96.

²⁹ Там же, стр. 114—115.

фиксом *-lan* способствуют благозвучности стихотворного произведения. Например:

*Улдузлары сән кәтирмисән мәнә,
Улдузлардан сән ајырмисән мәни,
а х ш а м л а н а - а х ш а м л а н а,
с ә һ ә р л ә н ә - с ә һ ә р л ә н ә*³⁰.

‘Это ты подарил мне звезды,
Это ты разлучил меня со звездами,
вечерами - вечерами,
утраами - утраами’.

9. **Аффикс *-laš/-lāš***. В современном азербайджанском литературном языке присоединяется к основам существительных и образует глаголы со значением совместности, взаимности³¹. «Семантическое отличие глаголов с аффиксом *-laš/-lāš*, — пишет Э. В. Севортян, — заключается в том, что они означают взаимодействие, иногда совместность действия»³². Обычно данный аффикс образует глаголы, основы которых обозначают название процесса или его признак³³, предмет действия³⁴, орудие, речь человека, место, направление действия³⁵, форму, образ или субъект процесса³⁶. Работая над языком художественного произведения, писатель часто сочетает этот аффикс с основами слов, обычно неупотребительных в литературном языке. Образованные таким путем стилистические неологизмы ярко экспрессивны, выражают юмор, иронию, глубокую лиричность и музыкальность. Обратимся к примерам:

*Доғрудур:
мејмундан терәјиб ичсан оглу,
амма,
нә кәрәк јенидән
мејмун олмага.
П а с п о р т л а ш м а башламыш әдәбијјатда*³⁷

‘Это правда:
человек произошел от обезьяны,
однако
стоит ли вновь
становиться обезьяной.
Ведь в литературе началась паспортизация’.

В творчестве Анара аффикс *-laš* используется для создания стилистического неологизма, усиливающего лиричность и эмоциональность описываемого. Например:

*Лакин бу дуғулар мәнә танышдыр. Мән онлары симфонијанын сонунда биринчи һиссәниң мөвзусуну таныјан кими танымышдым. Бу мөвзу бүтүн әсәр боју кечир. Дәјишир, ајрылашыр, өзкәләшир*³⁸ ‘Однако эти чувства мне знакомы. Я знал их так же, как первую часть темы финала симфонии. Эта тема проходит через все произведение. Она изменяется, отдаляется, отчуждается’.

Поэт Михаил Мюшфик посредством аффикса *-laš/-lāš* создает стилистический неологизм, способствующий поэтическому звучанию всего стихотворения.

³⁰ Рәсул Рза. Пәнчәрәмә дүнән ишыг. Бақы, 1962, стр. 35.

³¹ С. Чәфаров. Азәрбајҹан дилиндә сөз јарадычылығы, стр. 107.

³² Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке, стр. 162.

³³ Там же, стр. 163.

³⁴ Там же, стр. 166.

³⁵ Там же, стр. 167.

³⁶ Там же, стр. 168.

³⁷ Рәсул Рза. Сечилмиш әсәрләри, I чилд, стр. 233—234.

³⁸ Анар. Молла Нәсрәддин—66, стр. 12.

*Бу ил бизим ичимиздә бир даһа
дәми рләшир социализм*³⁹

‘В этом году у нас еще более
железным становится (букв. железнеет)
социализм’.

10. Аффикс **-ug/-ik/-uk/-ük** образует в азербайджанском языке главным образом атрибутивные субстантивные существительные типа *aşug*, *buğug*, *sökük* и т. д.⁴⁰ В художественной литературе этот аффикс часто используется для образования стилистических неологизмов с яркой эмоциональной окрашенностью. Подобного рода стилистические неологизмы характерны для творчества С. Рагимова:

*Кишинин дедији дедик олмалыдыр*⁴¹ ‘Сказанное мужчиной должно быть сказанным’.

11. Аффикс **-am/-äm** в современном азербайджанском языке присоединяется к основам существительных и образует прилагательные.

В языке художественных произведений встречаются случаи присоединения этого аффикса к основе глагола, в результате чего образуется существительное-неологизм. Например:

*Бөјүјүб баша чатан ушагларын тәрбијәсиндә, ирәлиләјишиндә дөн-кәләр, дөнәмләр аз олмалыдыр*⁴² ‘В воспитании детей старшего возраста, в их развитии было немало поворотов, **шараханий**’.

II. Синтаксические неологизмы

Синтаксические стилистические неологизмы могут быть образованы двумя путями.

1) **Образование неологизмов путем сочетания слов различной семантики.** В стилистических целях писатель соединяет слова, обычно не сочетающиеся в общенародном языке, и образует таким образом сложные стилистические неологизмы, обладающие большой выразительностью и экспрессивностью, заостряющие внимание читателя благодаря своей новизне, необычности на определенной мысли. Например:

*Сәрушан кәрәк
нә һагла
сәхулурсунуз араја
бу һаһаг-һаһагла.
Мәкәр гәлбинин
дәрд грамасыны охумудунуз*⁴³

‘Спросить бы их,
по какому праву
суется вы
со своей напраслиной.
Разве вы его души
прочли гореграмму’.

В этом отрывке слово *därdgramma* — стилистический неологизм, образованный посредством сочетания различных по происхождению и семантике лексических единиц: *därd* ‘горе’ — азербайджанское существительное сочетается с греческим словом *грамма* ‘запись’, выступающим в составе сложных слов-терминов, обозначающих письменную фиксацию чего-либо (телеграмма, фонограмма и т. д.)⁴⁴. Стилистический неологизм

³⁹ *Микајыл Мүшфиг*. *Әсәрләри*, I чилд. Бақы, 1968, стр. 202.

⁴⁰ *С. Чәфәров*. *Азәрбајҹан дилиндә сөз јарадычылығы*, стр. 107.

⁴¹ *Сүләјман Рәһимов*. *Пиргулунун күркү*, стр. 38.

⁴² *Бајрам Бајрамов*. *Фәһлә гардаш*.—В журн. «Азәрбајҹан», Бақы, 1975, № 7, стр. 10.

⁴³ *Рәсул Рза*. *Вахт вар икән*. Бақы, 1970, стр. 219.

⁴⁴ «Словарь иностранных слов». М., 1954, стр. 191.

därdgramma употреблен здесь в значении «изображение горя» и обусловлен стилистической задачей — выразить ироническое отношение к проявлению бесцеремонности и бестактности.

Следует отметить, что в литературном языке очень часто посредством сочетания двух слов создается художественное определение — эпитет. Например:

О кун,
таныш сланда биз,
орда бир т а л е ж и к у р
шир дэ варды⁴⁵

'В тот день,
когда мы познакомились,
там был и поэт
с неустроенной судьбой'.

Некоторые сложные стилистические неологизмы образуются метафорическими оборотами речи. Такие неологизмы обычно выражают иронию. Например:

Гачар: *Јахшы да. Ч а р ы г л ы кичик бир өлкә*
*Бәјүк Фирдовсиләр јаратды бәлкә?*⁴⁶

'Каджар: Хорошо. Эта маленькая ч а р ы ж н а я с т р а н а (ср. «лапотная») Может быть, создаст великих Фирдовси?'

Сочетание *şarugly ölkä* — стилистический неологизм. Он вносит в речь шаха Каджара оттенок пренебрежения к азербайджанскому народу, язык и культура которого воспринимаются им иронически.

С болью в сердце за свой народ отвечает Вагиф шаху Каджару:

Дэјан, бу бағчанын һәр бир будағы
Үстүндә мин чичәк, мин күл битирмиш.
Сизин күлдүјүнүз ч о б а н т о р п а ғ ы
Низамиләр, Фүзулиләр јетирмиш⁴⁷

'Постой! На каждой ветке этого сада
Расцветало множество цветов и роз.
И эта пастушья страна, над которой вы насмехаетесь,
Создала немало Низами, Физули'.

Для усиления выразительности художник вкладывает в уста Вагифа неологизм *şoban toprağı* 'пастушья земля'.

2) **Образование неологизмов путем повтора однокорневых слов.** Этот способ характерен для общенародной разговорной речи. В языке художественных произведений писатель нередко прибегает к оригинальному сочетанию однокорневых слов, чем добивается большей выразительности. Как правило, эти сочетания выступают в функции эпитета. Например:

Илк дэфә сиз
јајдыныз бу мави сәһраја
ш у л ә к - ш у л ә к јоллары,
а д а - а д а буруглаһы⁴⁸

'Это вы впервые
принесли на эти голубые просторы
с т а л ь н ы е д о р о г и ,
о с т р о в а в ы ш е к '.

⁴⁵ Рәсул Рза. Сечилмиш әсәрләри, III чилд, Бақы, 1969, стр. 245—246.

⁴⁶ Сәмәд Вургун. Вагиф.—«Сечилмиш әсәрләри», III чилд, Бақы, 1955, стр. 95.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Рәсул Рза. Пәнчәрәмә дүшән ишыг, стр. 29.

III. Семантические неологизмы

В языке художественного произведения семантические неологизмы образуются путем использования семантических оттенков слов. Чаще всего это происходит в результате метафоризации и субстантивации отдельных лексических единиц или словосочетаний.

В художественном произведении слово, наряду со смысловой нагрузкой, несет и художественно-изобразительную функцию, характеризует внешний облик и психологические особенности героев, индивидуализирует речь, является средством образного отражения действительности и т. д. «В художественном произведении, — пишет академик М. Ариф, — слово не только своим предметно-логическим, но также картинно-выразительным, внешним воздействием, гармоничностью и музыкальностью, способствует выражению мыслей писателя»⁴⁹. Под пером писателя слово способно приобрести совершенно новое значение, в результате чего и возникают семантические стилистические неологизмы. Некоторые наиболее удачные из этих неологизмов переступают границы индивидуального авторского стиля и становятся достоянием литературного языка. Художественные особенности произведения и творческая фантазия писателя определяют семантическое звучание и функциональную нагрузку слова.

В подтверждение сказанного обратимся к слову *gaп* 'кровь' в поэзии Р. Рыз:

*Виллини тээ көңәји ағаппаг;
јахасында дүмәләр
килә-килә г а н ды р*⁵⁰.

'У Вилли новая рубашка белым-бела,
на вороте пуговицы,
как капли крови'.

Отрывок взят из известного произведения поэта «Зәнчи баласы Вилли һаггында баллада» («Баллада о негритянском мальчике Вилли»), посвященного горькой доле негра-мальчика в расистской Америке. В данном случае поэт в слове *gaп* выделяет лишь одно из его значений — цвет. Это продиктовано художественной задачей данного образа, его символическим смыслом: кровавого цвета пуговицы белой рубашки чернокожего мальчика символизируют назревающую трагедию. Так возникает яркий по своему семантическому звучанию стилистический неологизм.

Образование семантических стилистических неологизмов в языке художественной литературы чаще всего сопряжено с расширением границ синонимического ряда. Эстетическая функция художественного стиля способствует этому расширению и обогащению синонимических рядов новыми стилистическими и ситуативными синонимами.

Новые синонимы, являющиеся плодом индивидуального творчества писателя, иногда используемые им только в одном из произведений, закономерно воспринимаются читателем как элементы индивидуального художественного стиля. Проникая же в общеразговорный язык, они со временем становятся полноправными членами того или иного синонимического ряда. Возникновение подобных синонимов связано с изменением значения слова на основе его метафоризации.

Следует отметить, что стилистические неологизмы образуются в тех случаях, когда ни один из синонимов существующего синонимического

⁴⁹ М. Ариф. Сечилмиш эсәрләри, I чилд, Бақы, 1967, стр. 254.

⁵⁰ Рәсул Рза. Сечилмиш эсәрләри, II чилд, стр. 197.

ряда не отвечает стилистическим задачам данного литературного произведения и, таким образом, не удовлетворяет автора. Чаще всего стилистические неологизмы возникают для выражения экспрессивно-иронической авторской мысли.

Для наглядного раскрытия природы стилистических неологизмов-синонимов рассмотрим два синонимических ряда, используемых в художественной литературе при изображении антагонистических слоев общества — эксплуататоров и эксплуатируемых, а также борьбы между ними. Следует отметить, что азербайджанская художественная литература располагает развитой системой синонимических слов и выражений, характеризующих эти два класса. В тех случаях, когда ни один из существующих синонимов не отвечает конкретным стилистическим требованиям писателя, возникают условия для их творческого переосмысления и возникновения синонимов — семантических неологизмов. Как правило, последние особенно характерны для произведений зрелых и талантливых мастеров.

В художественных произведениях эксплуатируемый класс обычно предстает под следующими названиями-синонимами: *kasyblar*, *faʔyrlar*, *māzlumlar*, *aʒ-jalavaʒlar*, *aʒlar*, *mōhtaʒlar*, *aʒ garynlar*, *čylpaglar*, *lat-lüt-lär*, *älsiz-ajagsyzlar*, *aʒ-susuz adamlar*, *ʒyr-ʒyndaly adamlar*, *döjülän-söjülän adamlar*, *äzilip-tapdalanan adamlar*, *torpagsyz-čöräksiz adamlar*, *äligabarly adamlar*, *aʒaʔy gatlar*, *gara ʒamaat*, *gara räijjät* и т. д. ('бедняки, забитые, жалкие, голодные-холодные, голодные, нуждающиеся, с пустыми животами, голые, голодранцы, беспомощные, люди без воды и хлеба, оборванные люди, побитые-поруганные люди, измученные люди, люди без земли и хлеба, люди с мозолистыми руками, нижние слои, черная толпа, черноподданные' и т. д.).

Основная часть этих синонимов образовалась вследствие переноса значений с одних предметов или понятий на другие. Такие специфические характеристики, как высокомерное отношение эксплуататоров к эксплуатируемым, забитость, несправие, культурная отсталость народных масс, послужили главной причиной возникновения приведенного выше синонимического ряда. Каждый член последнего обобщал ту или иную характерную черту и определял, таким образом, соответствующее название. В результате присоединения аффикса множественного числа *-lar/-lär* к основе таких обычных и распространенных слов, как *aʒ* 'голодный', *mōhtaʒ* 'нуждающийся', *māzlum* 'жалкий', *čylpag* 'голый', *avam* 'невежественный', *älsiz-ajagsyz* 'беспомощный', *lat-lüt* 'голый', они приобретали экспрессивные значения, характеризующие целый общественный класс. Часть синонимов образовалась путем сочетания слов, первый компонент которых является атрибутом, выраженным различными по семантике определениями, второй — субъектом, выраженным обобщенными существительными (например: *aʒaʔy gatlar* 'нижние слои', *ʒyr-ʒyndaly adamlar* 'оборванные люди' и т. д.). В создании этих синонимов-образов немалая заслуга принадлежит сатирическому перу М. А. Сабира⁵¹.

Синонимический ряд, возникший в соответствии с художественно-стилистическими задачами, поставленными писателем, дает ему широкую возможность использования действенных выразительных средств языка. Рассмотрим процесс формирования стилистических неологизмов в литературном языке на примере романа С. Рагимова «Шамо»:

Султан әлләрини ојнадараг: — Бу чәримә индијә кими һансы патавалыны ајағларына бухов вуруб, габағыны да һасар кими

⁵¹ *Рәһилә Мәһәррәмова*. Сабирин сатирик ше'рләринин лексикасы. Баки, 1968, стр. 10—11.

алыб, өзүнүн да голундан жапышыб, најхырыб ки, олмаз!⁵² 'Султан, размахивая руками, продолжал: — Кому из тех, кто носит грубую крестьянскую обувь, этот налог до сих пор сковывал ноги кандалами, преграждал путь, хватал за руки и запрещал: нельзя!'

Сиз, моталпаагың габагындамы? — шишман забит Шамонун архасында дажанан бир дәстә шәләпапаг адамы гар ишыгында көздән кечиртди... — Сиз, шәләпапаг, бу күнүңүзә ағлајын ки, сабаһ кулла габагында дајанаңагыңыз⁵³ 'Перед вами, носящими папахи из бараньей шкуры? — И толстый офицер обвел глазами при отсвете белого снега отряд людей в остроконечных папахах, стоящих за спиной Шамо... — Вы, остроконечные папахи, задумайтесь лучше над тем, что завтра будете стоять под пулями'.

В обоих отрывках писатель в целях передачи презрительно-иронического отношения представителей имущего класса к беднякам-крестьянам ввел в текст синонимы-образы, созданные им путем использования переносного значения слов — названий принадлежности крестьянской одежды (patava — крестьянская грубая обувь, motalparag — пышная крестьянская папаха из бараньей шкуры, şäläparag — папаха с заостренным кверху концом). В результате умелой метафоризации вполне обычные слова стали олицетворять целый общественный класс.

Подобный синонимический ряд использует и С. Вургун в драме «Вагиф», создавая свои неологизмы-синонимы, полные сарказма. Обратимся к самому произведению:

Ибраһим хан: ...Јох, бир баша кечсин чијниндә чомаг⁵⁴ 'Ибрагим хан: ... Что ж, пусть пройдет на почетное место тот, кто с посохом на плече'.

Исходя из характерной для крестьянина-пастуха привычки ходить с посохом на плече (çijnindä čomag), поэт создал синоним-неологизм, выражающий презрительно-ироническое отношение хана к целому общественному классу — крестьянству.

В художественной литературе класс эксплуататоров ярко представлен широко развитой системой синонимов и метафоризованных выражений: dövlätlilər, varlylar, pullular, miljončular, ayalar, äsilzadälär, zadäg'anlar, başda oturanlar, güzlülär, goluzorbalyar, zalymlar, ganiçizilär, toxlar, bojnıjoğunlar и т. д. ('богачи, зажиточные, денежные, миллионеры, господа, аристократы, верхушка, сильные, могущественные, жестокие, кровопийцы, сытые, толстошие' и т. д.).

Ненависть советского автора к представителям капитализма, к их частнособственнической психологии, сочувственное изображение трудящихся масс, вставших на защиту своих поправленных прав, — все эти чувства, образно преломляясь в творческом воображении писателей, воплотились в синонимический ряд понятий-образов.

Случается, однако, что существующий синонимический ряд не удовлетворяет художника, и тогда он создает собственный синоним-образ, выступающий в этом конкретном случае как стилистический неологизм. Подтвердим это примером из романа С. Рагимова «Шамо»:

— Сабаһ, јахүд алдакы күн һәмин моталпападан бириси галхыб отураңаг һөкүмәт башында, сәни дә, мәни дә, о бирисини дә, лап бојнујоğunлары, гарны гарпызлылары да дајајаңагдыр дивара⁵⁵

⁵² Сүлејман Рәхимов. Шамо, II чилд, Бақы, 1956, стр. 569.

⁵³ Там же, стр. 616.

⁵⁴ Сәмәд Вургун. Вагиф. — «Сечилмиш әсәрләри», III чилд, стр. 25.

⁵⁵ Сүлејман Рәхимов. Шамо, III чилд. Бақы, 1964, стр. 9.

‘Недалек тот день, когда один из тех, кто носит папаху из бараньей шкуры, станет у власти, и тогда и тебя, и меня, и другого, даже самых толстошеих, толстопузых (досл. «арбузопузых») поставит к стенке’.

Здесь сочетание *gaḡnu gaḡyuzlylar* ‘толстопузые’ — это фигурально-образный синоним-неологизм, символизирующий целый общественный класс — капиталистов.

Обратимся к другому примеру из того же произведения:

— *Бизә инди дурлү-дүјүнлү кәрәкдир, Ағахан, дурлү-дүјүнлү, — дејә Кәрај аға һәмдәрдинин палтосундан тутуб дартындырды. — Јохса, бу да ггапапаглылардан, боғазы бантлылардан милләт дәрдинә ағлајан олмаз*⁵⁶ — Нам сейчас нужны люди со связями, Агахан, со связями, — сказал Герай-ага и потянул своего приятеля за пальто. — Иначе от тех, кто ходит в высоких каракулевых шапках и с бантами на шее, никакой пользы для нации не будет’.

Точно так же свое ироническое отношение к представителям буржуазии автор выражает стилистическими неологизмами — *dagḡarapaglylar* (от слова *dagḡarapag* ‘высокая папаха из каракуля’), *boḡazybantlylar* (от сочетания слов *boḡazynda bant* ‘бант на шее’).

Аналогичные элементы встречаются в поэзии Р. Рзы. Поэт так изображает представителей исламского духовенства в стихотворении «Кербала»:

*Ағлајыр сонсуз кәлинләр,
әли ушағлылар.
Ағламајанлар да вар:
ғырмызы сифәт,
гара тәсбех,
көј гуршағлылар*⁵⁷

‘Плачут бездетные женщины,
и имеющие детей.
Но есть и не плачущие:
краснолицые,
с черными четками,
с голубыми кушаками’.

Такие внешние атрибуты духовных лиц, как *gara tāsbeh* ‘черные четки’ и *göj gurşag* ‘голубой кушак’, которым обвязывались вокруг талии поверх халата, создают иронически окрашенный обобщенный образ исламского духовенства.

В образовании стилистических неологизмов типа *dagḡarapaglylar*, *boḡazy bantlylar*, *gara tāsbeh*, *göj gurşaglylar* немалая роль принадлежит аффиксу множественности и собирательности *-lar/-lär*, который в языке художественных произведений выполняет часто словообразовательную функцию. Присоединяя этот аффикс к основам прилагательных — слов, выражающих качество или признак предмета, писатель создает стилистические неологизмы желаемого значения.

Рассмотренный выше материал свидетельствует о том, что сферой образования стилистических неологизмов является язык художественной литературы, в котором их возникновение связано с идейно-стилистическими задачами, поставленными художником. Созданные по образцу существующих в общенародном языке словообразовательных моделей, стилистические неологизмы вместе с тем коренным образом отличаются от общезыковых неологизмов. Их возникновение непосредственно связано с творческими устремлениями конкретного автора, вследствие чего их

⁵⁶ Сүлейман Рәхимов Шамо, III чилд, стр. 9.

⁵⁷ Рәсул Рза. “Пәнчәрәмә дүшән ишыг, стр. 190.

значительно меньше, нежели общеязыковых неологизмов. К тому же они лишены номинативной функции и выступают только в качестве выразительных средств языка, служа тем самым не обогащению словарного состава, а лишь расширению его образно-экспрессивных возможностей. Создание стилистических неологизмов характерно для художников, свободно владеющих всеми тонкостями языка и чутких к его семантическим возможностям.

Развивая путем создания стилистических неологизмов выразительные ресурсы своего индивидуального стиля, писатель тем самым способствует расширению полисемии, а следовательно, и обогащению экспрессивных средств национального литературного языка.

А. АХУНДОВ

НАЗВАНИЯ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА, ОКАНЧИВАЮЩИЕСЯ НА -Z В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В азербайджанском языке слова, обозначающие названия частей тела человека и оканчивающиеся на -z, составляют небольшую группу. Их всего шесть: *aʔuz* 'рот', *boʔaz* 'горло', *diz* 'колени', *köks* (исторически *köküz*) 'грудь', *g'öz* 'глаз', *üz* 'лицо'.

От названий частей тела человека, оканчивающихся на -z¹, эта группа слов отличается своей силлабической структурой и подразделяется на подгруппы односложных и двусложных слов. Односложные слова-названия, безусловно, являются более древними, и мы начнем с описания именно их деривационного механизма.

Diz 'колени'. В «Список общетюркских односложных слов» А. М. Щербака входит как **tīs* 'колени'. В этот список включено еще **tīs* в значении «нанизывать»².

Diz образовалось, видимо, после распада общеалтайского праязыка, так как «общее понятие „колени“ выражается в тунгусо-маньчжурских языках словом с праформой **nəjčən*, не отмеченном лишь в маньчжурском и чжурчженском языках»³. Заслуживает, однако, внимания маньчжурское название колена (коленного сустава, коленной чашечки), которое, по предположению В. Д. Колесниковой, «имеет, по-видимому, общее происхождение с аналогичным тюркским названием: ма. *тобг'а* 'колени', 'коленная чашечка'; || ср.: др.-тюрк. *tobīq* ~ *toruq*, тур. *toruq*, узб. *tūpik* 'лодыжка', башк. *тубык* 'колени', казах., уйг. *тобук*, хак. *тобык*, як. *тобук* ~ *табык* ~ *тамук* 'колени', 'коленная чашечка', ног. *тобык* 'коленная чашечка'»⁴.

По мнению В. Д. Колесниковой, «общими как с тюркскими, так и с монгольскими наименованиями коленного сгиба являются также следующие ульчские и маньчжурские названия: ульч. *тахй* 'коленная чашечка', ма. *так'а* 'колени' (у скота); 'коленце' (у птицы) || ср. п.-мо. *takim*, монг., бур. *тахим* 'коленный сгиб' || ср.: алт., хак., шор. *такым*, казах., тат. *Бараб тағым* 'коленный сгиб', 'подколенная часть ноги'»⁵.

Как видно из приведенных примеров, название понятия «колени» в тюркских языках имеет различное происхождение: *diz* не общеалтайское

¹ См.: А. Ахундов. Опыт фонетического обобщения и грамматического описания названий частей тела в азербайджанском языке. — «Советская тюркология», 1976, № 5, стр. 80—81.

² А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 197.

³ В. Д. Колесникова. К характеристике названий частей тела в тунгусо-маньчжурских языках. — «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков». Л., 1972, стр. 331.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

слово и даже не общетюркское, оно характерно лишь для тюркских языков юго-западной подгруппы, в первую очередь для азербайджанского, турецкого и гагаузского.

На наш взгляд, *diz* — отглагольное имя существительное, образованное от слова **dir* (более древняя форма **di:r*), происхождение которого связано с глаголом *dāj* 'трогать', 'задевать', 'прикасаться', 'удариться' (обо что-то), 'попасть, попадать' (во что-то), от него при помощи аффикса *-ir*⁶ образовалось отглагольное имя существительное **dājir*⁷ (ср.: *g'āl* 'приходить' + *ir* = *g'āli:r* 'приход'), преобразовавшееся затем в форму **dijir*⁸ под влиянием фонетического закона, согласно которому перед звуком *j* все широкие гласные сужаются. Первоначально оно, по-видимому, означало «то, что прикасается». В результате диерезы согласного *j*, для которого в тюркских языках интервокальное положение является весьма слабым, образовалось **diir* > **di:r* > **dir*, означавшее «колесо». Корень **dir* можно обнаружить в составе слов *dirāmāk* 'упирать во что-то' — глагол, образованный от имени существительного, ср.: *āl* 'рука', *āi* + *ā* + *māk* = *ālāmāk* 'просеять', 'отсеять', 'пропустить через сито'; *dirsäk* 'локоть', 'изгиб', 'сгиб'. Замена *-r* > *-z*, видимо, была связана с тем еще, что *-z* имеет и значение двойственного числа⁹.

G'öz 'глаз'. В «Списке общетюркских односложных слов» А. М. Щербака отмечено как **kös*¹⁰. На наш взгляд, это слово связано с общетунгусо-маньчжурской праформой **ja-sa*: «эвенк. *ёса*, сол. *йсал* (*јасиле* ~ *јеса* ~ *јеше* ~ *еша* Ив.), эвен. *жсъл* ~ *жсол* *јасал* ~ *јәһъл* ~ *јашал* К-О ~ *јәтла* [*<*јасал*] Арм. нег. *ёса*, орош. *иса* (**л*-) [*<*ёсал*], уд. *jeħæ*, ульч. *йсал* ~ *исали*, орок. *иса* ~ *йсал* ~ *исала*, нан. *насал* ~ *йсал* ~ *йсала* К-У, ма. *јаса*, чж. *уа-ši*»¹¹, общей, видимо, с древнетюркским *jaşul* 'зеленый', 'голубой', родственным с *kök* 'голубой', 'синий', 'сизый', а также 'радужная оболочка глаза' (*Suv* 292₁₃)¹².

Между прочим, последнее слово употребляется в орошском языке как часть слова, имеющего общее значение «глазное яблоко», которое связывают с «эвенк. *кёкта*, орош. *киакта*, ульч. *қиакта* ~ *кијақта* ~ *к'акта*, нан. *кәхта*, ма. *қайқамари* ~ *қайқари* 'раковина'¹³.

Связь значения «глаз» с цветом «голубой», «зеленый» вполне допустима. Кстати, как известно, и «ульчское обозначение зрачка связано с понятием „черный, темный”»¹⁴, то есть с понятием цвета.

С этой точки зрения азербайджанские *g'öz* 'глаз', *g'öj* 'небо', 'голубой', 'зелень', *g'öl* 'озеро' могут считаться родственными, с общим компонентом *g'ö-*, семантически связанным с понятием цвета, в данном случае — голубого. Однако следует констатировать, что *g'öz* 'глаз' в первую очередь восходит к слову *g'ög-* 'видеть', что соответствует предположению и В. Г. Егорова¹⁵, основывающегося на материале чувашского языка.

⁶ Подробно об этом аффиксе см.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 340—346.

⁷ Данное слово в качестве корневой морфемы встречается в составе прилагательного *dājirni* 'круглый'.

⁸ В качестве корневой морфемы встречается в составе глагола *dijirlāmāk* 'катать', 'катить'.

⁹ Подробно об этом см.: А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969, стр. 5—6.

¹⁰ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 195.

¹¹ См.: В. Д. Колесникова. Указ. раб., стр. 280.

¹² См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 312—313.

¹³ В. Д. Колесникова. Указ. раб., стр. 280.

¹⁴ Там же, стр. 281.

¹⁵ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 120.

На наш взгляд, как и слово *diz* 'колено', *g'öz* — отглагольное существительное, образованное от слова *g'ög* (более древняя форма *g'ö:r*), имеющего следующую этимологию: от глагола **k'öj* 'гореть'¹⁶ при помощи аффикса *-ür* образовалось отглагольное существительное *köjüg* со значением 'то, что горит', которое в дальнейшем приняло форму *kö* в результате диерезы, подобно слову **kö:r < *köjüg*. Это связано с тем, что в тюркских языках интервокальная позиция для *j* является очень слабой. В результате образовалось слово *g'ög < *kög < kö:r* со значениями «глаз» и «видеть». Семантическая связь между словами *köj* 'гореть' и *kög* 'видеть' / *köz* 'глаз' вполне закономерна.

Как известно, в азербайджанском языке, подобно некоторым другим тюркским языкам, *г* нередко соответствует *з*. Последний имеет и значение двойственного числа.

Üz 'лицо'. В «Списке общетюркских односложных слов» А. М. Щербака оно отмечено как **öyüs*¹⁷. В памятниках древнетюркской письменности это слово встречается в форме *jüz*¹⁸. Как и *diz*, данное слово характерно для огузских языков (в азерб. и гаг. *üz*, в тур. и туркм. *jüz*). В других тюркских языках понятие «лицо» выражается в основном словами, восходящими к праформе **rät* (в чув. *rit*, кирг., каз., ног., кум., узб., кар.-балк. *bet*, уйг. *bät*, башк. и тат. *bit*, алт. *ret*), что, по нашему мнению, противоречит представлению о нем как об общетюркском слове.

Видимо, как *jüz*, так и *ret*, *bet*, *bit* имеют соответственно общеалтайское происхождение: *jüz* связан с корневым элементом **dere-l* (~*γ*), например, в «эвенк., эвен., ма. *дэрэ*, сол. *дэргэ* (?), *дэрэл* (*дэрэ*), нег. *дэүэл*, орок. *дэ*, уд. *дэгди*, ульч. *дэрэ ~ дэрэү*, орок. *дэрэ ~ дэрэл*, нан. *дэрэг ~ дэрэл*, чж. *t'êh-'ôh* 'лицо'¹⁹. Если учесть фонетические соответствия *j ~ d* и *r ~ z*, то общность *jüz* и *dere* (~ *jere ~ jüz*) становится очевидной.

Что касается *ret*, *bet*, *bit*, видимо, они соотносятся с «эвен. *бэдэ* 'лицо', эвен. *бэд* 'вид', 'наружность', 'облик', 'строение', 'форма', 'контур', 'очертание', 'цвет', 'окраска', 'масть' || ср. нан. *бэр* 'вид' (о лице) || ср.: п.-мо. *байдал*, монг. *байдал* 'состояние', 'положение', 'обстановка', 'ситуация', 'вид', 'наружность', бур. *байдал* 'состояние', 'положение', 'ситуация', 'обстановка'²⁰.

Полагаем, что слово *jüz* могло быть связано с древнетюркским глаголом *jü-* (в «Списке» А. М. Щербака **öyü*²¹) 'мыть', 'стирать', который, на наш взгляд, лежит в основе глагола *juv-* 'катить', 'скатывать' (огузт. *qëbi iðisin qodî juvağ* 'горный поток скатывает вниз его пожитки, подобно обломкам скал'; МК, III, 61)²². От указанного глагола, как и в первых двух случаях, при помощи аффикса *-ür* образовалось отглагольное существительное **jüjüg* 'то, что моется' (допустимо и **jüvüg* 'то, что круглое'). Дальше произошло то же самое, что и с **dijir* и *g'öjüg* (отпал *j*, образовался долгий гласный, чередующийся с кратким, соответствие *r ~ z*), то есть **jüjüg > *jü:r > *jür > jüz*. В азербайджанском языке, как известно, опорный *j* не сохраняется: *jüz > üz*.

Таким образом, становится очевидным, что образование односложных слов-названий частей тела человека с конечным *-z* происходило пу-

¹⁶ «Древнетюркский словарь», стр. 312. Что касается слов *g'öj* 'голубой' и *g'öl* 'озеро', то они также семантически могут быть связаны с понятием «гореть», в данном случае с пламенем, которое бывает обычно голубым.

¹⁷ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 197.

¹⁸ См.: «Древнетюркский словарь», стр. 288.

¹⁹ В. Д. Колесникова. Указ. раб., стр. 277.

²⁰ Там же.

²¹ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 197.

²² «Древнетюркский словарь», стр. 282.

тем прибавления аффикса *-ir/-ür* к глагольным корням **däj-, köj-, *jü-* с последующей заменой *r* на *z*, что схематически может быть представлено следующим образом:

$$\begin{array}{l} *dij + ir \\ köj + ür \\ *jü(j) + ür \end{array} \left| - r + z \right| \begin{array}{l} dij \\ g'öz \\ (j)üz \end{array}$$

Двусложных слов-названий тела человека с конечным *-z* в азербайджанском языке также три:

Ayyuz 'рот'. Общеалтайское слово, хотя генетическая связь его с тунгусо-маньчжурским названием для рта, имеющим общий с монгольским корень **ама*²³, и требует дополнительной аргументации.

Все высказывания относительно этимологии *ayuz* (В. Банг, Г. Рамстедт, М. Ряснен и др.) подробно описаны Э. В. Севортьяном²⁴, по мнению которого «корни *af-* (в *afыз*), *aj* (в *ajah*) и *aç* ср.: с монг. *ang* 'щель', 'трещина', *angya* 'зиять', *angyat* ~ /*angaix* 'раскрывать', 'открывать', 'быть широко открытым', 'раскрытым', *Lessing*₄₃ бур. *ангайха* 'раскрываться', 'открываться', 'зиять' БРС, 56; тунг.-маньчж. *аңа* 'разинуть', 'раскрыть (пасть)' — эвенк.; *аңа* 'пасть (зверя)', 'зверь (на которого охотятся ради мяса)', 'щель', бранн. 'ротозей', 'растяпа'; *аңга* (*аңа*) 'рот', 'уста', 'пасть (зверя)', 'клюв', 'отверстие', 'щель', 'ворота (в городской стене)'; 'ущелье', 'устье (реки)' — маньчж. (ТМС)»²⁵.

Как известно, подобная полисемантичность свойственна и слову *ayuz* в памятниках древнетюркской письменности²⁶.

То, что *ayuz* состоит из двух частей: корня **af-* и аффикса *-uz*, не вызывает сомнений. Можно допустить, что **ag* первоначально имело значение «губа», «челюсти», как видимые элементы человеческого тела. В современном азербайджанском языке имеется генетический коррелятив *a:y, ang, аңа, аңга, энк (äng')* в значении «нижняя челюсть», что позволяет установить первичную гипотетическую форму слова *ayuz* для азербайджанского языка в виде **angyz*²⁷.

Как уже отмечалось, аффикс *-uz* представляет собой грамматический показатель категории двойственности. Таким образом, слово *ayuz*, первоначально означавшее «уста», «челюсть», в дальнейшем употреблялось только в значении «рот».

Однако общая словообразовательная модель, а также деривационная закономерность образования названий частей тела, оканчивающихся на *-z*, предполагает совершенно иную этимологию. На наш взгляд, в основе этого слова лежат глагольная корневая морфема *ay-* 'подниматься', 'восходить', 'вздвигаться', 'приподниматься' и словообразовательный аффикс *-ur*, как в первых трех случаях. Подобно **dir, g'ör, *ür* и **ayuz* также являются отглагольными именами существительными с первоначальным значением «то, что поднимается». В некоторых языках *r* соответствовал звук *z*, и за словом *ayuz* закрепилось понятие «рот»²⁸.

²³ См.: В. Д. Колесникова. Названия частей тела человека в алтайских языках. — «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков», стр. 73.

²⁴ См.: Э. В. Севортьян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 82—83.

²⁵ Э. В. Севортьян. Указ. словарь, стр. 82.

²⁶ См.: «Древнетюркский словарь», стр. 21.

²⁷ Ранее нами была предложена другая этимология. См.: Агамуса Ахундов. Азэбајчан дилинин тарихи — этимоложи лугатинэ аид материаллар. — «С. М. Киров адына Азэрбајчан Дөвлэт Университетинин Елми эсэрлэри (Дил вэ эдэбијјат)», 1972, № 1, стр. 12.

²⁸ Там же.

В современном азербайджанском языке *aγuz* имеет девять различных значений²⁹.

Boγaz 'горло'. Это общетюркское слово представлено в тюркских языках в основном в двух видах: *boγaz*||*boγuz* и *boγur*/*boγurdak*; чувашский руг восходит, видимо, к *boγur*³⁰. В некоторых тюркских языках для обозначения понятия «горло» употребляется и слово *tamak* (в тур. и азерб. *damag* 'нёбо'), имеющее совершенно другую этимологию.

Как и *aγuz*, слово *boγaz* исторически сложилось из двух частей: глагольной корневой морфемы *boγ-* 'душить', 'сдавливаться' и аффикса *-ur/-ar* (*-uz/-az*). *Boγur*/*boγaz* имело первоначальное значение «то, что душится», «то, что сдавливается». В некоторых тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, *boγaz* соответствовал *boγaz* со значением «горло».

Köks (исторически *köküz*) 'грудь'. Общеалтайское слово с праформой *köke*-(*n*)³¹. Хотя, как отмечает В. Д. Колесникова, «фонетическое развитие праформы **köke*-(*n*)- в тунгусо-маньчжурских языках сравнительно с монгольскими более сложное. Так, начальный согласный **k-* сохраняется ... в виде *х-~к-* лишь в трех из тунгусо-маньчжурских языков — в нанайском, ульчском и орокском, — но исчезает в остальных языках как северной подгруппы, так и южной (Цинциус. Фонетика, стр. 133—146): ср., например, письм. мо. *köke-n* и эвен. *өкэ-н* < **(к)өкэ-н*. Правда, в некоторых говорах эвенкийского языка в отдельных случаях наблюдается отражение начального **к-* в виде *h-*: ср. эвенк. *уку-н* < **(к)уку-н* < **köke-n*, но *һуку-н* (в.-л.)»³². В. Д. Колесникова выделяет среди имен «грудь», «женская грудь», «соски» и т. д. три следующих типа:

1) **kökü-z* — с конечным суффиксом *-z~s*;

2) **kökü-r* — с конечным суффиксом *-r//z* (чув. *кăкă-p*);

3) **kökü-g-ek* — т. е. основа второго „чувашского“ типа с дополнительным наращением к суффиксу *-r* морфологического элемента *-ak~ek~өк*³³.

По мнению В. Д. Колесниковой, «суффикс *-z* рассматривается тюркологами как архаический показатель множественного числа, который встречается, в частности, „в названиях некоторых парных частей тела: *kö-z* 'глаз, -а'; *ağı-z* 'рот, уста'; *boγu-z* 'рог, -а'; *gögü-s(z)* 'грудь'” (А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 71)»³⁴.

«Если встать на точку зрения алтаистов, — пишет далее автор, — которые в явлениях ротацизма и зетацизма в тюркских языках видят не только соответствие *r//z*, но и развитие в общеалтайском плане **r² > z*, то отсюда можно сделать вывод, что как в первом типе (**kökü-z*), так и во втором (**kökü-g > чув. кăкă-p*) следует усматривать архаический общеалтайский суффикс множественного числа — **r//тюрк. -z < *r²*»³⁵.

Приступая к анализу этимологии азербайджанского *köks* (*köküz*), отметим справедливое утверждение В. Д. Колесниковой, что «корневая глагольная морфема **köke-*, имеющаяся в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, в тюркских отсутствует»³⁶.

²⁹ См.: «Азәрбајҹан дилинин изаһлы лүғәти». Бақы, 1966, стр. 40—41.

³⁰ В. Г. Егоров. Указ. словарь, стр. 173.

³¹ В. Д. Колесникова. К характеристике названий частей тела человека., стр. 297.

³² В. Д. Колесникова. О названиях частей тела в алтайских языках. — «Проблема общности алтайских языков». М., 1971, стр. 141—142.

³³ Там же, стр. 143.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

На наш взгляд, основу тюркского *köküz* составляют древняя корневая глагольная морфема **kō-//kū-* 'оберегать' (это, по-видимому, основа и общеалтайского *kōke-*) и аффикс отглагольного существительного *-ür:kō+ür=kōür* с первичным значением «то, что оберегается». Появление второго, то есть энентетичного *k* является результатом фонетического закона, согласно которому в тюркских словах зияние гласных не допускается. Видимо, так образовалось древнетюркское слово *köküz*, с которым связано и азербайджанское слово *köks* (*köküz*) 'грудь'.

Таким образом, можно предполагать, что образование двусложных слов — названий частей тела человека с конечным -z происходило единым путем — посредством прибавления аффикса *-yr/-ar/-ür* к глагольным корням *aγ-*, *boγ-* и *kō-* и замены *r* на *z*, что схематически может быть представлено следующим образом:

$$\begin{array}{l} a\gamma + yr \\ bo\gamma + ar \\ k\ddot{o}(k) + \ddot{u}r \end{array} \left| \begin{array}{l} -r + z \end{array} \right| \begin{array}{l} a\gamma z \\ bo\gamma z \\ k\ddot{o}k\ddot{u}z. \end{array}$$

Э. А. УМАРОВ

О «НЕИЗВЕСТНОМ» СЛОВЕ *san* 'КАЧЕСТВО'

Известно, что многие фразеологизмы сохраняют архаичные черты языка и поэтому их в известной мере можно считать «археологическим пережитком предшествующих стадий языкового развития»¹.

Наличие лексических архаизмов в составе фразеологизмов имеет большое значение для выявления исчезнувших слов и определения их значений, не зафиксированных словарями. Примером таких слов и является слово *san* в значении «качество», встречающееся как в тюркских письменных памятниках, так и в староузбекском языке:

Qafās-din tuti janlyy uŋty žany
Vužudy qaldy quruŋ tahta sanu²
'Из клетки, как попугай, вылетела его душа,
Тело его стволу сухому стало подобно'.

Sānin könlün qatyy taş mān temür žan
Qatyy-lyu-da erür ikisi bir san³
'Твое сердце — крепкий камень и железная душа,
В твердости оба они — одинаковы'.

Garči ul oj kuji iĉra itlaringni soni joq⁴
Menmudermen kim, āmon kujida itlar sonida⁵
'Хотя на улице моей красавицы собакам нет числа,
Не в качестве ли собаки и я на ее улице'.

Himmatsiz kiši ār sonida āmas ruxsiz badanni kiši tirik demas⁶
'У скупого человека нет мужского качества, тело без души — мертво'.

Uluk sonida kūr, tema tiriktur,
Kişikim joq anga jori vaŋodor⁷

'Человека, у которого нет верной возлюбленной,
Полагай в числе мертвых, не говори, что он живой'.

В последующем развитии тюркских языков, в частности узбекского, слово *san* в значении «качество» вышло из употребления в связи с тем,

¹ В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — В сб.: «А. А. Шахматов». М.—Л., 1947, стр. 339.

² A. Zajaczkowski. Najstarsza werja turecka Husrāy u Širīn Qutba. Warszawa, 1958, стр. 140.

³ Там же, стр. 224.

⁴ Алишер Навоий. Фаройиб-ус-сиғар. Тошкент, 1959, стр. 584. Этот пример в словаре к сочинениям Алишера Навои «Бадаи-ал-лугат» приводится в словарной статье под словом *санмоқ* 'число', 'счет'. См.: А. К. Боровков. Бадаи-ал-лугат, словарь Тали Имани Гератского. М., 1961, стр. 187.

⁵ Слово *sonida* поэтическим приемом *ийхом* использовано в двух значениях: 1) число, 2) качество.

⁶ Алишер Навоий. Асарлар, т. 13. Тошкент, 1966, стр. 50.

⁷ Поишоҳижа «Мифтохул-адл» ва «Гулзор» дан. Тошкент, 1962, стр. 42.

что в этом значении закрепилось персидское слово *sifat*. Например, у поэта Аваза (1865—1910) вместо ожидаемого *san* встречается *sifat*:

*Zonima lazzat, künqluma rohat berur har bir süzing,
Qoşinga kel iso sifat lutf ajlab, āj širin maqol*⁸

‘Твое каждое слово дает моему сердцу удовольствие,
душе сладость,
Приходи ко мне любезно, о, инсусоподобная, сладкоречивая’.

Однако слово *san* в тюркских языках осталось в составе нескольких устойчивых словосочетаний. В ряде тюркских словарей эти устойчивые сочетания приводятся в словарном гнезде *san* ‘количество’, хотя содержание фразеологизмов показывает, что в них употреблено слово *san* в значении «качество».

Например, интересные узбекские фразеологизмы *san tegmadi* ‘не приобрел чистоты’, ‘неаккуратный’, ‘неопрятный’, *sondan čiqdi* ‘стал грязным’, *буқв.* ‘вышел из чистоты’, в словаре не отмечены, а устойчивые сочетания *soni salmoq* ‘значение’, ‘вес’, ‘авторитет’, *soni boru salmoqi joq* ‘только номинально’, ‘только числится’ ошибочно попали в словарное гнездо *son* ‘число’ и *salmoq* ‘вес’⁹.

В аналогичном положении находятся тувинские фразеологизмы *kiži sanpunda* ‘у каждого человека’, *sandan ünep* ‘выйти (выбыть) из строя’, *буқв.* ‘выходить из числа’. Первый из них правильнее было бы переводить: «в качестве мужчины», а во втором — буквальный перевод опустить, так как слово *san* употреблено здесь в значении «качество»¹⁰. В образных киргизских сочетаниях: *kylgan iştin sany žok* ‘сделанного не видно’, ‘нет никаких результатов работы’, *sanda žok* ‘тот, кто и в счет не идет’, ‘кого и за человека-то не считают’, *san tijbeska san tijdi, tabak-tabak nan tijdi* (поговорка) ‘кому чести не было, честь досталась, блюдами хлеб достался’¹¹, *sajda sany žok* ‘великое множество’ — слово *san* употреблено не в значении «количества», а в значении «качества». Поэтому их надо было поместить в отдельном словарном гнезде *san* ‘качество’¹².

В «Туркменско-русском словаре» значение «качество» в слове *san* не отмечено, хотя в произведениях Махтумкули в этом значении оно и употребляется:

*Gaxar äjläp gelmez bolsa janypa,
Söz ajtmasa xer birinin şanypa,
Bejle är goşulmaz adam sanypa,
Iki xatyn, bir är — üç ajal bolar*¹³

‘Если не приносит (женам) жемчуг,
Если не славит каждую из них, —
Такой мужчина не воспринимается в качестве человека,
Две жены, один муж — станут тремя женщинами’.

Здесь же ошибочно устойчивые сочетания *sandan čykmak* ‘испортиться’, ‘прийти в негодность (об инструментах)’, *sana salmak* ‘исправить что-либо’, *sana geştiek* ‘иметь значение, вес, авторитет’, в составе которых сохранилось значение качества в слове *san*, приводятся в словарном гнезде *san* ‘число, номер’¹⁴. Кстати, во фразеологическом словаре

⁸ Аваз. «Девон». Ташкент, 1976, стр. 116.

⁹ «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 378.

¹⁰ «Тувинско-русский словарь». М., 1968, стр. 367; Я. Ш. Хертек. Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл, 1975, стр. 140.

¹¹ Это выражение встречается и в узбекских говорах: *son tegmasga son tegdi, tovoq-tovoq* по *tegdi* ‘неопрятный’ (*буқв.* ‘неприобретший качества’) стал чистым (*буқв.* ‘стал качественным’), (поэтому ему) много блюд хлеба досталось’.

¹² К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 631.

¹³ Махтумкулы. Ашгабад, 1959, стр. 333.

¹⁴ «Туркменско-русский словарь». М., 1968, стр. 563.

туркменского языка *sana girmek, sana geçmek, sana goşulmak, sana salmak, sandan salmak, sandan çikmak* представлены как самостоятельные фразеологизмы с приведением иллюстративных материалов из художественных произведений туркменских авторов. Из этих примеров ясно видно, что слово *saп* употреблено в них в значении «качество»¹⁵.

В следующей уйгурской пословице *tirik bolup sanda joq, ölük bolup gördä* 'ни живой, ни мертвый', слово *saп* также употреблено в значении «качество»¹⁶. Это значение сохранилось и в составе татарской пословицы: *isäpkä bar, sanga juk* 'числится, но толку от него нет'¹⁷. По-видимому, из тюркских языков только в кумыкском слово *saп* сохранилось в значении свободного сочетания, и поэтому именно в «Кумыкско-русском словаре» оно помещено в специальное словарное гнездо со значением «качество»: *tallany saп jagyn jaxşylaşdyrmak* 'улучшать качество продукции'. Но, к сожалению, и в этом словаре устойчивое сочетание *är saпны gir-mek* 'мужать', 'становиться зрелым', 'становиться мужчиной', где *saп* употреблено также в значении «качество», неправильно приводится в словарном гнезде *saп* 'член', 'часть тела', 'орган', 'часть души'¹⁸.

В свете сказанного выражение *kişilar sani bülmoq* из «Кутадгу билиг»:

Elig edläti kör jigitti seni
Bükün buldun emti kişilär sani

'Правитель заботился (о тебе), воспитывая тебя,
Поэтому ты сегодня приобрел уважение людей'¹⁹.

правильнее было бы переводить: «приобрести качества человека» и тогда логическая связь между бейтами была бы более очевидной:

'Правитель заботился (о тебе), воспитывал тебя,
(Поэтому) ты сегодня приобрел качества человека'.

В связи с этим данный пример в словаре следовало бы поместить в словарном гнезде *saп* 'качество', а не в гнезде *saп* 'почет', 'уважение'. Интересно, что похожий фразеологизм встречается несколько раз в произведениях Навои:

Nazar ajlasam aql mezoniga
Kim ölyajki kirgaj kişi soniga²⁰

'Если я посмотрю на весы ума,
Он должен приобрести вид мужчины'.

Tušub ul doyi čarx davroniğa
Kirib qırqđın süng kişi soniga²¹

'Он тоже попал в круговорот событий,
После сорока приобрел облик мужчины'.

Аналогичные ошибки встречаются и в словарях, составленных к памятникам, так, в словнике «Хисрав и Ширин» примеры на слово *saп* в значении «качество» помещены в словарном гнезде *saп* 'число'²².

¹⁵ «Туркмен дилиниң фразеологик сөзлүги». Ашгабад, 1976, стр. 303.

¹⁶ «Уйгурско-русский словарь». М., 1969, стр. 501.

¹⁷ «Татарско-русский словарь». М., 1967, стр. 467.

¹⁸ «Кумыкско-русский словарь». М., 1959, стр. 227.

¹⁹ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 483.

²⁰ Алишер Навоий. Саади Искандарий. — В кн.: «Хамса». Тошкент, 1960, стр. 673.

²¹ Там же, стр. 744. Сейчас это сочетание в современном узбекском языке употребляется в форме: *kişi sifatiga kirmoq: Ikromžon har qanča iztirob çekmasin, är kişi sifatiga хотини oldida özini dadil tutuşi, köz joşini jaşirişi, biron harakati bilan alam čekajotganini bildirib qajmasligi kerak* (С. Ахмад. Уфк. Тошкент, 1970, стр. 76) 'Икрамжон, сколько не страдает он, должен как мужчина перед женой держаться бодро, прятать слезы, каким-то своим действием не должен показывать свое страдание'.

²² A. Zajaczkowski. Указ. раб., czese III, słownik. Warszawa, 1961, стр. 152.

В словаре к произведениям Навои слово *son* определяется как персидское. Отмечается, что оно употребляется в словосочетаниях *kabi, ŭxšaš, singari* 'подобный'. Приводятся следующие примеры: *parison — pariga ŭxšaš* 'подобный пери', *devson* 'подобный диву', *sipehri bevafoşon vafosiz osmon singari* 'небоподобный, неверный'²³. По нашему мнению, в связи с контаминацией двух понятий составители словаря смешали тюркское *son* 'качество' с вошедшим в староузбекский язык из персидского *son* 'подобный'²⁴. Это подтверждается тем, что приведенные выше выражения в современном узбекском языке употребляются в новых синонимо-лексических вариантах: *pari sifat, dev sifat*. Например: *kunlardan bir kun allaqandaj sajaradan dev sifat qizil közlilar ućib kelişdi* (журнал «Гулхан», 1976, № 5, стр. 34) 'Однажды с какой-то планеты прилетели красноглазые (существа), подобные диву'.

Изложенные факты дают основание предположить, что в древнетюркский период существовало самостоятельное слово *san* в значении 'качество'. Со временем оно стало архаичным и вышло из употребления, сохранившись в тюркских языках лишь в составе устойчивых сочетаний.

Все это свидетельствует о том, что изучение фразеологизмов, в составе которых сохранились архаичные черты языка, играет большую роль в восстановлении утраченных слов, не зафиксированных словарями. В связи с этим весьма целесообразно включить в некоторые тюркские словари специальное словарное гнездо на слово *san* 'качество'.

²³ «Навойи асарлари луғати». Тошкент, 1970, стр. 569.

²⁴ См.: «Фарханги забони тоҷики». М., 1969, т. 2, стр. 260.

Р. А. АГАНИН

ТУРЕЦКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В СССР (1917—1977)

Влияние победы Великой Октябрьской социалистической революции, материальная, дипломатическая и иная помощь и поддержка, оказываемые Турции молодым Советским государством, во многом способствовали ускорению завоевания ею своей независимости. Между обоими молодыми государствами с самого начала установились дружеские дипломатические, экономические, культурные и другие контакты, что настоятельно требовало подготовки достаточного числа квалифицированных специалистов, владеющих турецким языком, а это, в свою очередь, остро ставило вопрос о подготовке кадров советских тюркологов.

Для обучения турецкому языку были необходимы, помимо учебников и соответствующих учебных пособий, также двуязычные русско-турецкие и турецко-русские словари.

Развертыванию работ по созданию новых учебников и учебных пособий способствовало принятие Турцией в 1928 году латинского алфавита. Первыми лексикографическими пособиями, составленными на основе латинской графики, явились вокабулярии к новым учебникам и другой учебной литературе по турецкому языку.

Подготовка советских специалистов проходила в период осуществления коренных политических, социально-экономических, культурных преобразований во всех областях жизни нашей страны, что непосредственно влияло на формирование новых понятий и терминов и, соответственно, новых слов и лексикализованных сочетаний в словарном составе русского языка. Значительные изменения происходили и в турецком языке. Наметилась тенденция ослабления арабского и персидского влияния на турецкий язык при активизации проникновения западной лексики и усиления роли собственно турецких слов и грамматических явлений. Эти обстоятельства потребовали от тюркологов обобщения предшествующего лексикографического опыта и разработки новых принципов составления русско-турецких и турецко-русских словарей.

В 1930 году в Турции было издано несколько толковых словарей, в заглавии которых было подчеркнуто введено слово «новый»¹, тем самым они противопоставлялись ранее выпущенным турецким словарям, составленным на основе арабской графики. Переход в Турции на латинский алфавит существенно изменил правописание слов и сказался на

¹ *Ibrahim Alâettin. Yeni türk lûgati. İstanbul, 1930; Ali Seydi. Yeni türkçe lûgat. İstanbul, 1930; Mîtat Sadullah. Resimli yeni türkçe lûgat. İstanbul, 1930; S. Muhtar. Türkçe-Fransızca yeni lûgat. İstanbul, 1930; Ragıp Rıfkı. Fransızca-Türkçe yeni küçük lûgat, Fennî istilâhlar. İstanbul, 1930.*

лексикографических принципах презентации слов и словосочетаний в словарях.

В нашей стране первый «Краткий турецко-русский словарь», составленный под руководством профессора В. А. Гордлевского², появился в 1930 году. Данный словарь обобщал учебный материал и преследовал чисто практические учебные цели, поэтому некоторые грамматические конструкции, модели, формы приведены в нем в виде самостоятельных заголовочных слов [adam başına 'на человека', altındaki 'находящийся внизу', buluvermek 'сразу найти', bakabilmek 'мочь смотреть', bırakın 'оставьте', başladığı zaman 'когда он начал', alınca 'как только (он) взял', gidelim 'пойдем-ка']. В заголовочные слова вынесены также составные глаголы с компонентом etmek и olmak (haberdar etmek 'извещать', ibaret olmak 'состоять'), лексические сочетания (amele hareketi 'рабочее движение'), слова, образованные посредством персидского изафета и включающие в качестве первого элемента арабское слово adem 'отсутствие, небытие' (ademi malûmat 'отсутствие сведений', ademi tecavüz 'ненападение'), формулы речевого этикета (извинения, благодарности, обращения, утешения и др.: gün aydın 'здравствуйте', güle güle 'счастливейший путь', allaha ısmarladık 'до свидания', affedersiniz 'простите', hamdolsun 'слава богу!', azizim 'дорогой мой', bereket versin 'хорошо, что...', eksik olma 'благодарю', hoş geldiniz 'добро пожаловать'), а также названия турецких и международных официальных учреждений (Ağır ceza mahkemesi 'уголовный суд'). Некоторые наименования продублированы и даны по модели турецкого и персидского изафетов (Akvam cemiyeti, Cemiyeti akvam 'Лига Наций'). Иногда составители словаря при переводе допускали унификацию, отождествление наименований турецких и советских административных органов, устраняя, таким образом, национальную специфику. Так, вместо турецкого Adliye vekâleti 'Министерство юстиции' или Heyeti vükelâ 'Совет Министров' в словаре дано соответственно «Комиссарнат юстиции», «Совет Комиссаров». В представленных в словнике заголовочных словах отмечено, хотя и нерегулярно, озвончение конечного согласного: adet(di) 'число', harp(bi) 'война'; выпадение в корнеслове узкого гласного: aciz(czi) 'бессилие', beniz(nzi) 'цвет лица', devir(vri) 'вращение', 'период'. В словаре не фиксировались омонимы (ср.: ekmek 'хлеб', 'сеять'; alay 'шутка', 'полк', 'процессия'; basma 'печатание', 'ситец'), отсутствует увязка между фонетическими вариантами (bahalı, rahalı 'дорогой'). Представлено также много слов и словосочетаний арабо-персидского происхождения, ныне полностью исчезнувших из словарного состава турецкого языка (agaîşimî 'всеобщее голосование', İethimeyit 'вскрытие трупа'), зафиксированы весьма редкие для турецкого языка образования с арабским словообразовательным суффиксом at, в качестве словообразующей основы которых используется турецкое по происхождению слово: gelirat 'доходы'.

Составление нового советского турецко-русского словаря³, изданного в 1931 году, было начато группой туркологов в 1927 году под руководством В. А. Гордлевского. Лексической базой для расписывания словарных карточек и составления словаря, в последствии уточненного и выверенного авторами по новым турецким орфографическим⁴ и толковым словарям, явились оригинальные турецкие тексты. Словник словаря объемом в 40 000 лексических единиц закрепил в качестве заголовочных

² «Краткий турецко-русский словарь». М., 1930. (Стеклограф.).

³ «Турецко-русский словарь». Составил Д. А. Магазаник при участии А. Б. Абдурахманова и И. В. Левина. Под ред. проф. В. А. Гордлевского. М., 1931.

⁴ «İmlâ lûgatı». İstanbul, 1928.

многие слова и словосочетания, возникшие после Великой Октябрьской социалистической революции. Впервые в словник турецко-русского словаря были включены слова и сочетания типа: *inkılâpçı* 'революционер', 'революционный', *komünist* 'коммунист', *komünist fırkası* 'коммунистическая партия', *Kızıl Ordu* 'Красная Армия', *leninizm* 'ленинизм', *sovyet* 'советы', *kollektifleştirmek* 'коллективизировать', *millileştirmek* 'национализировать', *sanayileştirmek* 'индустриализировать'. В словарь вошли также слова, связанные с социально-политическими, экономическими, административными и культурными преобразованиями, осуществленными в Турции под влиянием буржуазной кемалистской революции (*Büyük millet meclisi* 'Великое национальное собрание', *halk fırkası* 'народная (кемалистская) партия', *Anadolu Ajansı* 'Анатолийское (телеграфное) агентство', *istiklâl harbî* 'война за независимость' и др.). В заголовочные были выделены отдельные страноведческие слова, характеризующие быт, культуру, традиции, нравы турецкого народа [*göbektaş* 'высокая мраморная скамья (посреди бани)'], *falaka* 'орудие наказания в Османской Турции', *giriş çıkış* 'род детской игры', *fecirî atıcı* 'член литературного общества «Грядущая заря»' и др. Словарь составлен по алфавитному принципу; названия зарубежных стран, городов, национальностей, исторических эпох включены в корпус словаря. К словарю приложены списки *вилайетов* и *каза* Турции, а также некоторых наиболее употребительных турецких сокращений. В заголовочных словах, включенных в словник, так же как и в географических наименованиях, вынесенных за корпус словаря, проставлены знаки ударения для случаев, нетипичных с точки зрения норм современной турецкой акцентологии (*ablûka* 'блокада', *asánta* 'агент', *Társus* 'Тарсус', *Amâsya* 'Амасия'). В ряде слов отмечены главное и второстепенное ударения (*sûikâst* 'злой умысел', *sûiharekêt* 'дурное поведение'). В словаре учтен богатый лексикографический опыт по составлению новых советских двуязычных и толковых словарей, равно как и усовершенствованные принципы разработки словарной статьи и презентации в словнике заголовочного слова; использованы знаки: тильда, круглые скобки, звездочка, двоеточие, римские и арабские цифры для дифференциации значений и омонимов. В списке сокращений, принятых в словаре, представлена подробная система помет, информирующая читателя об источнике заимствования заголовочного слова, его диахронической характеристике, области функционирования, соотносительности слова с определенной частью речи и т. д. Словарь включает большое число арабских и персидских слов, широко бытовавших в турецком языке. Однако для турецкого языка этого периода было характерным и активное использование арабо-персидских грамматических элементов для выражения необходимой лексико-грамматической формы слова. Именно эти обстоятельства предопределили необходимость включения таких слов в словник и разработки соответствующей системы помет. Поэтому в списке помет встречаются такие, как *жен.* (женский род), *дв.* (арабское двойственное число), *мн.* (множественное число), *ср.-пр.* (сравнительно-превосходная степень арабского языка). Как правило, такие формы слова увязаны между собой системой отсылочных помет: *abidat a мн. см. abide*; *apas:r a мн. см. unsur*; *azize a жен. см. aziz*. Здесь интересно отметить образование с арабским суффиксом множественного числа *at* от исконно турецкого слова *ağa*: *agavat мн. см. ağa*.

Значительная работа была проделана Д. А. Магазаником по определению принципов лексикографической презентации заголовочного слова и организации словарной статьи. Так, в словаре указаны изменения конечного согласного в интервокале: озвончение [*basak(ğ)* 'нога', *aş(c)*

‘голодный’], восстановление звонкого коренного согласного [kitap(bı) ‘книга’, mektep(bi) ‘школа’, mektup(bu) ‘письмо’], восстановление удвоенного согласного [his(ssi) ‘чувство’, hat(tti) ‘линия’, hak(kkı) ‘право’], выпадение узкого гласного в двусложных словах [izin(zni) ‘разрешение’, nabız(bzi) ‘пульс’, beniz(nzi) ‘лицо’]. Наряду с этим автор словаря особо отметил и те случаи, когда, вопреки привычным нормам озвончения конечного согласного, в интервокале в некоторых словах подобная фонетическая трансформация не происходит: [ahlâk(kı) ‘мораль’, itriyat(tı) ‘благовония’, inhimak(ki) ‘усердие’]. Читатель предупрежден о случаях нарушения турецкого сингармонизма в заимствованных словах, о смягчении конечных согласных [saat(tı) ‘часы’, fiat(tı) ‘цена’, meşgul(lü) ‘занятый’]. В заголовочных словах зарегистрирована дифференциация формы арабского относительного прилагательного, которая в зависимости от характера конечного звука может быть представлена суффиксами *î* или *vî*: *s paî* ‘промышленный’, *meslekî* ‘профессиональный’, *ailevî* ‘семейный’, *senevî* ‘годовой’. Не осталась не отраженной единичная и весьма специфическая форма принадлежности в слове *su(yu)* ‘вода’. Отмечено специальным знаком произношение некоторых арабских слов (*kat’î* ‘категорический’, *mes’ele* ‘проблема’, *an’ane* ‘традиция’). Однако в силу наметившейся тенденции приближения произношения подобных слов к турецкой орфоэпической норме в словаре отмечены отдельные случаи и другой транслитерации подобных слов (*mesele*).

Составные глаголы с компонентом *etmek* или *olmak* находятся внутри словарной статьи (*yardım* ‘помощь’; ~ *etmek* ‘помогать’; *tıraş* ‘бритьё’; ~ *olmak* ‘бриться’; ~ *etmek* ‘брить’). Односложные составные глаголы, а также глаголы, в которых происходит фонетическая трансформация именного компонента, как то: выпадение узкого гласного (*aksetmek* ‘отражать’), удвоение конечного согласного (*affetmek* ‘прощать’), выделены в самостоятельные заголовочные слова. Успех словаря объясняется также разработкой четких принципов выделения значений слова, включения иллюстративного материала как вспомогательного средства раскрытия значения, а также использования, хотя и не систематически, в словарной статье фразеологических единиц. В словаре впервые намечены принципы выделения омонимов (*atlas I geog.* ‘атлас’; *atlas II* ‘атлас (материя)’; *pağ I* ‘огонь’, *pağ II* ‘гранат’). Также впервые в советской лексикографической практике при составлении двуязычных турецко-русских словарей для дифференциации значения слова и определения падежного управления используются, хотя и нерегулярно, пометы: *soğmak 1)* (с дат.) ‘спрашивать, задавать вопрос кому-л.’; *2)* (с исх.) ‘расспрашивать кого-л.’, ‘выспрашивать у кого-л.’; *3)* (с вин.) ‘справляться, осведомляться о ком-л.’. В словаре выявлены и объединены отсылочными пометами фонетические варианты заголовочного слова (*soğuk см. soğuk* ‘холод’, *pağış см. pağış* ‘вышивание’). Иногда они приводятся в одном заголовочном слове (*pekahat, pekahet* ‘слабость’; ‘выздоровление’).

Словарь включает лексику различных сфер функционирования языка, в словнике широко представлены бытовая, общественно-политическая, дипломатическая, страноведческая лексика и определенное число специальных терминов, архаизмов, историзмов, диалектизмов.

Второе, переработанное издание турецко-русского словаря, составленного Д. А. Магазаником, вышло в 1945 году вновь под редакцией В. А. Гордлевского⁵. Словник нового издания словаря, включающий так-

⁵ «Турецко-русский словарь». Составил Д. А. Магазаник. Под ред. члена-корр. АН СССР проф. В. А. Гордлевского. М., 1945.

же 40 000 слов и выражений, по сравнению с предыдущим претерпел существенные изменения: был приближен к современному состоянию языка. Из словаря было исключено большое число архаической лексики, историзмов, слов с арабскими словообразовательными и формообразующими элементами, значительно меньше было представлено сложных слов, соотносительных с персидским изафетом; они в ряде случаев были заменены турецкими конструкциями, образованными посредством турецкого изафета. Увеличилось число собственно турецких слов, неологизмов и слов западного происхождения. Получили отражение и изменения, происшедшие в турецкой орфографии, в правописании слов, уточнены их словарные формы (ср.: *aldırmak* — 1-е изд. и *aldırmamak* — 2-е изд.), выверены их значения. Более точными стали лексикографические принципы семантизации заголовочного слова. Полнее представлены фразеологизмы, приведены примеры словоупотребления. Увеличились примеры глагольного управления [*kanı olmak* (дат.), *ısrag etmek* (местн.)], являющиеся иногда средством дифференциации значения заголовочного слова. Правда, последнее, как и в первом издании, в словаре реализовалось не совсем последовательно, что является, пожалуй, его наиболее существенным недостатком. По-новому была разработана система презентации устойчивых сочетаний, показана в ряде случаев парадигматическая форма фразеологизма, помогающая читателю правильно вводить его в речь. Все фразеологизмы вынесены за ромб и не увязаны таким образом с отдельным значением заголовочного слова. В виде приложения дан краткий список сокращений, принятых в Турции, а также перечень словообразовательных аффиксов, бытующих в турецком языке как в составе заимствованных, так и собственно турецких слов. В отличие от предыдущего издания, названия *каза* и *вилайетов* Турции не выделены отдельно. В словаре значительно полнее представлены слова и словосочетания, отражающие советскую действительность, расширен иллюстративный материал соответствующей тематики (*kolhoz* 'колхоз', *sovhoz* 'совхоз', *leninist* 'ленинец', 'ленинский'; *Milletler Sovyeti* 'Совет Национальностей'; *stahanovcu*, *stahanovist* 'стахановец'). В заглавное слово вынесено имя вождя коммунистической партии и основателя первого в мире социалистического государства В. И. Ленина. В словаре получили отражение и многие реалии Турции (*İstiklâl marşı* 'Гимн Турецкой республики', *Çankaya* 'резиденция президента Турции в Анкаре', *İş bankası* 'Деловой банк'), новые названия административного деления: *il*, *ilçe*.

Во втором издании все составные глаголы с компонентом *etmek* или *olmak* составляют самостоятельное заголовочное слово, хотя следует отметить, что не все подобные образования соотносятся со словом (ср.: *kambur olmak* 'стать горбатым', *kıymızı olmak* 'краснеть')⁶.

Первым русско-турецким словарем, широко используемым при изучении турецкого языка в вузах нашей страны, явился словарь, составленный в 1939 году студентами Института востоковедения под редакцией И. В. Левина, общим объемом около 8 000 слов⁷. Несколько лет спустя, в годы Великой Отечественной войны, был издан русско-турецкий словарь⁸, составленный Д. А. Магазаником и М. С. Михайловым, общим

⁶ Подробнее об этом см.: Р. А. Аганин. Лексико-грамматическая природа турецких составных глаголов и принципы их отражения в словарях. — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 60, М., 1962, стр. 64—78.

⁷ «Русско-турецкий словарь». М., 1939.

⁸ Д. А. Магазаник и М. С. Михайлов. Русско-турецкий словарь. М., 1943.

объемом 40 000 слов. В словаре над каждым русским словом проставлено ударение. В заглавное слово вынесены простые, сложные, сложно-сокращенные (*колдоговор, госпромышленность, партдисциплина*) слова, аббревиатуры (ЦК, СНК, ВЧК), а также имена собственные, соотносительные с географическими наименованиями, названиями союзных и автономных республик. Составители стремились наиболее полно отразить эпоху и типичные для нее слова и словосочетания (*ленинец, ударник, стахановец, передовик, рационализатор, трудодень, пятилетка*), политико-воспитательную, организационную работу, формы политической учебы (*политкружок, политучеба, агитатор, агитпроп, партрabота, партсобрание, партактив, профшкола, профуполномоченный*), политические, общественные, государственные, массовые организации нашей страны (*ВКП(б), Совнарком, ВЦИК, ВЦСПС, ВЛКСМ, Верховный Совет, Совет Национальностей, Совет Союза, Исполнительный комитет, ревком, Комитет по делам искусств, Совинформбюро*), зафиксировать специфические военные слова и термины (*РККА, комбриг, комдив, комкор, командарм, Балтфлот*), закрепить слова, характеризующие условия быта, культурного досуга трудящихся (*дом отдыха, санаторий, детские ясли, клуб, кинопередвижка, соцстрах, граммофон, патефон*), новые понятия, явления, институты, новые образцы промышленной продукции, транспорта и т. д. (*коллективизация, индустриализация, механизация, ремесленная школа, машинно-тракторная станция, метро, троллейбус, эскалатор, пылесос*). В словаре отмечены названия специфических русских блюд, музыкальных инструментов (*щи, борщ, квас, кисель, балалайка*), включены некоторые слова, возникшие в первые годы Советской власти и ставшие ныне историзмами (*Реввоенсовет, ревтрибунал, КИМ, МОПР*). Составители привели немало слов, отражающих и реалии Турции, в том числе и отдельные архаизмы (*кемализм, ашар, анатолиец*).

Для раскрытия и уточнения значения заголовочного многозначного слова в словаре используются внутрискобочные лексические эквиваленты: **милость** 1 (благоволение); 2 (благодаяние); 3 (милосердие); **миновать** 1 (проехать, пройти); 2 (избежать); 3 (окончиться).

Проделана определенная работа по выделению омонимов: **брак I; брак II; мир I; мир II; почка I; почка II**.

Второе фототипическое издание русско-турецкого словаря было осуществлено в 1946 году⁹.

Растущие экономические, торговые отношения и техническое сотрудничество между Советским Союзом и Турцией сделали необходимым подготовку и издание некоторых русско-турецких отраслевых словарей.

Так, в 1936 году в СССР был подготовлен и издан «Русско-турецкий текстильный словарь»¹⁰, включавший более 4 000 терминов, относящихся к текстильной и смежным с нею отраслям промышленности. Некоторые термины, помимо словесного обозначения, в этом словаре дублировались соответствующими формулами: **сероводород** — *kükürtlü idrojen H₂S*. Иногда раскрытие значения заголовочного слова не ограничивалось подачей турецкого эквивалента, а сопровождалось также и толкованием: **аккумулятор** — *akümülatör*; *elektrik kudretini biriktirip lüzumunda cereyan şeklinde iade eden cihaz*; **катион** — *katyon*; *elektroliz esnasında menfi kutba hicret eden iyon*. В очень небольшом количестве в словаре приведены и нетерминологические общеупотребительные слова типа *лето, снег, молоко, ива*.

⁹ Д. А. Магазаник и М. С. Михайлов. Русско-турецкий словарь. М., 1946.

¹⁰ «Русско-турецкий текстильный словарь». Составили И. В. Левин и А. Н. Николов с участием А. А. Федосова под общей редакцией А. Трабуна. М., 1936.

В 1957 году вышел «Краткий турецко-русский и русско-турецкий внешнеторговый словарь»¹¹ (7 000 слов), в котором представлена наиболее важная торговая, финансовая, юридическая и коммерческая лексика. Словарь был снабжен фразеологическими сочетаниями, выражениями, наименованиями внешнеторговых учреждений и объединений (*вексель на предъявителя, стоять в карантине, двойное страхование, министр экономики и торговли Турции, Министерство внешней торговли СССР*). Поскольку во внешнеторговых операциях широко употребляются специфические международные термины, наряду с переводом заголовочного слова приводился и их иностранный эквивалент. Последнее особенно характерно для русско-турецкой части словаря [*со склада* — *ex warehouse* (англ.), *большая скорость* — *grande vitesse* (фр.), *по среднему качеству* — *fair average* (англ.)]. В словаре нашли отражение и некоторые турецкие новообразования, ныне прочно закрепившиеся в языке (*tasarı* 'проект', *tutanak* 'протокол').

В середине 30-х годов перед советскими лингвистами стояла задача лексикографически закрепить неологизмы, появившиеся в словарном составе турецкого языка в связи с туркизацией арабских и персидских заимствованных слов. Д. А. Магазаник, которого по праву можно назвать пионером советской туркологической школы лексикографов, и М. С. Михайлов в 1935 году совместно составили первый словарь турецких неологизмов¹².

Систематизация и лексикографическая обработка неологизмов осложнялась тем, что в самой Турции многие новообразования в этот период еще не получили достаточной языковой апробации, ибо не имели устойчивого значения и даже формы. По утверждению составителей, например, ныне утвердившееся слово *uçak* в годы подготовки словаря в одних источниках рекомендовалось в значении «самолет», в других — в значении «аэродром».

Словарь включал около 1 500 новых слов. В некоторых словарных статьях значение заголовочного слова раскрывалось не только подстановкой русского лексического эквивалента, но и богатым иллюстративным материалом: *ödev* 'долг, обязанность'; ~ *i bağışmak* 'исполнить долг'; ~ *saymak* 'считать долгом'; *üstümüze düşen* ~ 'обязанность, которая выпала на нашу долю'; ~ *uarmak* 'исполнить долг'.

Следует отметить, что многие новообразования, воспринимавшиеся в то время с трудом из-за их определенной искусственности, в дальнейшем прочно закрепились в языке, в устной и письменной речи (*aday* 'кандидат', *anıt* 'памятник', *antlaşma* 'договор', *okul* 'школа', *bakan* 'министр').

Словарный состав турецкого языка стал особенно интенсивно обогащаться неологизмами в конце 50-х годов. На страницы прессы и самых различных изданий обильно хлынули новые слова и словосочетания. Развернулась кампания по переизданию многих произведений литературы 30-х и 40-х годов с целью замены старых слов новыми. В этих условиях, естественно, чтение и перевод новейшей литературы стали затруднительными без специальной подготовки и соответствующих лексикографических пособий.

¹¹ Б. Н. Ибрагимова. Краткий турецко-русский и русско-турецкий внешнеторговый словарь. М., 1957. Рец. см.: Р. А. Аганин. Турецко-русский и русско-турецкий внешнеторговый словарь. — «Внешняя торговля», 1958, № 6.

¹² Д. А. Магазаник и М. С. Михайлов. Словарь турецких неологизмов. М., 1935. (Стеклограф.)

В 1971 году был издан «Турецко-русский словарь новых слов и словосочетаний», включавший свыше 4 000 лексических единиц¹³. Значения турецкого заголовочного слова раскрываются в нем русскими эквивалентами и бытующими в турецком языке арабским или персидским синонимами.

Словарные статьи в словаре разработаны достаточно подробно и снабжены иллюстративным материалом, способствующим раскрытию значения заголовочного слова. Терминологическая лексика снабжена системой помет: eşlik 'сопровождение' (муз.), eşlenik 'тождественный' (мат.), özne 'подлежащее' (грамм.), öznelcilik 'субъективизм' (философ.). В словаре выделены омонимы: özden I 'искренний'; özden II 'поджелудочная железа'; erim I 'предельная досягаемость'; erim II 'знамение'. В конце словаря приведен индекс арабских и персидских слов, а также их производных наряду с новообразованиями, что облегчает нахождение необходимого неологизма через известное арабское или персидское слово.

Одним из важных направлений лексикографической деятельности советских туркологов явилась разработка терминологических словарей. Помимо уже упоминавшихся выше двух отраслевых словарей, была издана серия двуязычных военных русско-турецких и турецко-русских словарей. Первый в нашей стране «Краткий русско-турецкий военный словарь»¹⁴, содержащий более 1 200 слов, выражений и формул военной команды, был составлен Д. А. Магазаником. Отличительной особенностью двуязычного терминологического военного словаря, так же, впрочем, как и текстильного и внешнеторгового, являлось включение в словник не только отдельных слов и терминов, но и различных типов лексикализовавшихся сочетаний — клише, штампов, сложных наименований (*Красная Армия, Народный Комиссариат Обороны, начальник Генерального штаба, Комитет по невмешательству, ставить ружья в козлы, корректирование артиллерийского огня*). При раскрытии значения заголовочного слова Д. А. Магазаником были использованы как отдельные неологизмы, так и архаизмы. В 1938 году под редакцией В. А. Гордлевского был издан «Военный русско-турецкий словарь»¹⁵ объемом в 9 000 слов и терминов. Составитель словаря П. С. Бочкарев в 1940¹⁶ и в 1942 годах¹⁷ подготовил второе и третье издания этого словаря, расширив начальный вариант за счет добавления турецко-русского словаря. Несмотря на то, что все три издания именуются краткими, они в основном охватывают все отрасли военного дела. В них даны отдельные общеупотребительные слова и не относящиеся к военной лексике: *кофе, кочевник, кран, мороз, чай*. Зафиксировано также много спортивных терминов. Немалое место занимают в словаре слова и словосочетания, отражающие реалии советской жизни (*коммунист, комсомол, социализм, колхоз, стахановское движение*). В словник включены как отдельные слова, так и целые сочетания, например: *Коммунистический интернационал, диктатура пролетариата, Союз Советских Социалистических Республик*. Самостоятельное заголовочное слово представляют сочетания типа: *поставить в известность, потерять убитыми, поставить рекорд*. Ус-

¹³ А. А. Федосов. Турецко-русский словарь новых слов и словосочетаний. Под ред. М. Х. Зиннатуллина. М., 1971. (Ротапринт)

¹⁴ Д. А. Магазаник. Краткий русско-турецкий военный словарь. М., 1937. (Стеклограф.)

¹⁵ П. С. Бочкарев. Военный русско-турецкий словарь. М., 1938.

¹⁶ П. С. Бочкарев. Военный турецко-русский и русско-турецкий словарь. М., 1940.

¹⁷ П. С. Бочкарев. Военный турецко-русский и русско-турецкий словарь. М., 1942.

тойчивые сочетания включаются в словник по доминанте. Поэтому, в нарушение обычного порядка слов, атрибутивные словосочетания вынесены в заголовочное слово по второму компоненту — определяемому. Так, например, известные сочетания: *военный комиссариат, премьер-министр, командный пост* — разыскиваются по определяемым — *комиссариат, министр, пост: комиссариат военный, министр премьер, пост командный, училище авиационное, атташе военный*.

В последних двух изданиях (1940 и 1942) в качестве приложения даны списки сокращений, принятых в Турции. Названия народов, стран, рек, морей, океанов во всех указанных военных словарях даны в корпусе словаря. В словарях встречается определенное число турецких историзмов: *sihat* 'война за веру', *cerdesi* 'арабы, вооруженные копьями, охранявшие паломников по пути в Мекку', *Büyük taaruz* 'Великое наступление' (генеральное сражение турецкой армии 30 августа 1922 года с греческой оккупационной армией), *Fatih* 'Завоеватель' (прозвище султана Мехмеда II, завоевавшего Константинополь в 1453 году), *itilâf kuvvetleri* 'союзные силы' (оккупационные войска Антанты в Турции), лексических архаизмов: *salibiahmer* 'Красный Крест', *Hilâliahmer* 'Красный Полумесяц', *Semahiri müttchide* 'Соединенные Штаты Америки', *salipçiler* 'крестоносцы'.

В 1956 году был издан военный турецко-русский словарь общим объемом в 18 000 слов и терминов¹⁸. Словарь расширен за счет включения новых слов, а также значительного увеличения словарных статей. В словаре кардинально изменен принцип выделения заголовочного слова. В отличие от предыдущих военных словарей, где любое сочетание слов могло быть выделено как заголовочное, в рассматриваемом пособии в составе сочетаний, выражений, наименований, формул приветствия, военной команды и т. д. выделяется доминанта, составляющая заголовочное слово. Так, в словаре сочетания *büyük mola*, *uzun mola* 'большой привал', *ilk mola* 'привал для осмотра и подгонки снаряжения', *kısa mola*, *küçük mola* 'малый привал', *ögle molası*, *yemek molası* 'обеденный привал', *mola uyarıak* 'делать привал' — даны внутри словарной статьи заголовочного слова *mola* 'привал', тогда как в предыдущих изданиях (1938, 1940 и 1942) все они были разбросаны по словарю и каждый из них являлся самостоятельным заголовочным словом. Схема расположения материала в данном словаре способствует компактности и удобству пользования. Несомненный интерес вызывает тематическое объединение лексического материала, представленного в шести приложениях. Подобная презентация слов в сущности перебрасывает мостик от пассивного типа словаря, призванного лишь объяснять неизвестное читателю слово, к активному, способствующему формированию устной или письменной речи. В приложениях объединены списки географических названий, включающих наименования стран, городов, континентов, вилайетов, гор, рек, островов, союзных республик Советского Союза. Отдельное приложение посвящено сокращениям, принятым в турецкой военной литературе и официальных военных документах. Оправданным представляется объединение в одном приложении списка чинов турецкой армии и военно-морского флота в сопоставлении с воинскими званиями Советских Вооруженных Сил. В приложениях 4 и 5 приводятся турецкие команды, сигналы и специфические единицы измерения: *buğday* 'бугдай' (0,06 г), *dirhem* 'дирхем' (3,12 г), *endaze* 'локоть' (0,65 м), *kulaç* 'кулач' (1,85 см). В последнем шестом приложении отмечены наиболее употребительные в

¹⁸ П. С. Бочкарев, Л. П. Бочкарев. Краткий турецко-русский военный словарь. М., 1956.

военной литературе термины, данные в синонимическом сопоставлении нового термина со старым и, наоборот, старого термина с новым.

В 1968 году вышел в свет новый значительно расширенный турецко-русский военный словарь¹⁹. Он содержит около 20 000 терминов и фразеологических сочетаний. Словарные статьи разработаны более подробно, в заголовочных словах зафиксированы дополнительные значения. Впервые даны такие слова и сочетания, как *supî peyk* 'космический спутник', *feza(uzay) adamı* 'космонавт', *mahrek, yörünge* 'орбита', *yörüngeye oturtmak* 'выводить на орбиту', *gezegenlerarası istasyon* 'межпланетная станция', *silâh yarışı* 'гонка вооружений', *tam silâhsızlanma* 'полное разоружение' и др.

Новым в практике составления турецких словарей явилось включение в словник некоторых слов в форме множественного числа (наряду с формой единственного числа): *kuvvet* 'сила', *kuvvetler* 'силы, войска'; *kıta* 'часть, подразделение'; *kıtalar* 'части, подразделения'. В целом же данный словарь по методике организации материала, структуре статей, принципам описания слова, семантизации заголовочного слова не отличается от предыдущих изданий.

В 1939 году Д. А. Магазаником был подготовлен для студентов, изучающих турецкий язык, «Краткий русско-турецкий словарь географических названий»²⁰. В пособии представлены основные названия географических объектов земного шара. Кроме того, в словарь включены названия союзных и автономных республик СССР.

За последние десятилетия значительно изменилась политическая карта мира, образовались новые независимые государства и в результате этого возникли новые географические и этнические названия. Подготовка специалистов-туркологов требовала учесть все эти изменения, что повлекло за собой необходимость составления нового турецкого словаря-списка географических названий. В 1971 году А. З. Трофимовым в учебных целях была проделана эта работа²¹. В первом разделе пособия представлены названия стран, столиц, крупнейших городов Европы, а также озер, рек, морей, океанов, проливов, заливов, планет, созвездий, морских течений. Второй раздел целиком посвящен Турции: в нем приводятся сведения об основных географических объектах страны. В следующем разделе даются названия законодательных и высших судебных органов, министерств, газет, политических партий и высших учебных заведений Турции. Данное издание, несомненно, является полезным справочным пособием. Однако оно не лишено и некоторых недостатков. В параграф, озаглавленный «Крупнейшие города Европы», не совсем оправданно включены, например, такие города, как Чита, Иркутск, Владивосток, Улан-Удэ. Зарубежные географические названия, бытующие в современном турецком языке, даны, как правило, в орфографии языка-оригинала, сочетания гласных или согласных в них не типичны для турецкого языка, что приводит к неправильному их прочтению. Чтобы избежать этого, следовало рядом с зарубежными географическими названиями дать в скобках их турецкую транскрипцию: **Bordeaux** (Bordo), **Manchester** (Mançester). В географических названиях следовало проставить и знак ударения.

¹⁹ Б. М. Хохлов. Турецко-русский военный словарь. М., 1968.

²⁰ Д. А. Магазаник. Краткий русско-турецкий словарь географических названий. М., 1939. (Стеклограф.)

²¹ «Список географических названий и наименований официальных государственных учреждений, ведомств и общественных организаций Турции». М., 1971.

Развитие советско-турецких культурных связей способствовало появлению серии разговорников и карманных словарей.

Одним из направлений турецкой лексикографии в СССР явилось составление разговорников как общего типа, включающих основную обиходную лексику, так и специальных, с узко ограниченной, целенаправленной тематикой. Первый разговорник был издан в 1941 году²². Он включает тринадцать тем и приложения, в которых даны русско-турецкие эквиваленты количественных, порядковых числительных, дробей, мер длины, веса, а также названий месяцев, времен года, дней недели. В 1960 году вышел в свет «Русско-турецкий разговорник» общего типа²³, составленный Г. В. Савиным, где каждая тема разбита на соответствующие подтемы. Так, например, тема «Путешествие» имеет подтемы: «Агентство», «Турист», «Паспорт», «Виза», «Родина», «Дорога», «Паром», «Путеводитель», «Карта», «Расписание», «Погода», «Реки», «Море», «Пролив», «Горы», «Экскурсия», «Граница». Для удобства пользования разговорником приведен перечень русских заголовочных слов с указанием страницы или страниц, где они встречаются. При каждом заголовочном слове, помимо турецкого эквивалента, дана и его русская транскрипция. В разговорнике даются краткие сведения о произношении турецких звуков и особенностях турецкого ударения. В разговорнике содержится и необходимый страноведческий материал, многие предлагаемые образцы вопросов, высказываний увязаны с конкретными реалиями Турции.

К сожалению, в разговорнике имеются и некоторые ошибки. Например, вследствие отождествления вспомогательного глагола *etmek* со знаменательным *уартак* 'делать' составитель предлагает неверное построение турецкого предложения: *Lütfen, parmağımı (elim, ayağımı, başımı, boynumu, kalçamı, omuzumu) sargı uyarınız* (стр. 193) 'Перевяжите мне, пожалуйста, палец (руку, ногу, голову, шею, бедро, плечо)'. В связи с тем, что в сочетании *sargı uyarınız* каждый компонент сохранил свою лексико-грамматическую самостоятельность, дополнение, то есть предмет, на который направлено действие, должно быть оформлено дательным падежом, а не винительным, как предлагает составитель. Кстати, в этом предложении допущена и вторая ошибка. В словах типа *boyn* при наращении аффиксов принадлежности или падежа происходит выпадение узкого гласного во втором слоге: *boynuma*. В турецких предложениях типа: «Покупать в магазине», «Где покупать?» используется исходный падеж, а не местный, как указано в разговорнике: *Nerede bir kravat alabilirim* (стр. 178), *Bir nargile (çakmak başı) nerede alabilirim* (стр. 186). Имеются грамматически неверные переводы: «Где хранятся экспонаты древнего искусства?» — *Eski sanat eserlerini nerede toplanmıştır* (стр. 156). «Куда ведет это шоссе?» — *Bu şose nereye gidilir* (стр. 44). При составлении образцов вопросов, высказываний не учтены специфические, выпадающие из общей модели построения. Поэтому, например, в перечне русских предложений «Поезд отходит в четыре десять / в четыре тридцать / без десяти пять» (стр. 226) следовало дать и выражение «в половине первого», поскольку оно нетипично при построении аналогичных предложений (*saat yarımda*).

«Турецко-русский разговорник»²⁴ был издан в 1967 году. В нем отсутствуют введение, оглавление, не приведены грамматические сведения,

²² «Русско-турецкий военный разговорник». М., 1941.

²³ «Русско-турецкий разговорник». М., 1960.

²⁴ «Турецко-русский разговорник». Составители: В. П. Арабаджи, С. С. Манькина, А. А. Федосов. Ответственный редактор А. А. Федосов. М., 1967.

русский алфавит. Разговорник включает сорок разделов-тем, каждый из которых состоит из набора употребительных моделей предложений, высказываний на турецком языке с их переводами на русский язык и транслитерацией русских микротекстов буквами турецкого алфавита. Вслед за моделями предложений в каждом разделе приводится список слов и сочетаний, тематически взаимосвязанных. Эти слова также снабжены переводом и транслитерацией русского слова турецкими буквами. Чтобы выразить мягкость произношения русского звука, составители используют особый знак ('): *taahhütlü mektup* 'заказное письмо' *zakaznoye piş'mo*. Многие типичные модели вопросов и предложений увязаны с названиями конкретных исторических, культурных, спортивных учреждений столицы и страны. К числу пробелов разговорника следует отнести отсутствие четкой системы расположения материала внутри разделов, вследствие чего, например, в разделе «Овощи и фрукты» (стр. 170) оказались: «булочная», «кондитерская», «черный (белый) хлеб», «бекон», «сосиски» и т. д. То же относится и к разделу «Табачный киоск» (стр. 191), где приводятся: «отдел тканей», «отдел обуви», «отдел белья» и т. д. В словнике отсутствует весьма частотное слово *gesital* 'концерт-соло' в отличие от *konser* 'концерт'. Не все включенные в разговорник фразы приближены к конкретным условиям и реалиям страны. Например, наряду с общими предложениями о концертном зале можно было бы дать предложения с использованием таких названий, как «Концертный зал имени Чайковского», «Большой (Малый) зал консерватории», «Колонный зал Дома Союзов» и т. д.; вместо «Как проехать к аэродрому?» можно было конкретизировать: «Как проехать на Шереметьевский (Внуковский) аэродром?», «Где находится Большой (Малый) театр?» и т. п., вместо «Сколько раз в неделю совершаются регулярные рейсы из Ленинграда в Мурманск?» лучше было «... из Одессы в Стамбул» и т. д. Нельзя согласиться с переводом турецкого предложения *Ne süratle uçuyoguz* 'На какой высоте мы находимся?' (стр. 135), тогда как следовало перевести «С какой скоростью мы летим?».

В 1968 году в серии карманных словарей появился первый турецко-русский словарь²⁵ объемом в 6 000 слов. Позже в этой же серии вышел в свет русско-турецкий словарь (11 000 слов)²⁶. В обоих словарях содержатся наиболее употребительные слова современного литературного языка, типичные обороты речи и устойчивые словосочетания, часто употребляемые в быту, путешествии, при посещении культурных, научных учреждений и спортивных мероприятий. В словарях даны наиболее характерные выражения и формулы благодарности, приветствия, извинения. Составители учли характер лексических изменений, происшедших в современном турецком языке, и исключили многие устаревшие слова, более полно отразили новообразования.

Наконец, в 1977 году в этой серии был выпущен «Краткий турецко-русский словарь»²⁷ объемом в 8 400 слов, составленный в соответствии с требованиями программ вузов и включающий основную лексику, отражающую явления общественно-политической и экономической жизни, быта, культуры, спорта. Словарь составлен с учетом возможности использования его турками при изучении русского языка, поэтому русские эквиваленты турецких слов снабжены пометами, указывающими на род

²⁵ Р. А. Аганин. Карманный турецко-русский словарь. Под редакцией В. Г. Щербина. М., 1968.

²⁶ В. Г. Щербинин, Э. М.-Э. Мустафаев. Карманный русско-турецкий словарь. М., 1975.

²⁷ В. Г. Щербинин. Краткий турецко-русский словарь. М., 1977.

(имена существительные), глагольное управление. В заромбовой части приводятся фразеологизмы, пословицы, поговорки. Впервые в практике составления турецких словарей использован гнездовой принцип размещения однокорневых слов в сочетании с алфавитным. Такое сочетание разных принципов размещения слова привело в ряде случаев к нарушению реальной словообразовательной системы, последовательности словообразовательной цепи, к неверному, порой, выделению производящей и производной основы. Так, слова *hükmen* (к тому же ограниченное спортивным значением) 'по решению судей' и *hüküm* 'решение, приговор' вынесены в отдельные заголовочные слова, а составной глагол *hükmetmek* 'решить, заключить' оказался включенным в заголовочное слово *hükmen*, а не *hüküm*. То же можно сказать о производных словах *keyî* 'самовольный', *keyîye* 'обстоятельство'; 'качество', включенных в словарную статью заголовочного составного слова *keyfetmek* 'развлекаться, веселиться', а не *keyif* 'настроение', представляющее самостоятельное заголовочное слово. Вызывает возражение включение залоговых форм в словник или словарную статью в тех случаях, когда это не связано со словообразованием²⁸ (*hissedilmek* 'чувствоваться', *hissettirmek* 'дать знать'). Нельзя было включать в одну словарную статью такие слова, как *badem* 'миндаль' и *bademcik* 'миндалина (анатомическая)', ибо это разные слова.

Через двадцать шесть лет после выхода в свет первого русско-турецкого словаря был издан новый, более полный русско-турецкий словарь²⁹. Он значительно превосходит предыдущий по объему отобранной лексики (47 700 слов), фразеологии, по числу пословиц и поговорок. Представлено значительное количество научно-технической терминологии. При подборе турецких эквивалентов учтено устаревание значительного числа арабских и персидских заимствований наряду с упрочением позиций новообразований, созданных Турецким лингвистическим обществом. Раскрытию значения русского заголовочного слова служит система внутрискобочных помет: [**Закливание** 1 (действие); 2 (словесная формула); 3 (мольба, просьба); **Набор** 1 (прием); (в армию); 2 полигр.; 3 (комплект)], а также большой иллюстративный материал. Подробно и качественно разработаны в словаре русские предлоги, наречия и междометия.

Определенное место в словаре занимает политическая лексика, а также лексика, отражающая советский образ жизни, достижения советской науки и культуры.

Значительным событием в турецкой лексикографии явилось издание в 1977 году большого (40 000 слов) турецко-русского словаря, составленного научными сотрудниками Института востоковедения Академии наук СССР³⁰. В нем использованы достижения теории и практики составления турецких словарей в СССР и за рубежом, учтены ранее выработанные методы и принципы лексикографирования заголовочного слова и организации словарной статьи. Большая работа, проделанная по сбору лексического материала и расписыванию карточек, позволила составителям уточнить значения многих слов, устранить ошибки и дополнить ра-

²⁸ См.: А. А. Юлдашев. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972, стр. 122—150.

²⁹ Э. М.-Э. Мустафаев и В. Г. Щербинин. Русско-турецкий словарь. М., 1972. Рец. см.: П. И. Кузнецов. Русско-турецкий словарь. — «Советская тюркология», 1973, № 1.

³⁰ «Турецко-русский словарь». Авторы: А. Н. Баскаков, Н. П. Голубева, А. А. Кямилава, К. М. Любимов, Ф. А. Салимзянова, Р. Р. Юсипова. М., 1977.

нее незарегистрированные в советских словарях значения и сочетания. Так, добавлены в слове *binek* спортивное значение 'конь', в *dişlemek* 'нарезать резьбу', в *babafingo* сочетания *babafingo sereni* 'брам-рей', *babafingo uelkeni* 'брамсель'. Упорядочена лексикографическая презентация фразеологических сочетаний, имеющих парадигматический ряд (*hoşuna gitmek* 'нравиться' вместо ранее *hoşuma gitti* 'мне понравилось', *aklıni başına toplamak* 'поумнеть, образумиться' вместо ранее представленного *akıl başına toplamak*). Прямое применение в практике обучения турецкому языку имеет система помет, характеризующая глагольное управление. Последнее очень важно и при определении значения слова, сравните: *gezmek* (дат.) 'гулять', *gezmek* (вин.) 'осматривать'; *vigmak* (вин.) 'убивать', *vigmak* (дат.) 'бить'. И эта работа, проделанная составителями, значительно отличает данный словарь от других турецко-русских словарей. Над заголовочными словами проставлены ударения в тех случаях, когда оно фиксируется не на последнем слоге, что характерно для турецкого языка (*çanta* 'портфель', *vêto* 'вето', *vicdânen* 'по совести', 'чутьем'). Переход некоторых сложных образований, представляющих конструкцию относительного изафета, в разряд слов связан с изменением формы винительного падежа. И это не осталось незамеченным составителями. Так, если в последнем турецко-русском словаре Д. А. Магазаника при словах *ayakkabı*, *binbaşı*, *yüzbaşı* правомерно стояла форма винительного падежа *-ni*, возникающая после аффикса принадлежности 3-го лица единственного числа, то теперь в словаре дана форма *-u*. При всех шестнадцати односложных глаголах с согласной основой приведены внутрискобочные образцы формы настоящего-будущего времени в силу особенностей их образования. В отдельных случаях это является способом различения омонимичных глаголов: *yenmek* (*yener*) 'победить', *yenmek* (*yenir*) 'быть съеденным', *konmak* (*konar*) 'останавливаться на ночь', *konmak* (*konur*) 'быть положенным', 'быть поставленным'. Однако, на наш взгляд, избыточной информацией является указание формы настоящего-будущего времени в остальных односложных глаголах, поскольку это не относится к исключению, а подчиняется общим правилам формообразования [*bakmak* (*bakar*) 'смотреть', *yazmak* (*yazar*) 'писать']. Словник словаря сориентирован на включение всей лексики турецкого языка (старые и новые тексты, разговорная и письменная речь). Поэтому в словаре представлены османизмы, историзмы, архаизмы, неологизмы, западноевропейские заимствования, а также определенное число арготизмов, вульгаризмов и терминологической лексики [ср.: *Vasatî Asya* 'Средняя Азия', *Bahri Mücemit* 'Ледовитый океан', *Kuzey Buz denizi* 'Северный Ледовитый океан', *kaakeyî* (арго) 'гашиш', 'марафет', *İstiklâl Mahkemesi* 'Верховный Суд во времена национально-освободительной борьбы турецкого народа']. Словарные статьи расширены за счет включения большого числа пословиц, поговорок, речений, фразеологизмов. Имеется материал, характеризующий турецкие реалии [*Anıtkabir* 'Мавзолей Ататюрка в Анкаре', *İstiklâl madalyası* 'Медаль независимости (высшая награда в Турции)', *Sayıştay* 'Высший Финансовый Совет в Турции']. Для семантизации османизмов и неологизмов использованы перекрестные отсылочные пометы (*engel* ср. *mâni*, *mahzur* I; *idare* ср. *yönetim*; *yörünge* ср. *mahrek*; *seçim* ср. *intihap*). В словнике словаря отражены формы частичной редупликации (*besbedava* 'очень дешевый', *ırızipin* 'очень длинный'). Составители включили в словник, что, на наш взгляд, весьма спорно в плане норм грамматической системы турецкого языка, регулярные залоговые формы глагола, даже если это не связано с изменением лексической характеристики слова [*badanalamak* 'белить, красить (побелкой)', *badanalanmak* страд. от *badanalanamak*,

badanalatmak понуд. от badanalamak; öldürmek 'убивать', öldürtmek понуд. от öldürmek, öldürülmek страд. от öldürmek]. В конце словаря даны два приложения, в одном из которых указаны названия основных государств, их столиц, названия союзных и автономных республик СССР и их столиц, туристических центров, а также турецкие географические названия; в другом приведен перечень словообразовательных аффиксов турецкого языка, составленный Р. Р. Юсиповой.

Таким образом, в Советском Союзе издано более 25 двуязычных русско-турецких и турецко-русских словарей³¹ и разговорников различного объема и профиля, сыгравших значительную роль в деле изучения турецкого языка в нашей стране.

³¹ См.: А. Н. Кононов. Очерк истории изучения турецкого языка. Л., 1976, стр. 60, 110—113; А. Н. Кононов. Развитие турецкого языкознания в СССР. — «Советская тюркология», 1977, № 6, стр. 27.

РЕЦЕНЗИИ

«ГРАММАТИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА. ФОНЕТИКА, МОРФОЛОГИЯ, СИНТАКСИС»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС», НАЛЬЧИК, 1976, 571 стр.

Рецензируемая книга, написанная коллективом авторов под общей редакцией Н. А. Баскакова и вышедшая на русском языке, впервые знакомит широкий круг читателей с грамматическим строем карачаево-балкарского языка, одного из наименее изученных тюркских языков.

Монография не является повторением изданной ранее на карачаево-балкарском языке грамматики¹. Это — новая, самостоятельная работа, созданная с учетом предшествующих исследований по карачаево-балкарскому языку, а также теоретических разработок в области грамматики других тюркских языков, опубликованных в последние годы.

В написании рецензируемой книги, подготовленной Кабардино-Балкарским институтом истории, филологии и экономики, приняли участие специалисты из Азербайджана и Карачаево-Черкесии.

Иллюстративный материал в большинстве случаев извлечен из карачаевской и балкарской художественной литературы и фольклора. Все примеры даны с переводом на русский язык, что облегчает пользование книгой.

Основным разделам грамматики («Фонетика», «Морфология», «Синтаксис») предшествует состоящее из трех частей «Введение», написанное Н. А. Баскаковым.

В первой части «Введения» излагаются основные сведения о расселении карачаевцев и балкарцев и об их языке. Карачаево-балкарский язык — язык двух этнических групп единой народности: карачаевцев (численностью 113 тысяч человек) и балкарцев (около 60 тысяч человек), проживающих ныне главным образом на Северном Кавказе: балкарцы — в Кабардино-Балкарской АССР, карачаевцы — в Карачаево-Черкесской автономной области.

Карачаевцы и балкарцы прошли длительный исторический процесс формирова-

ния, в результате которого приобрели целый комплекс особенностей, в известных отношениях общих с булгарами, кыпчаками, огузами, аланами, адыго-черкесо-кабардинцами и сванами. Указав, что предшественником карачаево-балкарского языка является язык кыпчаков, автор введения отмечает фонетические и морфологические особенности, сближающие современный карачаево-балкарский язык с кыпчакскими языками.

Вторая часть «Введения» посвящена характеристике двух основных диалектов карачаево-балкарского языка: 1) с-з-диалекта и 2) ħ-ž-диалекта. В основе литературного карачаево-балкарского языка лежит второй из этих диалектов, по существу объединяющий балкарцев и карачаевцев.

Третья часть «Введения» представляет собой краткую историю изучения карачаево-балкарского языка.

Автор раздела «Фонетика» А. Ж. Будаев последовательно и обстоятельно описывает звуковую строй карачаево-балкарского языка в фонологическом и фонетическом аспектах.

А. Ж. Будаев отмечает, что отдельные авторы различают в карачаево-балкарском языке долгие и краткие гласные², присущие туркменскому и некоторым другим тюркским языкам (at 'лошадь', aat 'имя'; ot 'огонь', oot 'трава' и т. д.). Основываясь на фактическом материале, А. Ж. Будаев доказывает необоснованность такого различия в современном карачаево-балкарском языке, ибо долгие гласные как особые фонемы в нем отсутствуют.

В литературе существует традиционное мнение о наличии в карачаево-балкарском

¹ «Къарачай-малкъар тилни грамматикасы». Нальчик, 1966.

² W. Pröhle. Karatschaische Studien. Keleti Szemle, t. X. Budapest, 1909, стр. 216; В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 7.

языке дифтонгов³. Однако сочетания [au], [ou], [aj], [oj] и т. д. (tau 'гора', opou 'решение', taj 'жеребенок', qoj 'овца') в карачаево-балкарском языке, как и в русском, являются в фонетическом отношении ложными дифтонгами, произносимыми единым артикуляционным движением; в них вторым компонентом выступает неударное и редуцированное неслоговое [u] или [j]. Раскрывая фонематическую разложимость этих сочетаний в слогеделении (tau 'гора' — ta-иц 'его гора'; opou 'решение', opo-иц 'его решение' и т. д.), автор доказывает отсутствие дифтонгов, а также неправоту некоторых исследователей, отмечающих наличие геминат в карачаево-балкарском языке.

Далее подробно описываются изменение звуков в потоке речи, гармония гласных и согласных, ассимиляция, диссимиляция, метатеза, эпентеза. Впервые в карачаево-балкарском языкознании автор выделяет специальную главу «Орфоэпия», в которой подробно рассматриваются основные нормы литературного произношения. Большое внимание уделяется также рассмотрению вопросов карачаево-балкарской графики.

В разделе «Морфология» освещаются особенности морфологического строя карачаево-балкарского языка. Проблема частей речи и их классификация в тюркологии до сих пор остается спорной. Придерживаясь известной традиции, авторы подразделяют части речи в карачаево-балкарском языке на знаменательные (имя и глагол) и служебные (послелог, частица и союз).

В главе об имени существительном (автор А. Х. Соттасев) дана краткая характеристика нарицательных и собственных имен, словообразования и словоизменения, описано понятие категорий лица и не лица. Существительные в карачаево-балкарском языке подразделяются на две категории: имена людей и имена не людей. Вопрос kim? 'кто?' правомерен по отношению к людям, а вопрос ne? 'что?' относится к остальным живым существам и неодушевленным предметам. В работе приводятся некоторые исключения: вопрос kim? 'кто?' иногда может относиться и к неодушевленным предметам, а вопрос ne? 'что?' — к людям: Fatimat ne tapdu? 'Фатимат кого родила?' (букв. 'Фатимат что родила?'); Aхmat ne bolur işlejdı? 'Ахмат в качестве кого работает?' (букв. 'Ахмат в качестве чего работает?').

В монографии дано исчерпывающее описание основных разрядов прилагательных (автор Б. Т. Созасев), местоимений (М. А. Хабичев), наречий (С. А. Гочияева). В главе об именах числительных (М. Т. Жабоев) хорошо охарактеризованы функционально-грамматические разряды, структурные осо-

бенности числительных и система счета. В карачаево-балкарском языке бытуют три системы счета: тюркская десятичная, тюркская двадцатичная и иранская десятичная хозяйственная парная. Наличие системы иранского счета в языке карачаевцев и балкарцев — явление довольно любопытное, указывающее на наличие в прошлом этнологических связей карачаевцев и балкарцев с ираноязычными племенами. В настоящее время иранским счетом пользуются лишь старики и животноводы для отсчета мелкого рогатого скота.

Глаголу как самой сложной части речи карачаево-балкарского языка уделена значительная часть раздела (стр. 193—307). Автор главы о глаголе И. Х. Урусбиев подробно описывает семантико-морфологические особенности глагола, категории залога, вида, лица, наклонения, причастия и деепричастия.

В разделе «Синтаксис» анализируются различные точки зрения на словосочетание и предложение в тюркских языках. Описание синтаксического строя карачаево-балкарского языка дано с учетом материалов новейших исследований. По глубине анализа и обобщению фактов языка данный раздел является значительным вкладом в развитие карачаево-балкарского языкознания.

Отдельные части раздела «Синтаксис» написаны различными авторами: «Словосочетание» (стр. 310—327) — Н. А. Баскаковым и И. Х. Ахматовым, «Простое предложение» (стр. 328—517) — И. Х. Ахматовым, «Сложное предложение» (стр. 518—556) — А. З. Абдуллаевым и И. Х. Ахматовым.

Вопреки мнению некоторых языковедов⁴, эти авторы не считают причастные и деепричастные обороты придаточными предложениями, ибо любое предложение характеризуют три важнейших свойства: предикативность, интонация сообщения и модальность. Простые предложения, объединяющиеся в сложное целое, должны представлять собой интонационное единство. Утрачивая интонацию завершенности, простое предложение становится составной частью сложного, вычленившись же из последнего, оно приобретает ту или иную интонацию сообщения, свойственную отдельному предложению. Причастные и деепричастные обороты лишены подобных свойств, поэтому их нельзя считать придаточными предложениями.

В конце книги дана «Библиография» (стр. 558—564), охватывающая литературу, в той или иной степени касающуюся вопросов грамматики, лексики и истории карачаево-балкарского языка.

При многих достоинствах рецензируемая работа не свободна от некоторых недостатков. С нашей точки зрения, не следовало чрезмерно детализировать тематические разряды имен существительных (стр. 116—

³ W. Pröhle. Balkarische Studien. Keleti Szemle, t. XV. Budapest, 1914—1915; Ш. Х. Акбаев. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963.

⁴ У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972, стр. 293.

118). Подобная семантическая дифференциация, во-первых, несколько примитивна, во-вторых, более уместна при описании лексики, нежели грамматики.

В карачаево-балкарском языке имена существительные, наряду с глаголом, особенно богаты по своему лексическому составу, сложны и разнообразны по грамматическим категориям. Однако в рассматриваемой монографии именам существительным отведено лишь столько же страниц (16), сколько и местоимениям.

Имеются недостатки и в переводе иллюстративного материала на русский язык. Так, например, исходная основа глагола в

разделе «Морфология» переводится, как принято в тюркских языках, формой инфинитива (al 'взять'), а в разделе «Фонетика» — повелительной формой (al 'возьми'). К сожалению, в монографии есть и опечатки.

Указанные недочеты, разумеется, не умаляют значения «Граматики карачаево-балкарского языка», которая является большим достижением наших языковедов и, несомненно, послужит ценным пособием для преподавания карачаево-балкарского языка в школах и вузах республики.

И. М. Отаров

М. З. ЗӘКИЕВ. ТАТАР ХАЛҚЫ ТЕЛЕНЕҢ БАРЛЫККА КИЛҮЕ ТАТАРСТАН КИТАП НӘШРИЯТЫ, КАЗАН, 1977, 207 стр.

Рецензируемая книга посвящена истории возникновения и развития разговорного языка татарского народа. Адресованная широким массам читателей, эта книга имеет не только познавательное значение, она является значительным научным вкладом в татарское языкознание и тюркологию в целом. В сущности, это первый в тюркологии серьезный опыт воссоздания истории народно-разговорного языка. Автор книги — известный тюрколог, заслуженный деятель науки РСФСР и ТАССР, профессор М. З. Закиев глубоко и всесторонне исследовал проблему глоттогенеза, вскрыл историко-этнические и лингвистические противоречия бытующих в тюркологии ошибочных взглядов на происхождение некоторых тюркских языков, обобщил и систематизировал лингвистические, археологические, антропологические, этнографические и другие данные и на этой основе выдвинул научно убедительную теорию возникновения и развития языка татарского народа.

Работа состоит из четырех разделов собственно исследований, заключения и библиографии, включающей около трехсот названий трудов отечественных и зарубежных авторов. Основным разделам книги предпослана вводная часть, обосновывающая актуальность исследуемой проблемы, определяющая объект изучения, излагающая теоретические основы проведенной работы.

Рассматривая историю языка в неразрывной связи с историей народа — его носителя, М. З. Закиев исследует проблему возникновения и развития татарского языка, основываясь на данных исторических, археологических, антропологических, этно-

графических и фольклористических изысканий. Решение проблемы глоттогенеза на основе достижений этнической истории относится к наиболее ценным достоинствам книги М. З. Закиева.

Раскрытие истории языка в определенной степени могут послужить названия родов, племен, народов и их этимологическая структура. Поэтому автор тщательно анализирует историю изучения этнонима *tatar* и выдвигает свою собственную научно обоснованную интерпретацию. По его мнению, слово *tatar* изначально было этнонимом, так как элемент *-ar* (*-är*, *-ir*), входящий в его состав, в тюркских языках обычно образует этноним. Например: *xaz-ar*, *bolg-ar*, *balk-ar*, *av-ar*, *miš-är* и т. д. Учитывая совпадение значений корня *tat-* в китайском, персидском и тюркских языках, автор предполагает, что структуру этнонима *tatar* следует рассматривать как состоящую из *tat-*, означающего «чужеземец», «иноплеменник», «человек низкого сословия», и *-ar* (*-är*, *-ir*) со значением «мужчина, человек».

Изучение большого количества научных источников убедило автора, что этноним *tatar* в прошлом означал разные народы и языки. Татары были известны еще во II веке до нашей эры. Они жили в низовьях Ангары и Северо-Восточной Монголии. Не выяснено, правда, на каком языке они говорили в то время, однако позднее среди племен, именовавших себя *tatar*, были и тюркоязычные. М. З. Закиев предполагает, что тюркоязычные татары в составе различных тюркских объединений (гуннов, тюрок, печенегов, кыпчаков) еще задолго до татаро-монгольского нашествия проник-

ли и в Европу. В период татаро-монгольского нашествия на Руси и в Западной Европе этнонимом *татар* обозначаются разные народы, в том числе и оставшиеся под игом завоевателей.

В конце вводной части автор говорит об основах алтайской и урало-алтайской общности языков, определяет место татарского языка в системе тюркских языков.

Первый раздел книги посвящен древним тюркам и их языкам.

Возникновение тюркских языков обычно связывают с древними хуннами (гуннами), жившими на территории нынешней Монголии и Северного Китая и в III веке до нашей эры первыми из кочевых племен создавшими централизованное государство. Позднее хунны проникли в Саяны, Алтай, Прибайкалье, дошли до Средней Азии, а во второй половине IV века нашей эры через Южный Урал и Нижнюю Волгу достигли Восточной и Центральной Европы.

По мнению автора книги, история возникновения тюркских языков уходит в глубины более древнего прошлого человечества. Следы тюркоязычных встречаются в языке американских индейцев племени майя, сиу и кечуа, проникших на Американский материк еще в 30—20-х тысячелетиях до нашей эры. Это довольно значительный пласт слов, близких или аналогичных по значению и форме с тюркскими. Общие с тюркскими черты обнаруживаются также в морфологической и синтаксической структурах этих языков.

В последние годы на территории Башкирии и Монголии найдены останки людей, обитавших в этих краях много тысяч лет назад. Их антропологические признаки и погребальные обряды близки аналогичным признакам и обрядам американских индейцев. Языковые и антропологические соответствия дают основание высказать предположение, что некогда проживавшие на Азиатском материке народы, в том числе и тюркоязычные, в 40—20-х тысячелетиях до нашей эры переселились на Американский материк (тогда эти два материка на месте нынешнего Берингова пролива были еще связаны перешейком). Со временем они могли проникнуть и в Южную Америку.

Следы тюркских языков встречаются и в древнем шумерском языке (например, *ad(a)* — ата 'отец', *ama* — апа 'мать', *diŋ-ir* — *tāŋre* 'всевышний', *e* — *ōj* 'дом' и т. д.). Шумеры населяли территорию современного Ирака. Еще в IV—II тысячелетиях до нашей эры они создали государство и свою клинописную систему письма. Пока не установлено, к какой семье языков относится шумерский язык, но в его составе выявлено около 200 тюркских элементов.

Для доказательства родства языков древних индейцев майя и шумеров с тюркскими одних этих фактов, конечно, недостаточно. Однако они позволяют высказать предположение о возможности многовекового взаимовлияния этих языков.

В истории известны племена под названиями *сак*, *кушан*, *татар*, проживавшие до хуннов или в одно время с ними в Центральной и Средней Азии, а также на землях, граничащих с Китаем и Индией. М. З. Закиев полагает, что в их составе были и тюркоязычные племена. По мнению автора, среди скифов, живших еще в VII веке до нашей эры на побережье Черного моря и сменивших их во II веке нашей эры сарматов, обычно относимых к ираноязычным, изначально были и тюркские племена. Об этом свидетельствуют сакские, кушанские, скифские и сарматские антропимы и этнонимы, легко объясняющиеся на основе тюркских языков.

М. З. Закиев считает, что в объединении хуннов, с которыми связывают возникновение тюркских языков, преобладали тюркские племена. Археологические раскопки 1950—1960 годов на территории Татарской АССР свидетельствуют о том, что в III—IV веках нашей эры тюркские племена гуннов жили и на Среднем Поволжье. Однако основываясь на чуваше-монгольских, чуваше-тунгусских, чуваше-булгарских языковых параллелях, в тюркологии принято считать, что язык гуннов не был обычным тюркским языком огузо-кыпчакского типа, а отличался своеобразием, сближающим его с чувашским. По мнению автора книги, подобный вывод неоснователен. В работе приводятся достаточно убедительные доказательства того, что язык гуннов был обычным тюркским языком.

Обычными тюркскими языками, а не чувашскими их вариантами, были, по мнению М. З. Закнева, и языки протоболгар и хазар. Об этом свидетельствуют и упоминающиеся автором материалы антропотопонимии.

В завершение первого раздела рассматриваются история происхождения этнонима *törek* (*türk*), его значение и употребление в различные исторические эпохи.

Второй раздел книги посвящен тюркам Среднего Поволжья и их языкам.

Если первые сведения о тюркоязычных племенах Алтая, Центральной и Средней Азии мы находим в китайских, индийских и персидских источниках, а о первых тюркских племенах, обитавших в Прикаспийских степях, в Причерноморье и в предгорьях Кавказа, рассказывают греческие источники, то о древних тюрках Среднего Поволжья и Урала сведений нет, так как по соседству с ними не было народов, имевших свою письменность. Некоторые исследователи считают тюрками *уйрков*, упоминаемых Геродотом, живших в V веке до нашей эры на Северном Кавказе и Урале. Однако отождествление слов *ijrk* и *türk* необоснованно, так как этноним *türk* (*törek*) стал употребляться лишь в нашу эру. М. З. Закиев считает неоправданным предположение, что тюрки, обитавшие в Западной Азии шесть-семь тысячелетий тому назад, проникли в Восточную Европу

лишь в IV веке с гуннскими племенами. На основе археологических и лингвистических данных он приходит к заключению, что на Северном Кавказе, в Приуралье и на Нижней и Средней Волге турки появились еще до нашей эры.

В книге тщательно исследуются волжские булгары и их язык. Полукочевые группы тюркоязычных болгарских племен первоначально располагались в предгорьях Северного Кавказа. Затем под натиском гуннов они вынуждены были перекочевать в Приазовские и Донские степи. В 633 году булгары совместно с другими кочевниками создают раннее государственное объединение «Великая Булгария», которая, однако, уже в середине VII века распалась под ударами хазар. Большинство болгарских племен покидает южные степи: часть их уходит на Дунай, где впоследствии создает государство дунайских болгар, другая часть подымается на Среднюю Волгу. Булгары, оставшиеся в Приазовье, под натиском хазар уходят в горы Северного Кавказа. Из этих племен болгар в дальнейшем сформировались современные балкары.

Булгары, занявшие прибрежные районы среднего течения Волги, в конце IX — начале X века образуют Булгарию, достаточно развитое в экономическом и культурном отношении государство.

По мнению М. З. Закиева, волжские булгары были обычными тюркоязычными племенами, иначе они не смогли бы, объединившись с местными тюркскими племенами, создать могучее государство. Это подтверждают и свидетельства Махмуда Кашгари, владимирского князя Всеволода и данные антропологическими.

В книге в тесной связи с этнической историей исследуется язык болгар в VIII—XII веках, в эпоху Золотой Орды и Казанского ханства.

В период X—XII веков в государстве Булгария происходит формирование болгарской народности, а позднее складывается новая этническая общность — поволжские татары.

Предками татар, таким образом, были волжские булгары. Это подтверждается приведенными М. З. Закиевым лингвистическими, антропологическими, этнографическими и другими этноисторическими данными. В тюркологии же господствует мнение, что татарский язык сформировался не на болгарской, а на кыпчакской основе, то есть на базе государственного языка Золотой Орды. Главные же особенности болгарского языка якобы сохранились в современном чувашском языке, то есть чувашский язык восходит к болгарскому, а его носители — чуваша являются непосредственными потомками волжских болгар. Критике этой так называемой булгаро-чувашской территории и посвящен третий раздел книги.

Упомянутая теория основана на том, что в надгробных надписях болгар и в некото-

рых других письменных памятниках есть слова, сходные с чувашскими, либо аналогичные им. Сторонники булгаро-чувашской теории, априорно допуская общность болгарского и чувашского языков, сравнивают язык болгарских эпитафий и других памятников лишь с чувашским, оставляя вне поля зрения материал татарского языка. Не учитывают они и результатов археологических, этнографических и антропологических исследований, которые противоречат такого рода утверждениям.

Как правильно полагает автор книги, подобный односторонний подход к решению такой сложной проблемы, как история языков и история народов, недопустим. М. З. Закиев на основе тщательного лингвистического анализа доказывает, что многие из слов, расцениваемых сторонниками булгаро-чувашской теории как сходные с чувашскими или аналогичные им, в действительности являются обычными общетюркскими словами, число же собственно чувашских слов среди них незначительно.

В результате всестороннего и глубокого изучения проблемы автор приходит к выводу, что чувашский язык — это своеобразный тюркский язык, сложившийся под воздействием тюркоязычных племен, обитавших в Среднем Поволжье еще в добулгарский период, на язык местных финно-угорских племен. Этот тюркский язык с чувашскими особенностями бытовал и после прихода сюда болгар, оставив свои следы в болгарских эпитафиях. Позднее он остался лишь у чувашей, не вошедших в Волжскую Булгарию. Булгарский же язык в XIV—XV веках под влиянием кыпчакского, мишарского, огузского и других языков сформировался в татарский язык. В книге тщательно исследован процесс образования языка татарской народности, его развитие и совершенствование в период формирования наций.

Четвертый раздел книги посвящен племенам и народностям, жившим в контакте с булгарами и татарами и имевшим то или иное отношение к формированию языка татарского народа, — печенегам, торкам, кыпчакам, бургасам и др. Таким образом, М. З. Закиев в своей работе рассматривает развитие языка татарского народа в тесной связи со сложным процессом возникновения и формирования тюркских языков.

Автор считает, что особенности древнего языка при отсутствии его письменных памятников могут быть выявлены путем обращения к заимствованиям из него, сохранившимся в других языках. Материалы, приведенные в этом разделе книги, со всей убедительностью подтверждают, что булгарский язык был обычным тюркским языком.

В книге по-новому освещаются и мишаро-венгерские, мишаро-башкирские и другие исторические связи.

По мнению М. З. Закиева, мишари и башкиры издревле являются тюркоязычными племенами.

В IX веке под напором идущих с востока печенегов племена угро-финнов и мишарей, жившие в Среднем Поволжье, переселяются в Паннонию. С течением времени мишари, видимо, сравнительно малочисленные, сливаются с угро-финнами, принимают их язык, но этноним *mišār* в форме *mađar* поныне сохраняется как название всего народа.

Мишари — основной после булгар этнический компонент и в образовании башкирского народа.

Таким образом, тюркский язык, по мнению автора, возник еще задолго до гуннов и в течение многих тысячелетий развивался и совершенствовался. Только в силу исторических обстоятельств в разные времена он назывался по-разному. Этнонимы *гунн*, *тюрк*, *хазар*, *болгар*, *печенег*, *кыпчак* и другие возникали и исчезали, но тюркский язык с изменением названия народа не превращался в другой язык. Этот исторический

процесс и привел к образованию языка татарского народа.

Главный вывод, к которому пришел автор книги, таков: основным источником языка татарского народа является язык волжских булгар, основной же источник языка волжских булгар — язык прото-булгар, истоки которого восходят к тюркскому языку огузо-кыпчакского типа, берущему свое начало на востоке у части объединений саков, кушанов, татар и хуннов, а на западе — у части объединений скифов, сарматов и гуннов.

Как видно из изложенного, работа М. З. Закиева является ценным вкладом в татарское языкознание. Есть все основания полагать, что эта первая в тюркологии попытка воссоздания истории языка народа явится импульсом для проведения исследований в этом направлении и по другим тюркским языкам.

К. З. Зиннатуллина, Р. А. Юсупов

Қ. НЕТАЛИЕВА. ҚАЗАҚ ТІЛІНІҢ ОРФОЭПИЯЛЫҚ СӨЗДІГІ.

ҚАЗАҚ ССР-нің «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1977, 400 стр.

Неотложные задачи культурного строительства в 20—30-е годы и осуществление в Казахстане всеобщего образования сосредоточили усилия немногочисленных в то время специалистов на создании учебников и учебно-методических пособий для казахской школы. Разработкой вопросов теоретического характера казахские лингвисты начали заниматься значительно позднее. Обнаружилось, что под влиянием письменного языка устная форма речи претерпевает значительные, не свойственные ей изменения, которые проявляются не столько в произношении отдельных фонем, сколько в произношении их позиционно-комбинаторных вариантов. Это обуславливается тем, что во всех без исключения учебниках основное внимание уделяется правописанию и произношению изолированных слов. Как известно, орфоэпические нормы изолированных слов и слов в речевом контексте не всегда совпадают. Учащиеся, усваивая правила орфоэпии по учебникам, бессознательно игнорируют орфоэпические нормы, установившиеся в процессе длительного развития устной речи. Тенденция сближения произношения с письмом приобретает все более универсальный характер и усиливается по мере увеличения количества людей, в совершенстве владеющих именно письменной формой речи.

В числе первых исследователей, отметивших это обстоятельство, был и автор рецензируемой книги.

Работа К. Неталиевой — результат ее многолетних наблюдений над языком и фактами живой речи, ее теоретических изысканий. В «Словаре» включено около 15 тысяч слов, в произношении которых по тем или иным причинам наблюдаются отклонения от орфоэпических норм. В весьма содержательной теоретической части работы автором устанавливаются причины нарушений произносительных норм. Одной из них она правомерно считает недостаточно разработанные правила орфографии, что, несомненно, затрудняет их усвоение.

Анализ материала «Словаря» показывает, что тенденция сближения произношения с написанием чаще всего отмечается на стыке морфем или слов. Менее распространенные, но твердо установившиеся случаи сближения произношения с письмом наблюдаются внутри слова. Примеры первого типа: орақ орды [oraq ordu]¹ вместо [oraу ordu], жанғыш [žanɣyʃ] вместо [žanɣyʃ] и др. Ко второму типу можно отнести: өлең [ölēŋ] вместо [ölöŋ], құлып [qulyp] вместо [qulırp] и др. Отрядно отметить скрупулезную работу автора, собравшего по крупицам очень большой фактический материал, иллюстрирующий нарушение произносительных норм и позволивший создать интересный труд, который, несомненно, станет настольной книгой-справочником для широкого круга

¹ Здесь и далее транскрипция наша.

читателей. Об огромной трудоемкости работы над «Словарем» свидетельствует хотя бы тот факт, что произношение одного только звука *и* предполагает восемь его вариантов в зависимости от позиции в слове и звукового окружения. Рассмотрим эти варианты: 1) сочетание узкого, заднего негубного гласного *ы* [y] и плавного сонанта *й* [j], например, жинак [ʒyɲaɢ], ми [myj]; 2) сочетание узкого переднего негубного гласного с тем же сонантом *й* [j], например, сирек [sɪrɛk]; 3) сочетание узкого заднего губного гласного *ұ* [u] с сонантом *й* [j], например, күнжиды [qɯŋʒɪjɗu]; 4) сочетание узкого переднего губного *ү* [ü] с сонантом *й* [j], например, дүние [d̥üɲj̥ö]; 5) гласный *ы* [y], например, сия [syja]; 6) гласный *и* [i], например, ию [ijüw]; 7) гласный *ұ* [u], например, сұрқи-жа [surɕi-ja]; 8) гласный *ү* [ü], например, өңкию [öŋküjüw].

На странице 9 автор утверждает, что она далека от мысли о необходимости реформы существующей системы казахской письменности. Однако приведенные примеры свидетельствуют о явных изъянах этой системы, результатом которых является прогрессирующая тенденция более закрытого и мягкого произношения слов типа [mi], хотя, согласно закону сингармонизма, они должны произноситься твердо, то есть как [myj]. Причиной разных вариантов произношения этого слова является наличие буквы *и*, которой традиционно обозначается передний, то есть мягкий гласный.

«Словарь» должен побудить ученых и работников просвещения более серьезно относиться к влиянию письменной формы языка на устную и установить основные причины создавшейся ситуации. По-видимому, дело не только в несовершенстве той или иной системы алфавита, хотя и это обстоятельство не следует сбрасывать со счета. Как известно, все позиционно-комбинаторные оттенки фонем обозначить самостоятельными буквами невозможно, да и нет необходимости в этом. Как показывает практика языков с исторически сложившейся письменностью, чтение должно определяться орфографическими и орфоэпическими правилами. Однако разработка этих правил, так же как и практика преподавания казахского языка в школах и вузах Казахстана, нуждается в совершенствовании. Мы предполагаем, что это касается если и не всех, то большинства тюркоязычных республик. В школах и вузах Казахстана неоправданно малое количество учебных часов отводится такому важному разделу языка, как его фонетический строй. Преподавание ограничивается определением состава фонем и изучением артикуляции, а также изучением некоторых основных положений — слогаделения, ударения, интонации и т. п. Фонетике в сравнении с другими разделами грамматики уделено значительно меньше внимания, следствием чего и являются различные отклонения от орфоэпических норм казахского языка, зафик-

сированные в рецензируемой нами книге, получающие все большее распространение.

Положение еще более усугубляется тем, что не только рядовые носители казахского языка, но даже дикторы и артисты, выступая по радио и телевидению, говорят так, как написан текст, то есть сближая произношение с письмом. Последствия такого произношения незамедлительно сказываются на языке слушателей, в результате чего и возникают факты, приведенные автором в его работе (стр. 9).

Появление «Словаря» К. Неталиевой — своевременное предупреждение о необходимости упорядочения орфоэпии казахского языка.

Установление норм устной речи является результатом высокой степени языкового развития и процесс их становления более длителен, нежели процесс становления норм письменности. Это тем более справедливо, что казахский язык — младописьменный. Его письменность, можно сказать, формировалась на глазах нынешнего поколения.

Появление отдельных статей и даже такого пособия, как орфоэпический словарь, при всей его полезности, не сможет остановить или ослабить нежелательное влияние письменного языка на исторически сложившиеся нормы устной речи. Для упорядочения этого процесса, как указывает автор (стр. 5), необходимы совместные усилия языковедов, учителей и всей интеллигенции республики. Остается добавить, что литературная норма языка не обеспечивается лишь проведением системы мероприятий в области лексики и грамматики. С точки зрения культуры речи, любое нарушение фонетических закономерностей языка должно рассматриваться как отклонение от нормы. Поэтому нужна тщательная планомерная, конструктивная деятельность компетентных лиц, которые заинтересованно и систематически пропагандировали бы правильное произношение, выпуская в свет необходимые справочные пособия. Такие пособия принесут пользу в том случае, если будут носить массовый характер и окажутся доступными, особенно для подрастающего поколения школьников. Первостепенная роль в этом деле принадлежит педагогам, которым следует проявить максимум последовательности и терпения для того, чтобы учащиеся основательно усвоили орфоэпические нормы своего языка.

Работа К. Неталиевой и по структуре, и по содержанию — первая в тюркологии. Поэтому естественны в ней некоторые недочеты, главный из которых — отсутствие единой фонетической транскрипции. Это тем более досадно, что речь идет именно о нормировании произношения. Можно отметить и случаи неточной транскрипции, так, например: *ю* транскрибируется то как [jüw] (что совершенно верно), то как [jw] (безусловно, неправильно); *у* правильно транскрибируется как сочетание двух фонем (сингармонически твердый вариант — *ұ+у* [uɰw]; сингармонически мяг-

кий вариант — $y + y$ [üw]), однако немало случаев, когда его транскрипция вообще отсутствует. Нельзя согласиться и с утверждением автора, что *б* в интервокальной позиции звучит приблизительно как *в* [v], ибо *б* в интервокальной позиции произносится как губно-губной щелевой согласный, а *в* [v], как известно, губно-зубной звонкий.

Автору не следовало бы игнорировать современные методы экспериментальной фо-

нетики, которые, безусловно, принесли бы много пользы в решении целого ряда вопросов орфоэпии. Желательно было бы проанализировать изменения, произошедшие в орфоэпических нормах языка с указанием факторов, способствовавших этому процессу.

В заключение хочется отметить хорошее оформление книги.

Н. Демесинова, А. Джунисбеков

Т. ҚОРАЕВ. ХИРОМИЙ (ХАЕТИ ВА ИЖОДИ)

УЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1977, 127 стр.

Жизнь и творчество многих узбекских поэтов и писателей XIX и начала XX веков еще недостаточно изучены. Их имена и сегодня неизвестны или почти неизвестны широкому читателю, хотя в свое время пользовались большой популярностью и оставили заметный след в истории узбекской литературы.

До недавнего времени обширное литературное наследие поэтов, живших на территории Бухарского эмирата в XVIII — начале XX века, без достаточного на то основания относилось исследователями к таджикской литературе, а произведения, написанные на узбекском языке, рассматривались как переводы с таджикского. Все сказанное полностью относится и к творчеству узбекского поэта XIX века Молла Курбана Хироми — автора широко известных в народе поэм-сказок «Чор дарвеш» («Четыре дервиша»), «Тўтинома» («Книга рассказов попугая»), «Раъно ва Зебо» («Рано и Зебо»). В четырехтомной антологии «Узбекская литература», изданной Институтом языка и литературы Академии наук Узбекской ССР, приведен отрывок из поэмы Хироми «Четыре дервиша»¹, но лишь как образец переводной литературы.

Указанная ошибочная тенденция в узбекском литературоведении была подвергнута справедливо резкой критике². В последнее десятилетие узбекское литературоведение достигло заметных успехов в изучении литературной жизни Бухарского эмирата в период XIX—XX веков. Благодаря проведенным исследованиям стало известно многое о жизни и творчестве узбекоязычных поэтов Хироми, Мири, Мужрима, Савдо, Толиби, Нокиса, Шавки, Муздара, Волы, Джани, Дабири и ряда других, внесших значительный вклад в развитие узбекской литературы. К числу таких исследова-

ний относится и рецензируемая монография Т. Караева, посвященная творчеству Курбана Хироми.

Монография состоит из краткого введения, трех глав и заключения.

В первой главе («Жизнь и литературное наследие Хироми») приводятся данные о жизни и деятельности Хироми, о его литературном наследии, об изучении творчества поэта (стр. 4—7). На основе тщательного анализа антологий, комментариев к рукописям Хироми, сделанных современниками поэта, биографических сведений, содержащихся в произведениях самого поэта и полученных от его прямых потомков, Т. Караев восстанавливает подлинную биографию Хироми, уточняет многие факты и даты, связанные с жизнью и творчеством поэта.

Хироми родился в 1796 году в селении Чармгарон (Кожевников) близ города Китаба Бухарского эмирата (ныне центр Китабского района Кашкадарьинской области Узбекской ССР) в семье ремесленника-кожевника. Первоначальное образование он получил дома, а затем поступил в медресе Мир-араб в Бухаре. Из-за нехватки средств на продолжение образования он вскоре возвращается в Китаб и зарабатывает на жизнь, занимаясь обработкой кожи, переписыванием книг, врачеванием. Т. Караев перечисляет ряд дошедших до нас рукописей, переписанных Хироми.

В Китабе Хироми близко знакомится с поэтами-современниками Шавки, Вола, Хазика и Салахи. В 40—50-е годы XIX века Хироми участвовал в обороне Китаба и Шахрисяба от войск эмира Насруллахана, был одним из организаторов похорон поэта Хазика и за это подвергся гонениям. В 1860 году, когда на престол вступил эмир Музаффар, Хироми силой доставили во дворец правителя в Бухаре. Через некоторое время Хироми совершил побег из Бухары и после долгих скитаний прибыл в 1862 году в Китаб, который вскоре покинул. Дальнейшая судьба шестидесятишестилетнего Хироми, вынужденного скитаться, неизвестна. Узнав о бегстве поэта, эмир Музаффар велел рас-

¹ «Узбек адабиёти». Тўрт томлик. Улуг Октябрь социалистик революциясига, IV том, 2 китоб. Тошкент, 1960, стр. 318—350.

² См.: В. Зоҳидов. Узбек адабиёти тарихидан. Тошкент, 1961.

селить его родственников по разным вилайетам, увел единственную дочь Хироми в свой дворец.

Автор монографии приводит родословную семьи Хироми, прослеживая ее до наших дней (стр. 12).

Говоря о литературном наследии Хироми (стр. 13—19), Т. Караев уточняет даты написания трех широко известных поэм-сказок «Четыре дервиша» (1834), «Книга рассказов попугая» (1854), «Рано и Зебо» (1856) и мало известной, не дошедшей до нас полностью поэмы «Юсуф и Зулейха» (1862). Он анализирует содержание и поэтическую форму оставшихся до последнего времени неизвестными пяти мухаммасов поэта общим объемом в 175 строк — три мухаммаса на узбекском языке к газелям Алишера Навои, два мухаммаса на таджикском языке к газелям Саади Ширази и Зибунисы. Т. Караев приводит подробные сведения о рукописях этих произведений, хранящихся в государственных книгохранилищах и личных коллекциях в городах Китаб, Шахрисабз, Самарканд, Ташкент, Бухара.

Вторая — самая большая по объему и богатая по материалу глава монографии («Передовые идеи и сложные характеры») посвящена анализу идейного содержания, системы образов, композиции поэм «Четыре дервиша» (стр. 2—38), «Книга рассказов попугая» (стр. 39—58), «Рано и Зебо» (стр. 58—86). Автор считает Хироми продолжателем традиций Алишера Навои.

Общезвестно, что один и тот же сюжет зачастую лежит в основе множества поэтических и прозаических произведений восточной литературы, созданных на разных языках и написанных в разные эпохи. Т. Караев присоединяется к мнению Е. Э. Бертельса, А. Каюмова и других ученых, считающих общность сюжета и даже системы образов недостаточной для того, чтобы отнести произведение к переводным (стр. 23—25). Автор монографии подчеркивает, что до Хироми поэтические варианты на сюжеты, родственные сюжетам его произведений, не были известны ни на узбекском, ни на таджикском языках, и цитирует слова Л. Н. Толстого о том, что даже перевод прозаического произведения стихами представляет собой оригинальное произведение (стр. 25). Т. Караев подробно останавливается на существенных изменениях, внесенных Хироми в композицию, развитие событий, характер образов своих произведений в сравнении с прозаическими вариантами тех же сюжетов на таджикском языке (см. стр. 25—27, 30—31, 94—96, 100—120). На основе анализа произведений Хироми автор заключает, что в них основное место занимает тема гуманизма, свободомыслия, осуждаются гнет, несправедливость и т. д.

Особого внимания в произведениях Хироми заслуживают образы женщин. Выступая против господствовавшей в то время феодальной морали, против религиозного фанатизма, унижавших человеческое до-

стоинство женщины, поэт рисует образ гордой и прекрасной девушки Зебо, осмелившейся во имя любви восстать против родительской власти и победившей своим умом, решительностью и мужеством коварного разбойника Маллаха. В монографии рассматриваются образы и других замечательных женщин. Т. Караев пишет, что Хироми выдвигал передовые идеи о равноправии женщин, призывал их к борьбе за свое счастье.

В разделе «Композиционный стиль комбинирования» (стр. 87—100) третьей главы монографии («Поэтическое мастерство Хироми») Т. Караев останавливается на композиционных особенностях таких широко известных произведений, как «Тысяча и одна ночь», «Калила и Димна», «Сказания о Кероглы», «Бахрам и Гуландам», «Панча тантра», «Шукасапати», «Декамерон» и др. Т. Караев, рассмотрев композиционные особенности этих произведений, созданных по принципу так называемого комбинирования (один рассказ, обрамляющий, как бы состоит из нескольких других — включенных), не только раскрывает мастерство, с каким Хироми пользуется этим методом, но и показывает, что нового он привнес в этот метод.

По мнению автора монографии, в «Четырех дервишах» и «Рано и Зебо» Хироми метод комбинирования существенно видоизменен и обогащен. Во многих восточных произведениях герои обрамляющего рассказа обычно пассивны и выступают лишь в роли рассказчика или слушателей; каждый включенный рассказ представляет собой самостоятельное произведение, и герои обрамляющего рассказа ничем не связаны с персонажами включенных рассказов (так построена, в частности, «Тысяча и одна ночь»). Исследователь убедительно показывает, что в произведениях Хироми обрамляющий рассказ теснейшим образом связан с включенными рассказами, и последние служат средством раскрытия отдельных черт характера героев первого. В этом аспекте, по мнению автора, очень интересна поэма «Рано и Зебо», содержащая одиннадцать включенных рассказов.

Содержание обрамляющего рассказа составляет сказание о Рано, Зебо и разбойнике Маллахе, а включенные рассказы служат для раскрытия черт характера Зебо и Маллаха. Автор монографии подробно останавливается на том, что в пяти рассказах Зебо воспеваются честность, верность высоким идеалам, целеустремленность, а в пяти рассказах Маллаха, наоборот, оправдываются обман, измена, стремление к низменным наслаждениям и к легкой жизни. Здесь каждый рассказчик выражает свое «я», свое отношение к добру и злу. Включенные рассказы, таким образом, становятся неотъемлемой частью обрамляющего повествования. Тем самым достигается целостность идейного замысла произведения.

Композиционные особенности «Четырех дервишей» и «Книги рассказов попугая»

существенно отличаются от таковых в «Рано и Зебо». В частности, Т. Караев указывает на значительные отличия композиции «Четырех дервишей» Хироми от структуры ираноязычных вариантов данного произведения (стр. 94—97). Несмотря на то, что герои этой поэмы являются выходцами из Византии, Йемена, Ирана, Китая, а события происходят в различных странах Европы, Азии и Африки, Хироми через второстепенный образ дервиша удачно соединяет их с героем обрамляющего рассказа. Именно это придает произведению цельный характер, обеспечивает единство его художественной формы.

Композиция «Книги рассказов попугая», по мнению автора, намного проще, и герои обрамляющего рассказа пассивны (стр. 98).

В заключение Т. Караев приходит к выводу, что Хироми внес существенный вклад

в совершенствование метода комбинирования в узбекской литературе.

При всем этом Т. Караев критически подходит к оценке творчества Хироми и идейного содержания его произведений. Он выявляет черты исторической ограниченности поэта, противоречивости в его взглядах и суждениях. Однако Хироми сумел, по мнению автора, отразить в своих произведениях передовые для своего времени идеи.

Монография Т. Караева восполняет один из существенных пробелов в узбекском литературоведении, в частности в изучении литературы, возникшей на территории Бухарского эмирата в XIX веке.

*Р. Дж. Вахидов, Х. Г. Нигматов,
О. Т. Сафаров*

GUNNAR JARRING. GUSTAF RAQUETTE AND QASSIM AKHUN'S LETTERS TO KAMIL EFENDI.

ETHNOLOGICAL AND FOLKLORISTIC MATERIALS FROM SOUTHERN SINKIANG.
EDITED AND TRANSLATED WITH EXPLANATORY NOTES. — SCRIPTA
MINORA REGIAE SOCIETATIS HUMANIORUM LITTERARUM LUNDENSIS
(STUDIER UTGIVNA AV KUNGL. HUMANISTISKA VETENSKAPSSAMFUNDET
I LUND) 1975—1976:1. CWK GLEERUP. LUND, 1975, 54 стр.

В рецензируемой книге известного шведского тюрколога Гуннара Ярринга впервые публикуются материалы по этнографии уйгуров Восточного Туркестана, собранные миссионером Густавом Ракеттом (1871—1945) в Южном Синьцзяне, преимущественно в Кашгаре и Яркенде, в период его пребывания здесь (в 1896—1921 годах) в качестве члена Шведского миссионерского общества. Написанные, по-видимому, в 1913—1914 годах в эпистолярной форме на шведском языке (шесть писем якобы уроженца Китайского Туркестана Касима Ахуна к его якобы турецкому другу Камиллю Эфенди), эти материалы содержат сведения о жизни уйгуров в начале XX века и, очевидно, готовились Г. Ракеттом к изданию, но почему-то не были опубликованы. Г. Ярринг снабдил эти своеобразные этнографические очерки кратким предисловием, в котором бегло описал историческую и социальную ситуацию того времени в Южном Синьцзяне и установил предполагаемых прототипов «автора» писем Касима Ахуна и лиц из его окружения, указав на научную ценность публикуемых им материалов.

Далее следуют резюмированный пересказ материалов Г. Ракетта по-английски, а также извлечения наиболее важных мест из текста в английском переводе. Английский текст (пересказ и точный перевод) подразделяется на отдельные тематические главы, соотнесенные с публикуемым швед-

ским текстом эпистолярных очерков Г. Ракетта.

В этнографических и фольклористических материалах Г. Ракетта Г. Ярринг обращает особое внимание на вопросы организации и оснащения торговых караванов, обмен приветствиями в Восточном Туркестане, описание уйгурских свадеб, показывает восприятие местными жителями деятельности шведских миссионеров, комментирует описание развлечений и игр, рождения детей и связанных с ним обрядов, способов лечения больных, похорон, судебных процессов и т. п. В обильных подстрочных примечаниях к пересказу и цитатам Г. Ярринг дает подробное толкование этимологии важнейших этнографических терминов, а также ссылки на этнографическую литературу, где трактуются аналогичные факты, собранные на той же территории.

Вслед за напечатанным полностью шведским текстом эпистолярных очерков Г. Ракетта помещен список цитированной литературы из 54 работ, преимущественно этнографического и лингвистического содержания, касающейся Восточного Туркестана.

Изданный материал, благодаря примечаниям Г. Ярринга, получил квалифицированную обработку и систематизацию, что облегчает его использование этнографами и лингвистами.

И. Г. Добродомов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

11 апреля 1978 года Институт языка, литературы и истории им. Галимджана Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР совместно с Союзом писателей Татарии провел научную конференцию «О языке и стиле современной татарской художественной литературы».

В своем кратком вступительном слове исполняющая обязанности заместителя директора Института Г. С. Мухамедова отметила важность постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» и для практики языковедческой работы. Татарские филологи, подчеркнула она, также должны «глубоко анализировать явления, тенденции и закономерности современного художественного процесса» и выявлять особенности развития языка в современную эпоху, а также исследовать речевые приемы, используемые в произведениях художественной литературы.

Ряд докладов и выступлений участников конференции посвящался различным методам изучения языка и стиля произведений татарской художественной литературы.

Председатель правления Союза писателей Татарии Г. А. Ахунов в докладе «Особенности творческой преемственности своеобразия языкового стиля писателей старшего поколения у современных прозаиков» говорил о том, что современные писатели «являются прямыми наследниками наших предшественников — чародеев словесного искусства. Мы восторгаемся мастерством Г. Тукая, Г. Ибрагимова, Ш. Камала, Х. Такташа, К. Тинчурин и других, постоянно учимся у них, по-своему, соответственно сегодняшним требованиям, воспринимаем и развиваем самое лучшее, что было в их творчестве».

В. Х. Хаков (Казанский госуниверситет) в докладе «Основные принципы изучения языка художественной литературы» отметил, что использование языковых средств и речевых приемов зависит от идейного содержания и композиции произведения, от конкретных эстетических задач художника. На примере творчества отдельных писателей

он показал индивидуальные особенности использования ими в произведениях лексических и грамматических ресурсов языка при создании художественных образов, остановился на вопросе о традиционном и творческом подходе литераторов разных поколений к изобразительно-выразительным возможностям языка.

С. М. Ибрагимов (КГУ) в докладе «Синтаксическая синонимия в языке произведений молодых писателей» остановился на исключительно богатых семантико-функциональных возможностях татарской грамматики, привел интересные примеры взаимозаменяемости одной грамматической и синтаксической конструкции другой, а также продемонстрировал конкретные пути преодоления монотонности стиля, присущей произведениям некоторых молодых писателей.

И. Б. Баширова (Институт языка, литературы и истории) в докладе «Языковые процессы татарской художественной литературы последних лет» высказала мнение, что особенности современного литературного языка обусловлены развитием повествовательного стиля. В процессе формирования татарской художественной литературы можно выделить три этапа. Для первого этапа характерно авторское повествование с чужих слов (религиозная литература, передача автором узанного или прочитанного им и т. п.). Второй этап знаменуется собственным повествованием автора о каком-либо событии (конец XIX и начало XX века — Муса Акджигит-заде, Загир Бигиев, Р. Фахрутдинов, Ш. Мухамедов, З. Хадиди). В эти годы состав предложения усложняется, речь автора приобретает эмоционально окрашенный оттенок и выражает его собственное отношение к событиям и персонажам, о которых он повествует. Третий этап развития татарской художественной прозы отличается яркой изобразительностью, реалистическим отображением действительности.

Основоположниками этого современного стиля татарской литературы являются такие писатели, как Ф. Амирхан, Ш. Камал,

Г. Ибрагимов (10—20-е годы XX века). Данный период становления татарской художественной литературы характеризуется индивидуальной манерой письма отдельных писателей.

В докладе *Ф. С. Сафиуллина* (КГУ) «Отражение синтаксических особенностей разговорной речи в художественной прозе» были изложены результаты ее наблюдений над языком современной художественной прозы. *Ф. С. Сафиуллина* отметила, что современному литературному языку в большей мере присущи особенности, восходящие к спонтанности, линейности и эмоциональности разговорной речи (различные типы инверсии, номинативных и эллиптических построений, многочисленных редуцированных вставочных конструкций, явление присоединения и т. д.). В речи персонажей литературных произведений наблюдается максимальное приближение к живому разговорному языку. Широкое употребление в повествовании прямой речи также обуславливает все большее использование разговорных конструкций.

Х. Р. Курбатов (ИЯЛИ) в докладе «Языковая структура произведений драматургии» особо подчеркнул, что у крупных писателей невозможно переставить или заменить ни одной реплики, ни одного слова, не нарушив тем самым смысловой и идейно-эстетической цельности их произведений. С точки зрения не только композиции, но и стиля и языка совершенно обязательна верность избранному жанру, будь то произведение для драматического или оперного театра (либретто). Диалог, помимо раскрытия характера персонажей и прямого либо косвенного сообщения о происходящих событиях, способствует также выявлению идейного стержня произведения — в полном соответствии с динамикой действия и жанровым своеобразием. Поэтому язык диалога должен быть максимально точным и ярким.

С сообщениями о языке и стиле произведений татарской художественной литературы, а также о культуре речи выступили писатели *Фатих Хусни*, *Хасан Сарьян* и стар-

ший научный сотрудник ИЯЛИ *Р. Г. Ахметьянов*.

Ф. Хусни отметил, что в татарской филологии все еще не созданы научные труды, глубоко и объективно раскрывающие такие кардинальные вопросы, как общее состояние языка, тенденции его развития, взаимоотношения устной и письменной форм речи. Он высказал беспокойство по поводу того, что, заботясь лишь о совершенствовании письменной речи, мы упускаем из виду состояние разговорного языка. Далее *Ф. Хусни* говорил о необходимости внутренней гармонии между языковыми элементами в литературном произведении, приводил случаи нарушения этого требования, предостерегая молодых и начинающих писателей от подмены художественной изобразительности публицистической риторикой.

Х. Сарьян в своем выступлении также призывал к более внимательному и ответственному отношению к языку и стилю литературного произведения.

Р. Г. Ахметьянов указал на интересные факты использования элементов и некоторых традиций древнетюркской поэзии в языке современных татарских поэтов. По его мнению, и сегодня можно говорить о «поэтах-чичэн» и «поэтах-тилмерчи». Первые, как и в былые времена, приходят в поэзию под влиянием непреодолимого желания высказаться, вторые — побуждаемые столь же непреодолимой любовью к словесному искусству.

С заключительным словом выступил *Г. А. Ахунов*. Отметив полезность возникшего на конференции творческого обмена мнениями, он высказал пожелание, чтобы конференции, посвященные языку и стилю художественной литературы, проводились регулярно, и сообщил, что тексты докладов и выступлений будут опубликованы в литературно-художественном журнале «Казан утлары» («Огни Казани»).

В работе конференции принял участие секретарь обкома КПСС *М. М. Мусин*.

Х. Курбатов

PERSONALIA

ХАМИЛЬ ИСЛАМОВИЧ ЯКУБОВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Научно-педагогическая и литературная общественность Узбекистана торжественно отметили семидесятилетие со дня рождения известного критика и литературоведа, заслуженного деятеля науки Узбекистана, лауреата Государственной премии Узбекской ССР им. Беруни, доктора филологических наук, профессора Хамиля Исламовича Якубова.

Х. И. Якубов родился в 1907 году в Ташкенте в семье дехканна-садовода. В 1925 году он оканчивает Педагогический техникум им. Навои. Поступив на биологический факультет САГУ (Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина), он одновременно преподает в начальной школе. С 1926 по 1928 год Х. И. Якубов — студент Педагогического института им. А. И. Герцена в Ленинграде, а с 1929 года учится в Плано-экономическом институте, который оканчивает в 1932 году.

Начало деятельности Х. И. Якубова как критика и литературоведа приходится на 30-е годы.

С 1934 года Х. И. Якубов — научный сотрудник Института языка и литературы Академии наук Узбекской ССР.

Начав свою литературоведческую деятельность рядом статей, посвященных произведениям узбекских писателей, Х. И. Якубов в 1943 году поступает в аспирантуру Института востоковедения Академии наук СССР. В 1944 году он был принят в члены Союза советских писателей СССР.

В 1948 году Х. И. Якубов защищает диссертацию «Турди и его литературная среда» на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В 1966 году он защитил докторскую диссертацию, посвященную анализу творчества Айбека, «Идейность и мастерство в творчестве Айбека».

Около полувека работает Х. И. Якубов в Институте языка и литературы Академии наук Узбекской ССР, где много лет возглавляет отдел узбекской советской литературы. Он является научным руководителем и основным автором двухтомных «Очерков истории узбекской советской литературы» и трехтомной (в четырех книгах) «Истории узбекской советской литературы».

Заслуживает быть отмеченной и педагогическая деятельность Х. И. Якубова. В 1929—1934 годах он преподает узбекский язык и литературу в различных учебных заведениях и вузах республики, принимает активное участие в создании целого ряда учебников, учебных программ и пособий.

Х. И. Якубовым подготовлена целая плеяда специалистов-литературоведов высокой квалификации. Под его научным руководством защищено много докторских и кандидатских диссертаций.

Научные интересы Х. И. Якубова широки и многогранны. Не замыкаясь в рамках одной только узбекской литературы, он ищет и находит типологические явления, связывающие различные национальные литературы. Перу Х. И. Якубова принадлежат работы по русской и западноевропейской ли-

тературам, статьи о Гоголе, Белинском, Шекспире, Сервантесе и др. Им переведен на узбекский язык ряд произведений классиков марксизма-ленинизма.

Х. И. Якубов является одним из самых квалифицированных знатоков узбекской классической и советской литературы, устного народного творчества.

Перу Х. И. Якубова принадлежат как научно-популярные брошюры и эссе, так и академически обстоятельные труды и монографии.

Ряд работ посвящен Х. И. Якубовым творчеству Навои, Бабура, Мукими, Хамзы, Гафура Гуляма, Хамида Алимджана, Абдуллы Каххара, Шарафа Рашидова, Уйгуна, М. Бабаева и других крупных поэтов и писателей. Значительную роль в развитии узбекского литературоведения сыграли его публикации: 40-х годов — «Захиритдин Мухаммад Бабур»; 50-х годов — «Узбекская литература в годы пятилеток, до Великой Отечественной войны», «Очерк жизни и творчества Гафура Гуляма», «Айбек»; 60-х годов — «Идейность и мастерство в лирике Айбека», «Мастерство писателя».

До работ Х. И. Якубова проблема лирического жанра в узбекском литературоведении не была научно разработана. Эта задача блистательно была разрешена им в монографии «Идейность и мастерство в лирике Айбека».

Интересны высказанные Х. И. Якубовым мысли и наблюдения о соотношении лирических и эпических компонентов, об элементах романтики и романтизма.

Творчеству Айбека Х. И. Якубовым посвящены десятки статей, брошюр и книг. В настоящее время Х. И. Якубов возглавляет работу по подготовке к изданию девятнадцатитомного академического собрания сочинений писателя, 12 томов из них уже вышли из печати.

В 1970 году был опубликован сборник литературно-критических статей Х. И. Якубова. Ученый участвовал в создании однотомной «Истории узбекской советской литературы» и «Истории многонациональной советской литературы», изданной в Москве. Литературно-критические и литературоведческие работы Х. И. Якубова известны и широкому кругу русских читателей.

Партия и правительство высоко оценили деятельность Х. И. Якубова, наградив его орденом «Знак Почета» и медалями, а также грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

Коллеги Х. И. Якубова желают ему долгих лет плодотворной творческой работы и создания новых ценных научно-теоретических исследований.

*К. Яшен, И. Султанов,
Х. Абдусаматов, У. Туйчиев*

ХРОНИКА

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА НАСИЛОВА

18 мая 1978 года в секторе тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР состоялось заседание, посвященное 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора Владимира Михайловича Насилова (1893—1970). В заседании приняли участие сотрудники сектора, коллеги и ученики покойного ученого из научно-исследовательских и учебных учреждений Москвы.

Заседание открыл вступительным словом заведующий сектором Э. Р. Тенишев, кратко осветивший научную и педагогическую деятельность Владимира Михайловича Насилова, представителя старшего поколения советских тюркологов, одного из первых в Советском Союзе исследователей уйгурского и узбекского языков. В. М. Насилов — автор первого, неоднократно переиздававшегося учебника уйгурского языка, а также «Грамматики уйгурского языка» (М., 1940), до сих пор не утратившей своего научного значения. В соавторстве с Н. А. Баскаковым им составлен «Уйгурско-русский словарь» (М., 1939), который позднее был положен в основу «Уйгурско-китайского словаря», изданного в Китае Бурханом Шахиди. В памяти многочисленных своих учеников и коллег Владимир Михайлович навсегда остался не только как ученый и педагог, но и как человек многосторонних интересов, влюбленный в искусство, музыку, в родную природу.

С сообщением о научно-исследовательской деятельности ученого выступила Г. Ф. Благова, отметившая, что В. М. Насилов вошел в советскую тюркологию в тот знаменательный для нее период, когда в стране широко развевывалось языковое и культурное строительство, а интенсивное развитие промышленности в прежде экономически отсталых районах Средней Азии ставило перед языковедами неотложные задачи по созданию производственной терминологии и подготовке грамотных специалистов — руководителей производства. Убежденный в том, что «лингвисты могут сделать большое дело в рационализации производства, путем принципиально и методически выработанной терминологии в рабочей среде», В. М. Насилов занимается, прежде всего, сбором и систематизацией терминов текстильного производства в узбекском и таджикском языках. Этому посвящена его первая публикация в журнале «Культура и письменность Востока» (1931, кн. 9, стр. 38—50).

Педагогическая деятельность В. М. Насилова, начавшаяся в 1924 году с преподавания узбекского и таджикского языков в ФЗУ при Зарайской текстильной фабрике «Красный Восток», была продолжена затем в Научно-исследовательском институте народов Востока и в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), где он вел занятия по уйгурскому языку. Внимание молодого ученого было направлено на решение актуальных практических задач культурного строительства. Им был в эти годы создан один из первых учебников уйгурского языка (в 2-х частях), который в дальнейшем неоднократно переиздавался стеклографическим путем (1933, 1935, 1940, 1949). Совместно с Н. А. Баскаковым В. М. Насиловым был составлен и издан массовый «Уйгурско-русский словарь» (М., 1939).

С этого периода уйгурский язык надолго стал для В. М. Насилова главным объектом исследования. В 1940 году им была издана «Грамматика уйгурского языка» с подробным описанием кашгарского диалекта, в которой им щедро приводились формы не только стандартизованного языка, но и разговорной речи, сводимые, как правило, в парадигматические ряды. Параллельно выходит в свет много статей В. М. Насилова по морфологии и синтаксису уйгурского языка.

С 1943 года В. М. Насилов совмещает преподавательскую работу в Московском институте востоковедения (МИВ) с преподаванием на кафедре тюркских языков филологического факультета Московского государственного университета. Это сразу сказалось на расширении диапазона его исследований, на постановке теоретически важных проблем. Через осмысление типологических черт уйгурского языка («Труды МИВ», 1946, № 3) ученый приходит к изучению тюркских языков в целом. Внимание В. М. Насилова привлекают различные категории глагола и имени — начиная от категории вида («Труды МИВ», 1947, № 4) и кончая «аффиксами включения» — как он именует падежные аффиксы, выступающие в глагольных именах в качестве «формантов подчинительной связи» (сб. «Вопросы языка и литературы стран Востока», М., 1958, стр. 42).

В. М. Насилов всегда живо интересовался историей тюркских языков. Начиная со второй половины 40-х годов, он вел в МГУ курсы по орхон-енисейской рунике и по

древнеуйгурскому языку. В работах периода 50-х годов ученый все чаще обращался к древнетюркскому материалу, к различным рода сопоставлениям с древнетюркскими формами. Три книги венчают собой эти давние интересы В. М. Насилова: «Язык орхон-енисейских памятников» (М., 1960), «Древнеуйгурский язык» (М., 1963) и посмертно изданный «Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв.» (М., 1974).

Монографическое описание языка древних и средневековых письменных памятников, способствовавшее накоплению фактических наблюдений, стимулировало рост интереса ученого к некоторым чисто грамматическим проблемам. В самые последние годы внимание В. М. Насилова привлекали особенности словообразования в языке древнетюркских памятников, а также глагольные имена в предикативной функции, рассматриваемые, в основном, на материале памятников. Эти работы остались незаконченными¹.

Советское правительство по достоинству оценило заслуги В. М. Насилова в области научно-исследовательской и педагогической деятельности, наградив его орденом Трудового Красного Знамени и присвоив ему звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

О педагогической деятельности ученого говорили на заседаниях многочисленных ученики и коллеги В. М. Насилова.

Заведующий кафедрой турецкого языка Московского государственного института международных отношений П. И. Кузнецов подробно остановился на педагогической деятельности В. М. Насилова в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) и раньше — в Московском институте востоковедения (МИВ), начавшейся с первой половины тридцатых годов, когда ученый заведовал кафедрой уйгурского языка. В 1954 году Московский институт востоковедения был расформирован, кафедра уйгурского языка реорганизована в кафедру турецкого, уйгурского и монгольского языков МГИМО.

Многочисленные студенты и аспиранты с благодарностью вспоминают своего учителя В. М. Насилова — требовательного, но всегда справедливого и доброжелательного. Одновременно с преподаванием В. М. Насилов уделял большое внимание исследовательской работе: писал учебные пособия, публиковал научные статьи в «Ученых записках» института и в других периодических изданиях, работал над научной грамматикой современного уйгурского языка, с которой он знакомил своих коллег, выступая с докладами на кафедре.

¹ Одна из этих работ — «Некоторые особенности словообразования в древнетюркских памятниках» печатается в настоящем номере журнала. (Прим. ред.)

Н. А. Баскаков рассказал о научной и педагогической деятельности В. М. Насилова в начале 30-х годов в Научно-исследовательском институте национальностей СССР при ЦИК СССР и КУТВ, где В. М. Насилов и Н. А. Баскаков работали в так называемой уйгурской бригаде, задачей которой было создание грамматики уйгурского языка и уйгурско-русского словаря. Они проводили большую работу по тематическому сбору материалов для первого уйгурско-русского словаря среди студентов, приехавших в СССР из Синьцзяна, и занимались разработкой принципов грамматики уйгурского языка. Н. А. Баскаков рассказал, каким разносторонне одаренным, талантливым человеком был Владимир Михайлович: пианист, поклонник музыкальной классики, искусный мастер цветной фотографии (а в те годы ею занимались немногие), прекрасный знаток садоводства, цветовод-профессионал, выводивший собственные сорта ирисов и других цветов.

Э. А. Грунина поделилась с присутствующими воспоминаниями о преподавательской деятельности В. М. Насилова на кафедре тюркской филологии Московского государственного университета. В 1943 году Н. К. Дмитриев, создавший кафедру, пригласил на работу В. М. Насилова, заведовавшего этой кафедрой с конца 1954 года до последних дней своей жизни. В. М. Насилов вел занятия по грамматике узбекского и современного уйгурского языков, читал курсы лекций по исторической тюркологии, подкрепляя их практическими занятиями по древнеуйгурскому языку и по языку орхон-енисейских памятников.

Многие научные работники и педагоги Москвы, Ленинграда, ряда тюркоязычных республик Советского Союза до сих пор с глубокой благодарностью вспоминают о своем учителе Владимире Михайловиче Насилове, представлявшем студентам и аспирантам, заслужившим его доверие, большую свободу в творческих поисках и остававшегося при этом требовательным педагогом и обаятельным человеком, обладающим чувством тонкого юмора, любящим шутку.

Заведующий кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ С. А. Соколов говорил о В. М. Насилове как о большом ученом, интересном, ярком человеке, для которого была характерна простота в общении как с коллегами, так и с учениками.

На заседании с воспоминаниями о Владимире Михайловиче Насилове выступили также К. М. Мусаев, Н. З. Гаджиева, А. А. Юлдашев, Л. С. Левитская, Ф. Д. Ашнин, Е. А. Поцелуевский. Каждый из выступавших вносил новый штрих в коллективный портрет ученого и человека, хотя и ушедшего от нас, но продолжающего жить в нашей благодарной памяти.

Л. Г. Офросимова-Серова

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- В. М. Насилов* (Ленинград). Некоторые особенности словообразования в древне-тюркских памятниках 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Л. Г. Тимонина* (Таганрог). Тюркские заимствования в коттском языке 7

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- Е. И. Маштакова* (Москва). Проблемы турецкой средневековой литературы в советской тюркологии 14

ОНОМАСТИКА

- Г. Ф. Саттаров* (Казань). Татарская антропотопонимия и этнолингвистические связи 22

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- К. М. Мусаев* (Москва). Основные проблемы изучения лексики тюркских языков 33
М. З. Закиев (Казань). Об этнониме «мишар» и происхождении мишарей 42

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- А. Б. Абдуллаев* (Бухара). К отграничению конструкций с прямой речью от сложных предложений в узбекском языке 50
Т. А. Эфендиева (Баку). Стилистические неологизмы — художественно-выразительные средства языка 56
А. Ахундов (Баку). Названия частей тела человека, оканчивающиеся на -z в азербайджанском языке 70
Э. А. Умаров (Ташкент). О «неизвестном» слове sap 'качество' 76
Р. А. Аганин (Москва). Турецкая лексикография в СССР (1917—1977) 80

РЕЦЕНЗИИ

- И. М. Отаров* (Нальчик). «Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис» 95
К. З. Зиннатуллина, Р. А. Юсупов (Казань). *М. З. Зәкиев. Татар халкы теленең барлыкка килүе* 97
Н. Демесинова, А. Джунусбеков (Алма-Ата). *Қ. Неталиева. Қазақ тілінің орфоэпиялық сөздігі* 100
Р. Дж. Вахидов, Х. Г. Нигматов, О. Т. Сафаров (Бухара). *Т. Қораев. Хиромий. (Ҳаёти ва ижоди)* 102
И. Г. Добродомов (Москва). *Gunnar Jarng, Gustaf Raquette and Qassim Akhun's Letters to Kamil Efendi* 104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Х. Курбатов* (Казань). «О языке и стиле современной татарской художественной литературы» 105

PERSONALIA

- К. Яшен, И. Султанов, Х. Абдусаматов, У. Туйчиев* (Ташкент). *Хамиль Исламович Якубов* 107

ХРОНИКА

- Л. Г. Офросимова-Серова* (Москва). Памяти Владимира Михайловича Насилова 109

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- V. M. Nasilov (Leningrad). Some peculiarities of word-formation in ancient Turkic manuscripts 3

LANGUAGES IN CONTACT

- L. G. Timonina (Taganrog). Turkic borrowings in the Kottish language . . . 7

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

- E. I. Mashtakova (Moscow). Problems of Turkish medieval literature in Soviet Turkology 14

ONOMASTICS

- G. F. Sattarov (Kazan). The Tatar anthroponymy and ethnolinguistic connections 22

DISCUSSIONS

- K. M. Musayev (Moscow). The main problems of study of the Turkic languages vocabulary 33
M. Z. Zakiyev (Kazan). On the ethnonym «mishar» and the origin of mishars . 42

REPORTS, SURVEYS

- A. B. Abdullayev (Bukhara). Towards differentiation of constructions with direct speech from complex sentences in the Uzbek language 50
T. A. Efendiyeva (Baku). Stylistic neologisms as artistically expressive means of language 56
A. Akhundov (Baku). The names of parts of human body ending by -z in the Azerbaijani language 70
E. A. Umarov (Tashkent). On «unknown» word san 'quality' 76
R. A. Aganin (Moscow). Turkish lexicography in the USSR (1917—1977) . . . 80

REVIEWS

- I. M. Otarov (Nalchik). «Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис» 95
K. Z. Zinnatullina, R. A. Yusupov (Kazan). М. З. Зәкиев. Татар халкы телендә барлыкка килүе 97
N. Demesinova, A. Dzhunusbekov (Alma-Ata). Қ. Негалиева. Қазақ тілінің орфоэпиялық сөздігі 100
R. Dzh. Vakhidov, Kh. G. Nigmatov, O. T. Safarov (Bukhara). Т. Қораев. Хиромий (Ҳаёти ва нжоди) 102
I. G. Dobrodomov (Moscow). Gunnar Jarring. Gustaf Raquette and Qassim Akhun's Letters to Kamil Efendi 104

SCIENTIFIC LIFE

- Kh. Kurbatov (Kazan). «On language and style of modern Tatar fiction» . . . 105

PERSONALIA

- K. Yashen, I. Sultanov, Kh. Abdusamatov, U. Tuichiyev (Tashkent). Hamil Islamovich Yakubov 107

CHRONICLE

- L. G. Ofrosimova-Serova (Moscow). Commemorating Vladimir Mikhailovich Nasilov 109